

Казиміръ Тетмайеръ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ.

ВТОРОЙ ТОМЪ.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач. _____

843
Т37

29219

Тетмайер К.	Собра-
ние	сочинений. - Т 2

З ТМО Т. 5000000 З. 122

014

29219

КАЗИМІРЪ ТЕТМАЙЕРЪ.

КАЗИМІРЪ ТЕТМАЙЕРЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ II.

ИЗДАНИЕ В. М. САБЛИНА.

84,3
Т 37

КАЗИМІРЪ ТЕТМАЙЕРЪ:

ГИБЕЛЬ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ „АНГЕЛА СМЕРТИ“.

ПЕРЕВОДЪ В. ВЫСОЦКАГО.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА. — 1911.

29219

Областная
школьная
библиотека
Свердловск

Читальный зал

ТИПОГРАФИЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1911.

ГИБЕЛЬ.

I.

Небо тихое, голубое...

Вотъ я простая, обыкновенная дѣвушка смотрю на тебя, и кажется мнѣ, что я могу говорить съ тобою...

Ты свѣтишь надъ деревьями, и ясныя, бѣлыя тучки плывутъ по тебѣ...

Плывутъ и исчезаютъ...

И снова собираются, невѣдомо откуда, ясныя, бѣлыя, золотистыя...

Буду я счастлива?

Плывутъ мысли о счастьѣ — плывутъ и исчезаютъ...

И снова собираются невѣдомо откуда, ясныя, золотистыя...

Буду я счастлива?

Прійдетъ ли какой-нибудь сказочный царевичъ, какой-нибудь волшебный принцъ?

Сложитъ ли онъ золотую корону къ моимъ ногамъ, упадетъ ли къ моимъ стопамъ его стальной мечъ?..

Когда заря едва цвѣты разбудить,
Кто броситъ мѣръ своихъ волшебныхъ сновъ,
Кто въ ранній часъ ходить по парку будетъ,
Какъ кастеляна дочь, цвѣтокъ среди цвѣтовъ...

Я старосвѣтская дѣвушка. Пою пѣсенки прабабушекъ и мечтаю о волшебныхъ принцахъ.

Старая, старая пѣсенка...

Тихое, голубое, дорогое небо Ополя, ты такъ спокойно разстилается надо мной, ворожишь ли мнѣ ты такую же тихую, спокойную жизнь, вышитую золотыми облаками?..

Теперь, когда я кладу голову на эти луговые цвѣты, когда пахнутъ наши розы, когда солнце такъ ярко свѣтитъ мнѣ прямо въ глаза, мѣръ кажется мнѣ такимъ вѣрнымъ, такимъ безопаснымъ...

Вдали шумитъ потокъ... Странно... я никогда не испытывала такого ощущенія... словно жизнь моя течетъ тамъ предо мною...

Я вслушиваюсь — тайна...

И кажется мнѣ, что течетъ день за днемъ, часъ за часомъ...

Что будетъ?..

Прійдетъ ли сказочный царевичъ въ образѣ субъекта съ воротникомъ до ушей, съ проборомъ, во всю голову, не вскружитъ ли онъ мнѣ голову, не превратитъ ли меня въ какую-нибудь надутую, разряженную, напыщенную графиню, предѣдательницу общества сбора пожертвованій для бѣдныхъ папуасовъ и устроительницу баловъ въ пользу приюта падшихъ ма-

терей въ департаментѣ нижней Сены? Нѣтъ! Этого вѣрно не будетъ!

Небо тихое, голубое, дорогое опольское небо!

Для кого я тутъ родилась? Для кого тутъ росла? Для...

Для кого у меня такіе прекрасные глаза, продолговатые, какъ сливы, сладкіе, какъ финики, для кого этотъ прекрасный аристократическій, римскій носъ горбинкой, для кого эти прекрасныя, гранатныя губы?

Я смѣюсь, но хочется плакать...

Пропросту мнѣ слишкомъ хорошо на свѣтѣ...

Я предпочла бы остаться тутъ, чѣмъ ѣхать осенью въ Варшаву... Дражайшая тетушка Вычевская... «*Ma chère Thérèse*»... конечно, какъ же можно начать письмо не по-французски? «Тебѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ, веселилась ты достаточно, пора тебѣ замужъ. Пышная зима въ Варшавѣ обѣщаетъ быть прекрасной». — Будутъ куклы въ полоски, въ клѣтки и куклы въ цвѣточки. Интересно знать, — такія ли, какъ наши провинціальныя куклы въ полоски, куклы въ клѣтки и куклы въ цвѣточки?... Мнѣ девятнадцать лѣтъ; значить, по мнѣнію тети, мнѣ слѣдуетъ какъ можно скорѣе осчастливить своей рукой одну изъ такихъ куколъ, чтобы не пріѣсться... «*N'oubliez pas, chérie, что барышня, которая выѣзжаетъ больше, чѣмъ два карнавала, можетъ пріѣсться*»... Нѣтъ! Да чортъ побери! Барышня — то же, что пакидка или шляпка, если можетъ пріѣдаться. Пріѣмся я или не пріѣмся, но я выйду замужъ только тогда, когда захочу и за кого захочу...

Мнѣ спокойно, тихо, свободно. Мнѣ нуженъ былъ какой-нибудь внѣшній толчокъ для новой работы, и онъ у меня есть. Я опять началъ писать и лѣпить. Теижелъ былъ бы доволенъ.

Мнѣ совсѣмъ спокойно. Сонъ кончился, и все исчезло — прошло.

Тереза... какой-то далекій, далекій звукъ... Глаза!.. Какіе у нея были глаза? Не особенно большіе, голубые?..

Я почти не помню.

Продолговатое лицо съ чудной линіей овала; блѣдное, монотоннаго, чрезвычайно благороднаго цвѣта, почти одного тона на щекахъ и по лбу. Римскій носъ, красивый. Ротъ не особенно узкій и не особенно миниатюрный. Высокая, стройная, медленная и какъ бы лѣнивая въ движеніяхъ; все въ ней было точно у лебедя на водѣ, точно у еловой вѣтви, колеблемой вѣтромъ. Она была прекрасна.

И эта улыбка... Эта улыбка, которая «можетъ грезиться даже въ могилѣ»... Эта улыбка съ такой невыразимой прелестью и очарованьемъ, какъ невыразимы на разсвѣтѣ прелесть и очарованіе солнечнаго блеска въ водѣ. Что-то такое, передъ чѣмъ можно стоять, какъ передъ цвѣткомъ. Эта улыбка всю ее заслоняетъ, за ней она исчезаетъ со всей своей душой, со всѣмъ своимъ умомъ, со всѣмъ, что въ ней есть; внѣ ея ничто не можетъ быть интересно, внѣ ея ничего не требуется, ничего не хочешь, ничего не помнишь. «Она можетъ грезиться даже въ могилѣ»...

Въ глазахъ у меня потемнѣло, и я вижу ее, какъ сквозь туманъ, но улыбка ея блеститъ передъ моими глазами, точно прильнула къ моимъ зрачкамъ.

Ее хотятъ выдать замужъ. Хорошо.

Когда я это услышалъ? Вчера? Или годъ назадъ?

Когда же оборвался вдругъ и исчезъ этотъ «новый сонъ»? Я былъ совершенно мертвымъ. Ожилъ. Мнѣ казалось, что начинается новая жизнь, *vita nuova*.

Я снова сталъ молодъ, снова пересталъ думать о смерти и сталъ думать о жизни. Снова я захотѣлъ жить? Захотѣлъ? Нѣтъ, — я долженъ былъ жить. Я хотѣлъ жить, не по принужденію, не оттого, что родился и живу, а отъ жажды жизни. Ради нея, черезъ нее... Съ нею... Я зналъ, что этого не будетъ, но такой сладкой, такой дорогой была для меня мысль, мечта о ней...

Кто-то сказалъ вчера мимоходомъ, что графиню Морскую хотятъ выдать замужъ, и сразу все рухнуло, или, вѣрнѣе, не рухнуло ни одинъ фактъ, не рухнуло даже мое собственное воображеніе, а рухнуло только мой сонъ, моя мысль, бродившая въ головѣ помимо моей воли, помимо содѣйствія моего мозга. Все рухнуло, и осталось только то, въ чемъ, видно, единственная цѣль, единственная участь моей жизни: писать и рѣзать мраморъ.

Какъ человѣкъ глупъ! Вѣдь я прекрасно зналъ, что барышню хотятъ выдать замужъ, что Терезу для этого и привезли въ Варшаву и что она сама тоже ничего другого не хочетъ; я прекрасно это зналъ, но

зналъ такъ, словно не зналъ совсѣмъ! Только тогда, когда это ясно, слово за словомъ, буква за буквой прозвучало въ устахъ, — только съ тѣхъ поръ я знаю.

Пріятно, должно быть, то чувство, когда осужденному на смерть, слово за словомъ, букву за буквой прочитаютъ приговоръ.

Выйдетъ замужъ. Развѣ съ первой минуты, когда я узналъ о ея существованіи, я не зналъ этого?

Мнѣ тихо и спокойно. Что-то стало пробуждаться во мнѣ, срываться и погасло вновь — отъ одного слова.

Я чувствую только толчокъ къ работѣ.

Дрогнуло что-то во мнѣ, точно отъ легкаго землетрясенія. Я перехожу отъ Терезы къ порядку дня, хотя какой-то дождь сполоснулъ меня. И это хорошо.

Хорошо, — но только я опять не хочу жить, я лишь долженъ жить, только снова жизнь моя проходить и не по моей волѣ и не противъ моей воли, а только потому, что я существую и слишкомъ, слишкомъ мала во мнѣ энергія нежеланія жить... Я живу... нѣтъ, опять-таки нѣтъ: я хочу жить.

Тереза... Далекій, далекій звукъ... Какое-то чуждое мнѣ имя... Странно, что звуковое воплощеніе моей собственной мысли совершенно чужимъ голосомъ можетъ дѣйствовать такъ, словно я узналъ, что-то совсѣмъ новое и словно я ни разу не думалъ раньше именно того, что говорилъ этотъ голосъ. Одинокая мысль человека часто бываетъ похожа на разсужденіе того, кто идетъ по узкому мостику и знаетъ, что онъ упа

дѣтъ въ воду, — и прежде, чѣмъ упасть — и послѣ того, какъ выльзъ изъ воды. Одно — теоретическое сознаніе, что ногамъ можетъ быть холодно, сознаніе, какъ холодно можетъ быть ногамъ (теоретическое воспоминаніе этого факта), и совсѣмъ другое — сознательная мысль, что холодно въ данную минуту.

У меня въ рукахъ были орѣхъ: Тереза должна выйти замужъ. Но кто-то другой долженъ былъ сперва расколоть мнѣ скорлупу и положить въ ротъ зерно.

Не знаю почему мнѣ теперь приходитъ на умъ Юрій. Истерзался онъ, истомился въ жизни, искалъ счастья и нашелъ его. А только лишь нашелъ, какъ около него сейчасъ же стала бродить смерть. Если онъ теперь умретъ, то умретъ съ полнымъ сознаніемъ того, что значить счастье... Не знаю, какая смерть хуже?...

Сказать всему: никогда.

Прежде это слово открывало бездну передъ моими глазами, но я любилъ его. Въ немъ была для меня такая мелодія, какой не даетъ ни одно другое слово въ мірѣ. Если у кого-нибудь есть склонность къ тоскѣ, то онъ долженъ любить слово: никогда. Но со временемъ все становится повседневнымъ, слухъ ко всему привыкаетъ. Человѣкъ столько разъ спрашиваетъ: буду ли я счастливъ? и столько разъ черный воронъ Эдгара По отвѣчаетъ ему «никогда», что въ концѣ концовъ онъ дѣлается равнодушнымъ ко всему. Жизнь, смерть, счастье, — «все это уже было».

Однако, что-то дрогнуло во мнѣ, какія-то подземныя залежи, жаждущія счастья. Какъ земля подъ снѣгомъ,

дремлетъ въ человѣкѣ способность жаждать счастья. Первое солнце, первый дождь, и разольется половодье тоски. Я думаю, что такъ бываетъ до самаго конца; точь въ точь какъ пашня, которую обрабатываютъ все меньше и меньше, которая истощается родами— и въ концѣ концовъ выходитъ изъ-подъ снѣга бесплодной сухой пустошью.

Странно, какъ женщина можетъ потрясти человѣка. Я палъ уже такъ, что жизнь вела меня сама, я былъ въ ея рукахъ; теперь я опять хотѣлъ бы творить жизнь, не быть управляемымъ ею, а самому управлять ей.

Тереза!

Какой далекій, далекій звукъ... У нея голубые, продолговатые глаза, римскій носъ, очень бѣлая шея и руки,—она похожа на классическую статую...

Она высокая, стройная...

И подумаешь, что это то же самое, какъ все онѣ— подумаешь, хотя бы потому, что я такъ красиво, такъ какъ-то скульптурно думалъ о ней...

Но неужели «книга моей жизни» не закрыта? Неужели я ошибался тамъ, надъ моремъ, неужели ошибалась та женщина, съ которой мы разставались, чувствуя, будто книга нашей жизни закрыта и не осталось ничего, какъ только доживать жизнь, вспоминать, если воспоминанія чего-нибудь стоятъ, и умереть?

А пока ничто ни рушится къ моимъ ногамъ. Время прошло, прошло и сдѣлало свое.

Руки мои поднимаются вверхъ и поднимаютъ новыя, громадныя глыбы мрамора. Вотъ тамъ лежитъ Наполе-

опъ, прикрытый плащомъ Маренго, мертвый, а надъ его головой гигантскіе призраки человѣческаго горя: Тревога, Отчаяніе и Скорбь въ борьбѣ со Славой, которая набрасывается съ поднятыми кулаками на ихъ безобразныя лица.

Громадныя фигуры съ мускулами, какъ у извانیи Микель Анджело, съ такимъ чудовищнымъ выраженіемъ лица, какъ у борющихся центавровъ Бёклина. А надо всё это Смерть, такая спокойная, такая тихая, какъ лицо умершаго Наполеона: она скрестила на груди руки, въ длинномъ одѣяніи, не глядитъ ни на что, не видитъ ничего. Смерть, «которая дѣлаетъ свое»... И со мной также она сдѣлаетъ свое...

Я высѣку также изъ мрамора фигуру человѣка, который уставился глазами на собственныя ноги и смотритъ въ бездонную пустоту своего одиночества.

Пусть это будетъ самой грустной скульптурой въ мірѣ и самымъ лирическимъ изваяніемъ моей души...

Тереза... Далекій, далекій звукъ...

Если бы ты меня любила?

Если бы ты меня любила, я бы взялъ твои бѣлыя руки и долго, долго смотрѣлъ бы тебѣ въ глаза, какъ въ одинокую пустыню моей жизни, я ушелъ бы въ глаза твои, далеко, далеко...

Прошелъ бы часъ, прошла бы недѣля, прошелъ бы годъ, быть можетъ, прошла бы цѣлая жизнь, а я все глядѣлъ бы въ твои глаза. Миѣ прежде всего нужно отвести глаза отъ собственныхъ ногъ и въ чьихъ-то глазахъ утонуть навѣки...

Что онъ дѣлаетъ теперь въ эту минуту? Что онъ дѣлаетъ? Боже мой! Не будь я графиней Терезой Морской, не будь я барышней изъ общества, будь я простой деревенской дѣвушкой или швеей съ четвертаго этажа, я бы просто пошла къ нему сію минуту, постучала бы въ дверь и сказала ему: ты такъ грустенъ, такъ грустно смотришь на меня, чего тебѣ отъ меня нужно? Что хорошаго могу сдѣлать для тебя?

А если бы... если бы онъ сказалъ мнѣ, что любить меня?..

Нѣтъ, этого бы онъ не сказалъ... онъ меня не любить... Ну, а если бы онъ это сказалъ?..

Что бы ты тогда сдѣлала, Тереза?

Если бы онъ взялъ тебя за обѣ руки сильно, глубоко, если бы онъ сжалъ твои руки и сказалъ бы мягко, тихо, почти шопотомъ, но внятно, увѣренно и сильно: «я люблю тебя»... Что бы ты сдѣлала тогда, Тереза?

Ты бы сильно поблѣднѣла и ничего не отвѣтила... но руки твои остались бы безсильными въ его рукахъ, а если бы онъ потянулъ тебя къ себѣ мягко, ласково, но сильно и увѣренно, ты бы наклонилась къ нему, и если бы онъ обнялъ тебя, то ты бы не защищалась, и если бы онъ прильнулъ губами къ твоимъ губамъ, ты бы закрыла глаза и позволила бы ему поцѣловать себя и отдала бы ему поцѣлуй... А если бы онъ спросилъ тебя: «ты любишь?»—то ты отвѣтила бы: не знаю... Тогда... да...

...Вѣдь ты обрати вниманіе на то, что вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ ты ни о комъ другомъ и ни

о чемъ другомъ не думаешь. Съ той минуты, какъ вы встрѣтились, ты не думаешь ни о комъ другомъ. Такъ оно и есть. Это правда. Нѣтъ... я не влюблена въ него, но я не думаю ни о комъ другомъ, ни о чемъ другомъ. Не знаю...

Онъ совсѣмъ не такой, какъ другіе. Вѣдь въ его стальныхъ глазахъ есть душа, та душа, которую я напрасно ищу вокругъ себя. Онъ извѣстенъ, говорятъ, что онъ гениальный художникъ,—все это такъ, но это не то.

О немъ рассказываютъ исторіи — и это не то. Не то меня манитъ въ немъ. Какая-то душа сидитъ въ его глазахъ, душа, то, чего я напрасно искала вокругъ себя.

Да, Тереза, будь откровенна: тебя въ Романѣ Рдзавичѣ больше всего манитъ то, что онъ къ тебѣ «немиловѣдъ», когда вы встрѣчаетесь....

Тебѣ это льститъ? Ну да... Ты не барышня изъ высшаго свѣта, но все-таки ты сама графиня и не кака-нибудь идиотообразная выскочка, чтобы тебѣ могло льстить вниманіе графа Кмита, Гурко или Тенчинскаго, князей Норыцкихъ, Заславскихъ или Корецкихъ; но то, что тебя ищетъ великій художникъ, это тебя отличаетъ и отличаетъ иначе, чѣмъ вниманіе твоихъ поклонниковъ. Да, но будемъ откровенны, не надо цѣнить себя ниже цѣны. Тебѣ это льститъ немного... но зато тебя очень прельщаетъ душа, которую ты видишь въ стальныхъ глазахъ этого человѣка. Душа, внутренней жизнью оторванная отъ міра, душа, что говоритъ каждымъ

взглядомъ: я тоскую, жажду, ищу... Ахъ! И я ищу... вѣдь и я чего-то хочу, чего-то жажду, чего-то другого, чѣмъ то, что есть у меня.

«Несчастье Терезы въ томъ, что она не такая, какъ другія», — сказала тетушка Вычевская и хорошо сказала. Я иная. Знаю это, чувствую это. Я иная и хочу чего-то иного, чѣмъ то, что у меня есть.

Что же у меня есть?

Ну, прежде всего, графскій титуль, безъ гетмановъ, безъ канцлеровъ, даже безъ воеводъ, съ однимъ только епископомъ и тремя кастелянами въ роду, — но онъ все же у меня есть. Красота. Да. Я красива, и мнѣ нечего скрывать это отъ себя; впрочемъ это дѣло вкуса, можетъ быть, я нравлюсь больше, чѣмъ красавица Бася Заславская или Ольга Кмита, даже больше, чѣмъ знаменитая Ванда Польковская или m-lle Шмидъ. Что же у меня есть еще? Хорошая фигура, связи и родство. Приданое, положимъ, небольшое: какія-нибудь сто пятьдесятъ тысячъ марокъ, но въ концѣ концовъ и съ этимъ жить можно. Насъ много: три сына, три дочери. Это приданое — моя слабая сторона.

Каждый изъ мальчиковъ получить по шестисотъ тысячъ, Эмилія въ монастырѣ, а младшія дочери должны хорошо выйти замужъ, такъ говоритъ папа. Хорошо — это значить: богато. Прежде всего богато. О, вамъ не терпится! Вамъ не терпится, графъ папа Морскій, мама Морская, сестра Эмилія, всѣ тетушки Вычевскія и весь міръ, заставить меня выйти замужъ противъ моей воли и не такъ, какъ мнѣ будетъ угодно. Не терпится вамъ!

Если бы Цеся была больше, если бы она была старше меня! Если бь она была хоть барышней, такой, какъ я! Она-то выйдетъ за того, кого ей покажутъ. Именно: — «твоя сестра Цеся не глуна, Цеся знаетъ, чего ейждать» — говоритъ тетка Вычевская. Дѣйстви-тельно, Цесѣ четырнадцать лѣтъ, но она отлично зна-етъ уже теперь, чего ей желать въ будущемъ. «Я выйду замужъ за кого-нибудь, лишь бы скорѣе, лишь бы лучше въ смыслѣ общественнаго и матеріальнаго положенія, а потомъ буду дѣлать, что мнѣ будетъ угодно», — гово-ритъ она.

Она знаетъ, чего хочетъ.

А я «не знаю», я «иная»; на изысканномъ языкѣ тети Вычевской это значить: я глуна. Я глуна и не знаю, чего хочу?.. Души! души! души хочу, человѣче-ской души хочу, человѣка хочу! Я хочу, чтобы меня любилъ человѣкъ и чтобы я любила человѣка! Я не кукла, я не золотой мѣшокъ. Я женщина съ голо-вой, съ сердцемъ, съ душой внутри, и того же я хочу въ мужчиѣ. Я ищу этого, я этого жажду, я этого тре-бую и объ этомъ тоскую. Души хочу!

Она у него есть. Онъ извѣстенъ: это для Миты Тенчинской. У него были романтическія исторіи: это для Баси. Онѣ бы разорвали пополамъ Габріэля д'Аннуцио, если бы могли. Онъ и знаменитъ и славенъ. Это не для меня. Его стальные, грустные, гордые глаза болѣе аристократичны, чѣмъ глаза всѣхъ Кмитовъ, Гурко, Заславскихъ вмѣстѣ взятыхъ: это для меня. Глаза, въ которыхъ живетъ Царь Духа, великій аристо-

кратъ мозга, потомокъ великихъ людей, не гетмановъ, не воеводъ, которые командовали арміями или полками, а тѣхъ людей, которые вели куда-то все человѣчество, вели въ какіе-то новые, невѣдомые міры, волшебной силой призванные къ жизни изъ небытія. Потомокъ творцовъ, созидателей. Фидій и Пракситель, Микель Анджело и Тиціанъ, — вотъ его предки. Онъ родомъ изъ такой аристократіи.

Папа и мама Морскіе, тетка Вычевская и весь міръ, имѣю честь заявить вамъ, что для васъ было бы великой честью, если бы потомокъ такой аристократіи со-благоволить просить руки Терезы Морской. Вы встали бы на дыбы? Что? Простите меня, но я прошу васъ самымъ сильнымъ, самымъ послушнымъ, самымъ покорнымъ образомъ, я васъ очень люблю, люблю больше жизни, — папа, мама, не сердитесь, но, но... — Боже мой! Какъ мнѣ думать? Боже, не карай меня!.. Вы, — вы также бываете, нѣтъ, но иногда бываете — иными...

Ничего... — одно лишь то, одно то, что говорили о ея замужествѣ... Она перестала существовать для меня

Я снова господинъ своего я, господинъ своей воли, своего времени, своего движенія, своей руки и своего мрамора.

Одно лишь то, что я самъ отлично зналъ, о чемъ мнѣ надо было сказать.

Боже! какъ однако пусто въ моей мастерской, какъ грустно... Эта дѣвушка, которая тутъ никогда не была, наполняла ее всѣмъ своимъ существомъ, своимъ тѣ-

ломъ, своимъ духомъ... Чьи руки косались тебя, холодный мраморъ?.. Ея... Чьи глаза смотрѣли на тебя, мертвое лицо Наполеона?.. Ея... Кто былъ моимъ вдохновеніемъ?.. Она... Входила сюда вмѣстѣ со мною и выходила вмѣстѣ со мною. Ты не знаешь, что ты всегда была тутъ, что ты стояла и слѣдила за моей работой. А теперь какъ пусто безъ тебя...

Такъ пусто безъ мысли о ней.

Такой желанный, такой неизбѣжный фактъ...

Что собственно случилось?

А то, что я, — да, это было безуміе, безуміе и больше ничего, — то, что я, замкнувшись внутри своихъ стѣнъ, среди своихъ статуй, въ одиночествѣ своей души, подъ щитомъ моей гордости и моего самолюбія, думалъ о ней, какъ о женщицѣ, которая могла бы быть моей женой.

Я думалъ о ней, какъ объ оторванной отъ жизни, оторванной отъ всего, какъ о такой, какой бы я ее воздалъ для себя, если бы могъ, какой бы я ее вылѣпилъ и оживилъ, если бы это было въ моей власти.

Проклятое воображеніе! Всю жизнь оно выводитъ меня на призрачныя выси и открываетъ подъ ногами реальныя бездны...

Придетъ ли онъ на сегодняшній рауть?

Онъ знаетъ, что я тамъ буду. Да, но какое ему дѣло до этого?..

Какое дѣло этому человѣку, живущему въ фантастическомъ мірѣ своего воображенія, котораго, вѣрно,

вдохновляютъ какія-нибудь Аспазіи, какое ему дѣло до какой-то графини Терезы Морской. Онъ будетъ смотрѣть на меня, потому что я красива. Пожалуй, скажетъ, что я была бы хорошей натурщицей...

Какое ему до меня дѣло? Несомнѣнно я ему «ничего не говорю» собой.

Что дѣлать, что дѣлать, Тереза, согласиись: ты создана для пановъ Порыцкихъ и Заславскихъ, для Кмитовъ и Гурко — въ клѣтки, въ полоски и въ цвѣточки. Это твоя судьба, твой рокъ, задача твоей жизни. Ты умножишь одно изъ такихъ извѣстныхъ семействъ, ты не допустишь до вымиранія одинъ изъ такихъ благородныхъ родовъ, ты исполнишь свое призваніе и то, чего отъ тебя хочетъ Богъ и чего ждуть отъ тебя люди, — и послѣ продолжительной жизни ляжешь на вѣчный покой, какъ настоящая матрона, извѣстная своими добродѣтелями и своей набожностью. И повезутъ тебя на мѣсто вѣчнаго покоя огорченные дѣти, внуки и правнуки, ибо ты будешь долго жить: ты чтила отца и мать свою и блаженна ты, какъ простая сердцемъ и нищая духомъ.

Тѣмъ временемъ Романъ Рдзавичъ будетъ громоздить мраморъ на мраморъ, и разныя Аспазіи, черныя и бѣлыя, рыжія и зеленыя, католическія, евангелическія и еврейскія будутъ ползать у его ногъ питаться обломками его гипса и въ безнадежной любви пронзять грудь рѣзцами для отдѣлки глазъ въ статуяхъ.

Пожалуй, найдется какая-нибудь простая бѣдная дѣ

вушка съ лицомъ весенняго цвѣтка, и съ душой весенняго цвѣтка...

А у тебя, Тереза, развѣ лицо, не какъ весенній цвѣтокъ и душа, не какъ весенній цвѣтокъ?..

Пожалуй, найдется какая-нибудь простая, бѣдная дѣвушка съ лицомъ и душой весенняго цвѣтка, и полюбить этого человѣка и будетъ любима имъ, и будутъ они любить другъ друга и будутъ счастливы — и будутъ у нихъ дѣти, которыя будутъ визжать у нихъ надъ головой, и Романъ Рдзавичъ будетъ швырять въ бѣшенствѣ свой рѣзецъ и свои кисти, которыя будутъ попадать въ кадку съ грязнымъ бѣльемъ, стоящую у его ногъ въ мастерской, и кухарка будетъ ссориться съ пани Рдзавичъ изъ-за двухъ конеекъ, и будетъ длинное совѣщаніе о томъ, что лучше: подать ли къ котлетамъ рѣпу или морковь? Дѣтей будетъ все больше и больше, пеленочки будутъ сушиться на мольбертахъ, и будетъ грязная, красная мамка...

Что? Ты плачешь, Тереза? Не плачешь, но у тебя мокрые глаза?...

Мой дорогой добрый ребенокъ, не сердись! Видишь ли, графская дочь, будущая миллионерша, у которой пятнадцать комнатъ или двадцать комнатъ, смѣется надъ тобой, смѣется надъ твоимъ лицомъ, какъ весенній цвѣтокъ, и надъ твоей любовью, что все возвыситъ, все освятитъ, все украситъ и озаритъ красотой. Видишь ли, графиня Морская, та, которая ѣздитъ въ каретѣ,

запряженной прекрасными, бѣлыми лошадьми, смѣется надъ тобой, такъ какъ она богата, знатна, такъ какъ она принадлежитъ къ высшему обществу, такъ какъ она — его сливки, его кремъ, такъ какъ у нея лицо и душа, какъ весенній цвѣтокъ, такъ какъ...

Опять у тебя мокрые глаза, Тереза?

Фи, стыдись! У княжны Изы Заславской треснула ключица, когда она упала съ лошади, и она не плакала, пока ей перевязывали руку.

Придетъ ли онъ на раутъ, или нѣтъ? Да, да, онъ смотреть на меня, смотреть на меня вездѣ, гдѣ меня ни увидить, но могу ли я, шутъ меня побери, знать, правлось ли я ему, или ему правится только моя правильная, породистая мордочка, правится, какъ художественный рисунокъ? Если я ему правлось, то онъ придетъ.

А если бы... а если бы вырѣзать буквы изъ «Курьера» и сложить ихъ такъ:

«Приходи на раутъ. Тебя просить объ этомъ, — ну, кто? Аристократическая финтифлюшка, которая хочетъ украдкой смотрѣть въ твои глаза, хочетъ больше даже: чтобы ты на нее смотрѣлъ, чтобы она чувствовала твои стальные глаза на своихъ волосахъ (они у нея красивы, — правда?) на своемъ лицѣ, на своей шеѣ, на своихъ плечахъ...

Ухъ! какъ тебѣ жарко стало, Тереза...

Итти или не итти? Это просто безуміе. Вѣдь я знаю, что между мною и ею никогда ничего не будетъ,

а тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что мнѣ незачѣмъ теперь встрѣчаться съ нею. Значить, да, значить во мнѣ все-таки была какая-то скрытая надежда, или вѣра въ чудо, въ возможность, въ возможность чуда...

А я пойду, пожалуй... Это неправда, будто бы я не живу ею... Я тоскую по ней... Попросту, попросту тоскую, какъ тоскуешь по женщинѣ, которая заняла тебя собой. Я вижу это ясно.

Ахъ! если бы онъ пришелъ. Я одѣлась для него. Просто, скромно и изящно — онъ, вѣрно, такъ любить. Хорошо, однако, быть богатой. Будь я бѣдной дѣвушкой, которая должна была бы придумывать, выбирать и подбирать, во что одѣться... Этого бы нехватало, то было бы старо, а это изорвано. Я плакала бы надъ своей нищетой. Наконецъ, мнѣ показалось бы, что я хорошо одѣта, что я справилась съ этимъ искусствомъ, что у меня приличный видъ. Мнѣ бы это сказала моя мама и какой-нибудь братъ съ пятаго курса медицинскаго факультета, и какая-нибудь моя кузина, учительница, которая одолжила бы мнѣ пелерину, чтобы выѣхать... При свѣтѣ двухъ лампъ и трехъ свѣчей я выглядѣла бы хорошо. Но вошла бы въ залъ и только тамъ бы замѣтила, что все на мнѣ старо, грязно, помято, что никто такъ не одѣвается, что все вышло изъ моды, что всѣ на меня смотрятъ съ сожалѣніемъ и состраданіемъ...

И тогда бы подошелъ онъ... Онъ, знаменитый и великій... Мое старое платье засіяло бы блескомъ его

славы, мои изношенные ботинки уменьшились бы въ контрастъ къ его величію. Рдзавичъ, Рдзавичъ идетъ съ панной Крупской... Рдзавичъ ухаживаетъ за панной Крупской... можетъ быть, влюбленъ въ нее... влюбленъ... Рдзавичъ женихъ панны Крупской... а моя весенняя дѣвушка радовалась бы, какъ цвѣтокъ солнцу... смотрите, Рдзавичъ отыскалъ себѣ какую-то дѣвушку... Что за болотная курочка прогуливается съ этимъ скульпторомъ?.. ты знаешь эту особу? Хорошенькая... но, та chérie, какой невозможный видъ у этой малютки въ оборванномъ платьѣ...

А я: на мнѣ все ново, красиво, послѣдней моды, изысканно, ароматно. Да здравствуетъ мое царство! Ты, малютка, съ лицомъ и душой весны, въ изношенныхъ ботинкахъ и въ истасканномъ платьѣ, ты любишь и несешь ему свое сердце, свою судьбу, свою жизнь: прочь съ дороги! Прочь! Графиня Тереза Морская идетъ. Прочь!

Знаю, что она тамъ, и не могу рѣшиться итти туда. Знаю, что она въ этой комнатѣ... Не пойду туда... Я уѣду съ раута...

Здѣсь! Я уже видѣла его стальные глаза... Онъ меня не видѣлъ, или притворился, что не видитъ? Ахъ!.. кланяется мнѣ. Подойду къ нему. Красиво ли я отвѣтила на его поклонъ?

Чудная, чудная, чудная дѣвушка! Хочешь моей жизни? Бери ее.

Чудная, чудная, чудная дѣвушка! Люблю тебя...
Чудная, чудная, чудная дѣвушка! Все расплылось у
меня въ туманную безмірность, все волнуется со мной,
плыветъ куда-то, не существуетъ...

Чудная, чудная, чудная дѣвушка! Тереза...

Гм... Что же я теперь знаю, несчастная женщина?..
Да, онъ хотѣлъ говорить со мной... Да, онъ смотрѣлъ
на меня... долго... пристально... Я сидѣла къ нему
спиной и знала, что онъ стоитъ за мной. Я поворачи-
вала голову въ сторону, разъ двѣнадцать, но только
разъ взглянула на него! Встрѣтила его глаза. Миѣ
такъ хотѣлось знать, все ли время онъ смотритъ на
меня?

Ты кокетничала съ нимъ? Да, кокетничала. Онъ
разговаривалъ. О чемъ былъ разговоръ? Что же онъ,
въ концѣ-концовъ, знаетъ обо миѣ? То, что я люблю
танцовать. Въ сущности только это, и больше ничего...

Я показалась ему глупой и банальной. Какой глу-
пой и банальной! Въ сущности, я ничего не сказала,
что можно было бы запомнить, одно только то, что
люблю танцовать! Больше ничего, ни слова.

Какое же впечатлѣніе онъ могъ вынести? Что я
прекрасно сложена, очень спокойна, самоувѣренна, при-
выкла къ паркету какъ щетки полотера и нисколько
не умнѣе этой щетки! Нѣтъ, нѣтъ! Тутъ съ ума можно
сойти! Я люблю танцовать! Это очень естественно!
Въ моемъ возрастѣ! Чортъ побери всѣ танцы! Квинтъ-
эссенція моей души, моего интеллекта, моего сердца,

моей жизни — это то, что я люблю танцевать. Безъ этого нельзя! Каждая молодая дѣвушка должна любить танцы.

Нѣтъ, тутъ можно взбѣситься среди бѣла дня...

Послушай же, ты! не уходи! послушай! Я люблю небо и вихрь, люблю деревья на обрывахъ и въ полевыхъ пустыняхъ, люблю глубокую и прозрачную воду, темные омуты водъ, люблю шумъ лѣсной и шумъ великихъ рѣкъ, люблю... люблю... люблю все то, что любишь ты, ты, со стальными глазами, ты художникъ, что выковываешь мраморъ. Люблю тѣ крылья, на которыхъ рветъ твоя мысль, люблю крылатая души людей, тѣ души, что поднимаются выше будничной, сѣрой, повседневной жизни! Люблю свободу, беспредѣльную свободу духа, освобожденіе человѣческой души отъ всѣхъ оковъ, отъ всѣхъ сѣтей, люблю жизнь! Послушай! Не уходи съ тѣмъ, что я больше всего люблю танцевать.

У меня тоже есть воображеніе, я тоже мыслю, чувствую! Смотри! Тѣ огромныя пространства, по которымъ проходятъ золотые туманы, освѣщенные солнцемъ, — это мой міръ. Туда я иду съ тобой, тамъ все, о чемъ мы говоримъ, становится лазурной пѣснью, тамъ все крылато, возвышенно, свѣтло... Гдѣ ты?..

Ушелъ. Конечно, ушелъ. Спросилъ у меня фамиліи двухъ людей и ушелъ. Чего же ему больше было ждатель? Самое интересное я ему уже сказала: люблю танцевать.

Дай нарисовать тебя, чтобы ты знала, какая ты, ты, которая смотришь теперь изъ-за плечъ. Длинные волосы, поднятые, густые, темно-русые, гладкій широкій лобъ, да, брови дугой, продолговатое лицо, да, маленькое, породистое ухо, тонкая шея... такъ — видишь? Это ты.

Нѣтъ, не видишь и никогда не увидишь. Кажется невѣроятнымъ, чтобы другой не зналъ, что кто-то живетъ только имъ однимъ, что не живетъ ничѣмъ другимъ, кромѣ него. Какъ можешь ты не чувствовать, что ты все для меня, что ты жизнь для меня... Кажется невѣроятнымъ, чтобы ты не чувствовала, а между тѣмъ ты не чувствуешь, не знаешь этого и никогда не узнаешь. Я тебѣ не скажу. Я не глупъ и не хочу быть смѣшнымъ. Не дамъ повода для насмѣшекъ. Я скорѣе погибну, чѣмъ сдѣлаюсь посмѣшищемъ для людей. Какъ бы ты удивлялась, если бы я сказалъ тебѣ, что люблю тебя... Твои глаза подъ высокой дугой бровей были бы полны любезнаго удивленія... Ты не переставала бы быть любезной. Ты хорошо воспитана, и будь я даже смѣшнымъ и глупымъ, я не переставалъ бы быть тѣмъ, съ кѣмъ можно быть любезнымъ. «Но, милостивый государь, такому человѣку, какъ вы, я очень благодарна за исключительное вниманіе, которое вы мнѣ оказываете... мнѣ очень непріятно... простите, но»... Вотъ что сказали бы твои глаза самымъ любезнымъ образомъ. Да, но... Такое «но» — слишкомъ высокій барьеръ на ипподромѣ, тысячи людей сворачиваютъ себѣ шеи изъ-за не-

го... Всѣ людскія отношенія основаны на этомъ «но». «Но», — и погибай, если тебѣ угодно, истерзайся, истомись! Все объясняетъ, все оправдываетъ одно это маленькое словечко «но»..

Но обо мнѣ по поводу тебя ничего не скажутъ, даже любезно и снисходительно; вѣдь я принадлежу къ тѣмъ, съ которыми быть любезнымъ и снисходительнымъ модно, будь они даже смѣшны. «Впрочемъ, если бы она его дѣйствительно любила»... Да, да, надо быть культурнымъ, времена измѣнились; даже будучи княземъ, нельзя больше быть дикаремъ и болваномъ, или по крайней мѣрѣ надо это скрывать.

Хоть бы одинъ цвѣтокъ отъ нея, хоть бы кусочекъ ея платья...

А все же, люблю ли я ее, или люблю только мою собственную, вѣчную, безумную тоску по любви?... «Чего-то нужно мнѣ, кого-то видѣть надо»... «Я не схожу съ ума, когда ее увижу», а между тѣмъ ничто не существуетъ для меня, кромѣ мысли о ней, кромѣ воплощенія самой существенной моей мысли... И, быть можетъ, самой существенной, самой естественной, самой правдивой, врожденной мысли cadaго человѣка...

Я бы хотѣлъ имѣть шатерь любви, шатерь тихій, густолиственный, какъ гротъ среди деревьевъ и плюща, шатерь тихій и душистый, куда бы трусливо проникали лишь блуждающіе, дрожащіе лучи солнца и гдѣ дрожалъ бы ночами блѣдный свѣтъ луны; шатерь тихій, густо сплетенный, въ безлюдномъ мѣстѣ, шатерь, полный вѣчнаго сна, вѣчнаго спокойствія, ша-

теръ благословенія и счастья, шатеръ отдыха и покоя души, святой шатеръ, гдѣ на алтарѣ стоитъ только одинъ богъ: наша любовь, гдѣ возносятся одинъ только жертвенный дымъ нашихъ горящихъ сердець. Я хотѣла бы имѣть такой шатеръ — могла ли бы ты мнѣ его построить? Можетъ быть, и не ты... Можетъ быть, только я тоскую, ищу, заблуждаюсь, жажду. Можетъ быть, окажется, что это и не ты... что это даже не ты... и не ты...

Мои глупыя работы! Глупыя полотна съ красками! Глупый гипсъ и мраморъ! Когда-то я думала, что вами я выкую что-нибудь въ жизни.

Глупая работа! Что ты дала мнѣ? Счастливъ тотъ, кто тебя любитъ ради самой тебя! Счастливъ тотъ, кто кромѣ тебя ничего не видитъ. Счастливъ тотъ, кто живетъ только тобою и для тебя, для кого ты жизнь. Счастливъ тотъ, для кого ты — жизнь, искусство! Но для меня ты не жизнь. Для меня ты одинъ изъ способовъ овладѣнія жизнью.

Вы не жизнь для меня, полотна и статуи, линии и краски! Для меня жизнь — степь, бушующая вихремъ, степь вихрей страсти, степь упоенія и безумій. Для меня жизнь — порывистость коня, который никогда не зналъ узды, чрезъ море наслажденій, чрезъ океанъ восторговъ. Я хочу восхищаться своимъ счастьемъ, славить его!

Я хочу жить въ вѣчномъ восхищеніи, въ вѣчномъ безуміи упоенья!

Глупыя полотна и глупыя статуи! Вами я только

пробиваю себѣ дорогу къ счастью и не могу пробить. Но какое же это счастье? Какая-то творческая сила, создающая изъ небытія міры, блестящія и горячіе, какъ солнце. Это женщина? Да, но въ такомъ свѣтѣ, въ такомъ благоуханіи, въ такомъ зноѣ всеобщаго упоенія, что она сама въ немъ почти исчезаетъ. Тереза, ты была бы для меня только однимъ звукомъ въ этомъ огромномъ оркестрѣ! Я бы создалъ своей рукой, вызвалъ бы что-нибудь такое, передъ чѣмъ мы бы сами отступили, пораженные, ослѣвленные той красотой, которая стала бы предъ нами! Тереза! Это были бы однѣ безконечныя, безсмертныя чары!..

О, Боже! Отчего не трепещетъ передо мною жизнь, какъ трепещутъ мраморныя глыбы, когда гляжу на нихъ, беспомощныя въ моихъ рукахъ, безсильныя передъ моимъ молотомъ и рѣзцомъ, послушныя моей волѣ, знанію и воображенію?

О, Боже! Отчего я не могу лѣпить своей собственной жизни, какъ лѣплю этотъ комъ глины въ рукѣ?

Отчего я не могу высѣчь изъ своей жизни статую, я такъ много высѣкъ ихъ изъ мрамора? Отчего я всегда хочу того, что не можетъ быть моимъ? Отчего я отвергалъ всегда зрѣлые колосья и плодовиыя деревья, чтобы гнаться за обманными туманами и за паутиными нитями.

Отчего я собственными руками копать всегда могилу, чтобы самому столкнуть туда дары жизни, и ждалъ прихода призрачныхъ видѣній и неуловимыхъ химеръ?..

Отчего я былъ всегда жертвой неосуществимыхъ

прихотей и игрой своего больного воображенія и отчего передъ глазами моими я вижу только черную ночь и бездну?

Отчего ты стала на моемъ пути, Тереза!..

Меня охватываетъ какой-то стыдъ. Я такъ декольтирована. У меня голая шея, голыя руки, грудь обнажена такъ низко, сзади такой вырѣзъ на спинѣ... Миѣ стыдно. Никогда миѣ это не приходило въ голову. Это казалось миѣ такимъ естественнымъ. Всѣ такъ ходятъ, всѣ показываютъ свою шею, плечи, грудь и спину, отчего же миѣ такъ не ходить?

Миѣ стыдно. Меня охватываетъ то же чувство, какъ четыре года тому назадъ, въ вагонѣ поѣзда, по дорогѣ въ Парижъ; въ углу, напротивъ, сидѣлъ сбоку тотъ красивый испанецъ или итальянецъ и все на меня глядѣлъ. На миѣ было легкое узкое платье.

Вагонъ трясся, подбрасывалъ меня, я хотѣла бы впасти въ сидѣнье. Кровь бросилась въ голову, даже мама меня спрашивала, что со мною, отчего я такая красная? А онъ смотрѣлъ, смотрѣлъ... Я думала, что онъ миѣ прожжетъ платье. Я была тогда полнѣе, чѣмъ теперь, и меня такъ трясло на этомъ несчастномъ сидѣньѣ...

Я рассказала все, помню, вечеромъ Басѣ Заславской, и она сказала: «Моя дорогая, ты глупа, какъ занавѣска?» Отчего же я была глупа, какъ занавѣска? Я обидѣлась и сказала, что съ меня совершенно достаточно быть глупой, какъ ножка стола. Какъ это

давно! Миѣ было всего четырнадцать лѣтъ, столько, сколько теперь Цесѣ...

Миѣ стыдно... Я предпочла бы одѣть закрытое платье. Я буду вся открыта. Онъ меня всю увидитъ...

Надѣюсь, что онъ будетъ. Можетъ быть, онъ придетъ ради меня? Однако, однако... онъ смотрѣлъ на меня на раутѣ — часто, почти все время... Кто знаетъ? И онъ, можетъ быть, думаетъ обо мнѣ?.. Иногда мнѣ кажется, что да, что думаетъ...

Будемъ танцовать. Я съ такимъ удовольствіемъ отдамъ ему обѣ кадрили и обѣ мазурки, если мы не уѣдемъ раньше. Я никому не обѣщала, сказала, что хочу попробовать, не останусь ли съ носомъ, если не обезпечу себя танцоромъ заранѣе... Пожалуй, останусь? Пустяки! Эхъ! впрочемъ, нечего бояться. Стадо цѣлое слетится! Хорошо, что мама ничего не говоритъ въ каретѣ. Вотъ... Приѣхали...

Интересно, танцуетъ ли онъ? Ахъ! танцуетъ! Какъ хорошо! Отлично, браво! Прекрасно танцуетъ... Пригласятъ ли онъ меня?.. Нѣтъ... Не танцуетъ ни съ кѣмъ изъ нашихъ, изъ «общества».

Ни съ кѣмъ...

Гдѣ онъ?.. Кто это?.. Танцуетъ съ m-lle Розенбаумъ, съ той, которая извѣстна тѣмъ, что высовывается изъ своей кареты въ Аллеяхъ, «чтобы каждый прохожій зналъ, что это ихъ лакей», какъ сказано въ сказкѣ о надменной Зюзѣ!.. Вотъ такъ выборъ... Неуклюжая... Носъ, которымъ можно тушить свѣчи въ церкви... Животъ впередъ... И какая «свѣтскость

манеръ», — ни вершка налево, ни вершка направо, — какъ же иначе, когда не знаешь и не чувствуешь, что можно, а чего нельзя, кромѣ того, чему научили... и этотъ надменный, пристальный взглядъ...

Нѣтъ, это не можетъ быть его вкусъ! Толстая, огромная, тяжелая... трамвайный вагонъ! Миѣ кажется, что она золотушна. Интересно знать, какая у нея рука?

Я столько разъ ее встрѣчала, и меня никогда не интересовало знать: какая у нея рука? Нога — лапа! Фигура — периферія! Смѣхъ беретъ. И эта «грація», эта грація, прорепетированная передъ зеркаломъ!.. Нѣтъ, это не можетъ быть его вкусъ! Вѣдь не можетъ онъ не видѣть, что все это полнѣйшее отсутствіе вкуса... Тамъ у стѣны стоитъ скромненькая m-lle Зилберцанъ, изъ той же сферы, какая она миленькая!..

Когда же, чертъ возьми, они кончатъ!.. Платье на ней прекрасное! Одно изъ самыхъ красивыхъ! Красивѣ моего... Гораздо красивѣ... Интересно, если онъ хочетъ танцовать, такъ отчего же не танцуетъ съ m-lle Зилберцанъ? Оттого, что она не такъ красиво одѣта, какъ эта отвратительная Розенбаумъ. Снобъ! Отвратительный снобъ! Я ненавижу его.

Посадилъ ее. Будетъ ли разговаривать мой красавецъ? Нѣтъ, уходитъ, даже не обернулся. Какое чудное существо!

Княжна Иза Заславская пристала къ нему. Танцуютъ. Ну, пожалуй, теперь снизойдетъ и до насъ.

Нѣтъ.

Кажется, я совершенно напрасно берегла свои кадрили и мазурки. Пусть ихъ беретъ, кто хочетъ.

Нѣтъ его. Должно быть, ушелъ.

Нѣтъ, онъ здѣсь. Но не танцуетъ.

Я не пойду къ ней. Все у меня въ груди сжимается, рвется, но не пойду! Въ сущности и прежде всего это мое самолюбіе? Если бы я былъ увѣренъ, что сдѣлалъ бы ей удовольствіе, я бы подошелъ и пригласилъ ее. Миѣ все равно, дѣлаю ли я удовольствіе своей особой какой-нибудь Полковской, Таубѣ или Урсулѣ Уставичъ, — но къ ней, но къ ней безъ этой увѣренности я не могу подойти, ни за что не пойду. Не буду танцовать больше.

Мазурка. Дама выбираетъ кавалера, кавалеръ даму. Пригласитъ ли онъ меня? Нѣтъ. Нѣтъ? Такъ я тебя приглашу.

Нѣтъ его. Онъ стоитъ тамъ далеко въ углу... Не могу же я бѣжать къ нему...

Ага! Снова его тащитъ княжна Иза! Эта не стѣсняется! Она разговариваетъ съ нимъ! О чучелахъ, я ручаюсь! Теперь онъ мой! Теперь не уйдетъ!

Не было недостатка въ кавалерахъ... Хотѣла обратить вниманіе? Замѣтила и кокетничаетъ? Нѣтъ?.. Чувствуетъ?.. Эта улыбка... Такъ не улыбнется дѣвушка мало знакомому человѣку. Не оттого ли, что я извѣстность?..

Боже! Боже! Боже! Эта улыбка!.. Эта улыбка!..

II.

Были сумерки. Романъ Рдзавичъ сидѣлъ въ своей мастерской за столомъ, подпирая рукой голову. Надъ нимъ неясно видѣлись гигантскія тѣни человѣческаго горя: тревоги, отчаянія, скорби... Выше... гигантская тѣнь смерти.

Черезъ открытое окно доносились звуки рояля. Кто-то игралъ Шопена. Рдзавичъ всталъ. Это были исключительно мазурки. Вдругъ загремѣлъ похоронный маршъ. Въ сумеркахъ звуки врывались сквозь открытое окно въ мастерскую Рдзавича. И стали наполнять собою пустоту. Ворвались съ громомъ.

Вдругъ Рдзавичъ всталъ со стула. Невольно, машинально вытянулись его ноги, и онъ началъ, въ тактъ музыки, ходить по мастерской. Ходилъ кругомъ, не зная, почему онъ дѣлаетъ это и зачѣмъ? Музыка заставляла его машинально двигаться въ тактъ. Онъ переступалъ ногами, какъ загинотизированный.

Схватилъ палку, стоявшую въ углу, и, держа ее передъ собой, точно крестъ, зашагалъ опять. Зачѣмъ? Зачѣмъ я иду? Кто въ гробу, въ томъ гробу? Нѣтъ ничего, ничего... Я хожу по комнатѣ, одинъ при звукахъ рояля.

Колокола перестали гудѣть; раздалось пѣніе.

Рдзавичъ остановился. Опустилъ голову на грудь и слушалъ...

И снова рояль загремѣлъ колоколами. Рдзавичъ очнулся. Онъ слушалъ, а клавиши гудѣли и стонали надъ нимъ.

Вдругъ Рдзавичемъ овладѣло странное чувство. Приливъ какой-то яростной энергіи поднялъ его грудь. Онъ поднялъ вверхъ руки. Мощная волна творческой стихіи проникла въ его жилы. Изъ-подъ поднятыхъ кверху рукъ, изъ-подъ разведенныхъ пальцевъ стали вылетать огни, блескъ, сіяніе, какъ фосфоризація... Вся мастерская наполнилась разлетающимися, дробящимися, громадными искрами. Какъ изверженія вулкана, вырывались изъ головы Рдзавича волны творческой энергіи. Собирались, вздымались, громоздились и вырывались наружу. Мраморныя пѣсни, горяція картины, слова въ краскахъ и музыкальныхъ звукахъ создали вокругъ него хаосъ и вихрь. Онъ стоялъ съ поднятыми руками, обезсиленный мощью, которая бушевала вокругъ него. — Если бы я могъ рѣзцомъ добыть изъ мрамора пѣснь... Если бы я кистью могъ оживить фигуры такъ, чтобы онѣ говорили, оживить природу такъ, чтобы она жила... Если бы я могъ написать шумяція деревья, зеркальное молчаніе озеръ надъ музыкой глубинъ... Если бы я могъ быть всестороннимъ, всетворящимъ духомъ, царемъ, соединяющимъ въ рукѣ всю мощь человѣческаго творчества...

Заиграли прелюдію C-moll. Страшные, твердые, проникающіе до мозга костей звуки ворвались въ мастерскую Рдзавича. Онъ вздрогнулъ. Кругомъ было сумрачно. Сумерки, сумерки, сумерки. Все погасло и исчезло.

Осталась только страшная, страшная человѣческая безпомощность.

Бездны открываются подъ ногами, ураганъ сталкиваетъ тебя съ края пропасти — устоишь ли ты?

Тебя окружаетъ огонь пожара на высокой башнѣ; куда прыгнешь ты, чтобы спастись?

Вотъ морьъ вокругъ тебя, зараза... Ты прикованъ къ столбу...

Вотъ разлилась рѣка... Ты прикованъ къ столбу...

Вотъ стадо волковъ воетъ изъ-подъ лѣса... Ты прикованъ къ столбу...

Прелюдія С-moll надломила душу Рдзавича. Онъ не сѣлъ, а упалъ на скамью и весь согнулся. А звуки рояля громили все, что существуетъ на землѣ.

— Боже! Боже! — стоналъ онъ. — Смерть добыла во мнѣ какую-то противоположную силу, силу творческую противъ силы небытія, творческое наслажденіе противъ боли и жалости, — но отчаяніе разбиваетъ меня и раздробляетъ. словно это конецъ міра, конецъ всего. Господи, Господи! Камни обваливаются мнѣ на черепъ... Я погибаю...

Горы, горы, горы...

Блуждаю по нимъ въ туманъ, въ слякоть, въ дождь.

Лѣса исчезли въ туманѣ, кое-гдѣ виднѣются они, мокрые, сѣрые, грустные, неподвижные. Въ туманѣ бушуютъ невидимые потоки. Овраги, лоцины вдругъ открываются подъ ногами, страшные и бездонные. На небѣ ничего не видно, одинъ лишь мракъ вокругъ...

Иду — не знаю куда, и не знаю, откуда пришелъ.

Мнѣ кажется, что я не принадлежу больше ни къ какой жизни, что нѣтъ для меня ничего больше, кромѣ этихъ горъ, что это — моя родина. Блуждаю безъ цѣли и чувствую себя частичкой этой мглы, этой мрачной сырости, этой горной мертвенности. Не знаю, была ли когда-нибудь другая жизнь, и есть ли она? Что-то, какъ отдаленный звонъ затерявшагося въ пустынь колокола, кружится надъ моей головой... Воспоминаніе о какой-то жизни...

Какой-то городъ... люди... Большой камень, сырой... Я погружу ноги въ мокрый мохъ, въ черную, торфяную землю. Обопрусь спиной о дерево, подыму голову. Чего же мнѣ больше надо? Мракъ, мракъ и мракъ... Ничего больше. Нигдѣ не дрогнетъ вѣтка, нигдѣ нѣтъ просвѣта на небѣ... Ничего... Смерть за мною, со мною, передо мною. Развѣ человѣку нужно что-нибудь больше чѣмъ камень въ лѣсу и пещь, чтобы опереться спиной, что-нибудь больше, чѣмъ смерть?

Мракъ, мракъ, мракъ...

Вся ницета суетной тоски, напраснаго желанія окружила меня теперь. Кругомъ сидитъ стая безобразныхъ, огромныхъ лягушекъ, совъ, филиновъ, ящерицъ; они вытягиваютъ головы, морды, клювы, таращатъ большіе, свѣтящіеся, круглые глаза. Вся ницета жизни окружила меня и заколдовала въ свой страшный кругъ.

Твои глаза смотрятъ изъ-за деревьевъ.

Не видятъ меня, ничего не видятъ. Что могутъ видѣть такіе глаза? Они смотрятъ передъ собой въ міръ...

И не видятъ, что нѣтъ ни одной травинки, которая

для меня не была бы твоей, нѣтъ ни одной капельки росы на еляхъ, которая висѣла бы не для тебя. Стопы твои теперь на моихъ губахъ, твои маленькія, мокрыя и босыя ножки. Руки твои въ моихъ рукахъ, иззябшія, дорогія, милыя. Грудь твоя дышитъ быстро, устало и немного тревожно... Все тѣло твое, гибкое и стройное, дрожитъ отъ холода и тревоги, хотя ты и улыбаешься въ этомъ сумрачномъ глухомъ лѣсу, хотя ты и улыбаешься, чтобы я видѣлъ, что ты не боишься, ибо ты со мною. Вся душа твоя теперь моя, моя собственность, моя душа.

Ты уйдешь, какъ сонъ... Никогда, никогда, никогда мы не будемъ говорить другъ съ другомъ, уста на устахъ, глаза въ глаза, сердце на сердцѣ... Никогда я не буду держать твоихъ рукъ въ моихъ рукахъ... Никогда не буду чувствовать тебя у моей груди, прижимать къ себѣ, обнимать, брать тебя подъ свою защиту... Никогда ты не будешь нуждаться во мнѣ, никогда я не буду съ тобой... Никогда не будетъ весь міръ съ нами или противъ насъ... Никогда я не буду ломать терніи у твоихъ ногъ, никогда не буду нагибать къ твоимъ устамъ плоды жизни... Никогда не будемъ мы вмѣстѣ смотрѣть въ бездонное море, которое зовутъ жизнью, никогда не будемъ мы вмѣстѣ думать о смерти, которая не разлучитъ насъ... Никогда не наступитъ такой чудный солнечный день, такой полдень, когда мы не будемъ отличаться другъ отъ друга, и намъ будетъ казаться, что мы слились одинъ съ другимъ, какъ два облака, которыя солнце сплавило въ

одну общую форму... Никогда, никогда не наступитъ та темная ночь, когда всѣ волненія нашихъ человѣческихъ душъ сольются въ нашихъ устахъ и утонуть въ поцѣлуѣ, который заслоняетъ жизнь... Въ насъ никогда не запылаетъ кровь, и мы никогда не сплавимся другъ съ другомъ, какъ два раскаленныхъ металла; никогда твое тѣло не будетъ дрожать въ моихъ объятіяхъ, никогда ты не обовьешь меня, не оплетишь знойными объятіями своей любви... Никогда, никогда не распустимъ мы бѣлаго паруса и не выплывемъ въ море, держась за руки, настолько свои, настолько слившись, что не будемъ держать ни веселъ, ни руля, ибо не будемъ знать, можетъ ли гдѣ-нибудь быть какалято смерть...

Никогда...

И никогда, никогда ты ни о чемъ не узнаешь... Отойдешь, какъ сонъ, и никогда ничего не будешь знать...

Что тамъ играетъ? Что звенитъ?

Я любила тебя... Отчего не сказалъ ты вслухъ всему міру, что любишь меня? Отчего!? Я ждала... Я все бы сломала, все бы преодолѣла... Я не могла первая обратиться къ тебѣ... Я боялась тебя. Ждала... Я думала, что должна притти та минута, когда ты скажешь и мнѣ и всему міру, что любишь меня...

Я любила тебя. Я любила твою славу, твою гордость, твоё молчаніе, твою муку, которую чувствовала, твою любовь, которую угадала... Я хотѣла только,

чтобы ты протянулъ мнѣ руку, чтобъ я могла лишь опереться на твою руку, одинъ только разъ, а потомъ пусть весь міръ станетъ противъ меня! Я хотѣла, чтобы ты лишь притянулъ меня къ себѣ, и я бы сама вся упала въ твои объятія, и все, что мое, упало бы со мною... Ты не чувствовалъ этого? Не видѣлъ?.. Нѣтъ ты не хотѣлъ видѣть, не хотѣлъ чувствовать... Ты любишь свою гордость больше, чѣмъ меня... Я умоляла тебя взглядами, бросалась къ ногамъ твоимъ глазами... Ты умиралъ отъ боли, но не сломилъ своей гордости... Ни мнѣ ни міру ты не хотѣлъ сказать, что любишь меня...

Теперь пусть всѣ знаютъ... Теперь я буду громко кричать: люблю тебя! и ты меня любишь!.. Громко буду я кричать по городу, по всему свѣту... Я пойду за тобой всюду, всюду... Брошу свой золотой блескъ, пойду съ тобой на радость и горе... Пойду съ тобою... Зачѣмъ ты такъ долго заставилъ меня ждать? Зачѣмъ?.. Теперь ты будешь счастливъ... Теперь начнется твое счастье со мною... Теперь я украшу цвѣтами твою жизнь, буду цѣловать твои раны, губами выпью твою боль, обовью тебя волосами, чтобы тебѣ было тепло, чтобы ты чувствовалъ себя моимъ... Теперь ты узнаешь мою любовь, любовь узнаешь... Теперь ты полюбишь свою долю, свое счастье, которое шло за ней, свое счастье...

Что я буду дѣлать съ сегодняшнимъ вечеромъ? Что я буду дѣлать? Я въ темнотѣ не могу лѣпить, не

могу убивать себя, не могу убивать въ себѣ свои мысли работою... Что мнѣ дѣлать, когда я чувствую, что погибаю отъ тоски по ней...

Въ Аббаціи, по «штранду» надъ моремъ въ ясный майскій вечеръ медленно шель Рдзавичъ, сбрасывая наконецникомъ палки камешки съ тропинки; рядомъ съ нимъ шла Камилла Наборовская, довольно полная шатенка, лѣтъ двадцати двухъ, съ розовымъ лицомъ и карими, быстрыми, интеллигентными, нервными глазами.

— Что ты, собственно, думаешь обо мнѣ? — спросила она.

— Что ты очень разумная женщина, — отвѣтилъ Рдзавичъ.

Это хорошо. Сначала я боялась, что ты меня не поймешь. Жизнь коротка, и надо жить, надо пользоваться ею. Насколько меньше было бы горя на свѣтѣ, если бы люди шли за своими природными инстинктами, не какъ животныя (какъ говорятъ обыкновенно), а какъ люди, настоящіе люди... Но забавнѣе всего, что на меня набрасываются одинаково и ультрафеминистки, которыя хотѣли бы, чтобы мы обошлись совсѣмъ безъ мужчинъ, и тѣ, кого я называю маскулинистками, которыя хотѣли бы быть тѣмъ же, что мужчины. Однѣ смѣшны, другія глупы. Я женщина и чувствую, конечно, совершенно естественное влеченіе къ мужчинамъ; я человекъ и хочу имѣть такія же права, какъ всѣ, но отлично знаю, что моя физическая и умствен-

нал организація дѣлаеть для меня невозможнымъ многое, что доступно мужчинамъ. Для меня такъ же отвратительна атрофія и вырожденіе инстинктовъ, какъ лицемеріе и позированіе. Ну, а что касается тебя, то, мнѣ кажется, ты теперь спокойнѣе.

— Да.

— Я рада! Я сошлась съ тобой отчасти отъ скуки, говоря откровенно, отчасти изъ любопытства. Мнѣ интересно было знать, что можетъ быть въ головѣ и въ душѣ человѣка, у котораго жизненныя впечатлѣнія переливаются въ мраморъ, въ краски и въ пластическія формы. Но теперь, когда я узнала тебя, я вижу, что ты страшно не бережешь себя!

— Почему?

— Потому что въ тебѣ, кромѣ скульптора и художника, могъ бы быть еще человѣкъ. Ты могъ бы идти вмѣстѣ съ нами, вмѣстѣ съ тѣми, которые стремятся къ чему-то, мечтають о чемъ-то, желаютъ чего-то, — которыхъ не удовлетворяетъ сегодняшній день, которые живутъ завтрашнимъ. А между тѣмъ, ты только художникъ и больше ничего. Я люблю свои идеи, свои идеалы, люблю это завтра, которое грезится мнѣ, работаю для него, живу имъ. Неужели ты можешь жить одними позами, натурщицами и солнечными пятнами.

— Скажи мнѣ: не умрешь ли сегодня ты, завтра другіе, послѣзавтра еще другіе?

— Надо любить идеи. Тѣ платоно-шеллевскія идеи, которыя возносятся надъ міромъ...

— Развѣ не кончается все въ мірѣ?..

— Ну, такъ не ѣшь, не пей, не одѣвайся; зачѣмъ все это дѣлать, если тебѣ суждено когда-нибудь умереть?

— Часто мнѣ приходитъ въ голову, что не стоитъ ничего дѣлать, разъ придется умереть.

— Но вѣдь нельзя же жить одной смертью... Впрочемъ, я не стану спорить съ тобой. Я молода, люблю жизнь, хочу ея: я сильна и смѣла, хочу борьбы — я просто нуждаюсь въ жизни и борьбѣ. Это такъ же естественно во мнѣ, какъ въ молодой львицѣ. Когда-нибудь я умру, но пока я не умру, я хочу жизни, изъза одной страсти къ ней, я хочу творить жизнь! Новую жизнь! Каждое молодое дерево творитъ новую жизнь тѣмъ, что вырастаетъ на старыхъ пняхъ. И тебя я завоюю для нея!

— Не завоюешь. Ты не первая.

— Уже была такая женщина?

— Была. Ты хочешь меня вывести къ новой жизни духа; она хотѣла вывести меня къ новой жизни чувства. Я упалъ къ ея ногамъ въ припадкѣ безумія, разбивъ молотомъ голову собственной статуи.

— «Ангела Смерти».

— Да, я разбилъ голову Ангелу Смерти, но ударомъ этимъ я не пробилъ бреши въ той стѣнѣ, которая меня окружаетъ. Предо мною гибель...

— Ты сказалъ страшное слово.

— Страшное? Я ни во что не вѣрю! Это уже не скептицизмъ, это нигилизмъ мозга!..

— Дай Богъ, чтобы вымерли такіе, какъ ты!

— Дай Богъ!

Они шли молча вдоль берега моря, которое шумѣло глухо и спокойно.

— Звонятъ къ обѣднѣ, — сказалъ Рдзавичъ. — Это майское богослуженіе. Пойдемъ.

— Я люблю церковную службу. Это красиво.

— Нѣтъ, это для тебя не только красиво. Ты не вѣришь, но ты отдаешься впечатлѣнію. Такихъ много. Пойдемъ.

Рдзавичъ весь задрожалъ. Предопредѣленіе, что ли? Недалеко отъ входа въ церковь, опираясь на скамейку, на которой сидѣли ея мать и Целина, стояла графиня Тереза Морская. Кровь такъ бросилась къ сердцу Рдзавича, что ему просто стало больно, и онъ почувствовалъ, что блѣднѣетъ. Онъ взглянулъ на Наборовскую: она смотрѣла въ другую сторону.

Тереза тоже его не видѣла. Вдругъ глаза ихъ встрѣтились. Голова Терезы вздрогнула, и глаза открылись въ одну минуту шире, чѣмъ обыкновенно. Рдзавичъ наклонилъ голову; она поклонилась ему и улыбнулась. Эта была та же улыбка, которая превращала красивое лицо Терезы во что-то чудесное, въ призракъ красоты. Они взглянули еще разъ другъ на друга, потомъ Рдзавичъ увидѣлъ, что она стала мысленно молиться; молитвенникъ она опустила.

Богослуженіе, подходившее, когда онъ вошелъ, къ концу, окончилось; Морскія еще молились.

— Пойдемъ пройтись у моря, — шепнула Наборовская.

Рдзавичъ нетерпѣливо впился ногтями въ ея руку.

— Останемся еще немного. Тутъ такъ хорошо.

Наборовская взглянула на него.

— Отчего ты такой красный?

— Ничего. Душно.

Въ эту минуту Наборовская замѣтила Морскую и дочерей.

— Посмотри-ка, — замѣтила она довольно громко, — какая тамъ красивая барышня изъ «общества» съ матерью и навѣрное съ сестрой. Въ твоемъ вкусь — молится, — прибавила она.

Рдзавичъ старался скрыть впечатлѣніе и пробормоталъ:

— Да, по-моему, это безусловно художественно и красиво.

— Но безусловно вредно. Пойдемъ. Что съ тобой?

— Ничего. Я хочу пройтись. Приду къ тебѣ попозже.

— Какъ хочешь.

Рдзавичъ не могъ въ эту минуту перенести общества Наборовской, но внезапность появленія Терезы до того его потрясла, что онъ не могъ подойти и къ ней.

Онъ шелъ вдоль морского берега, на который медленно опускался предвечерній сумракъ. Шелъ все быстрее, взволнованный и раздраженный, чувствуя, что поступаетъ какъ разъ противъ своей воли: вмѣсто то-

го, чтобы искать, бѣжать... И уходилъ все дальше, дальше, почти безъ мысли, съ образомъ Терезы передъ глазами, пока съ наступленіемъ ночи не очутился около дверей Наборовской.

— Ты меня компрометируешь, — улыбнулась она. — Я дѣвушка и живу одна...

На ней былъ желтый капотъ, прозрачный, съ кружевами, съ вырѣзомъ, съ широкими рукавами, заколотый на груди большимъ сапфиромъ, оправленнымъ въ брилліанты. Она лежала съ книжкой на кушеткѣ.

— Нѣмки по сосѣдству, за дверью, умрутъ отъ негодованія! — прибавила она. — Онѣ и такъ отворачиваются, когда встрѣчаютъ меня на лѣстницѣ, какъ отъ чорта. Что же ты дѣлалъ?

— Я гулялъ у моря, — отвѣчалъ Рдзавичъ.

— Садись. Что съ тобой? У тебя такой странный видъ.

— Нѣтъ, ничего.

Наборовская выпрямилась на кушеткѣ, взяла Рдзавича за руку и быстро взглянула ему въ глаза.

— Она?

Рдзавичъ вздрогнулъ и опустилъ голову на грудь.

— Она? Опять она? — повторилъ Наборовская съ удареніемъ и прибавила брезгливо: — Эротоманъ.

Рдзавичъ нетерпѣливо рванулся, словно хотѣлъ встать и уйти; Наборовская удержала его за руку и притворилась, что не замѣтила его движенія.

— Но откуда это у тебя такъ вдругъ взялось? Мнѣ казалось, что ты уже забылъ, что я вытщила тебя

изъ того болота, въ которомъ ты тонулъ, а ты снова въ немъ завязъ? Точно ребенокъ! Ну, исповѣдуйся передо мной: что же тебѣ опять напомнило ее, эту «ее»?

И Наборовская смѣлымъ движеніемъ руки погладила Рдзавича по головѣ.

— Ну, говори! Ты мнѣ о ней наговорилъ столько, что можешь и еще. Говори.

— Я ее видѣлъ.

— Гдѣ?!

— И ты ее видѣла.

— Я?!.. Ага! Вѣрно, та, которая молилась? Вотъ тебѣ на! Нелегкая занесла ее сюда. Но вѣдь ты не поклонился ей?

— Кланялся; ты не замѣтила.

Наборовская встала съ кушетки и, какъ всегда, когда была взволнована, стала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, ударяя по ногамъ вѣеромъ, который схватила со стола.

— Нелегкая занесла ее сюда! — бормотала она.

Рдзавичъ сидѣлъ, вдавивъ голову въ ладони, и молчалъ; черезъ нѣкоторое время онъ сказалъ:

— Знаешь, Камилла, въ томъ, что она сюда приѣхала, моя судьба. Я теперь не уйду отъ нея такъ, какъ мы разстались полтора мѣсяца тому назадъ въ Варшавѣ. То, что мы тамъ встрѣтились, было очень естественно: мы жили въ одномъ городѣ. То, что мы разстались такъ, какъ это случилось, было тоже естественно: всѣ уѣхали и онѣ тоже. Онѣ хотѣли ѣхать къ

роднымъ въ Волынскую губернію. Если бы я больше не видѣлъ ея, мнѣ было бы страшно тяжело и, пожалуй, очень долгое время, но я продолжалъ бы жить, какъ жилъ. Сюда ее привелъ мой злой рокъ.

— Что же ты теперь думаешь?

— Не знаю, но я чувствую, что теперь въ моей жизни что-то должно переломиться. Я до сихъ поръ мечталъ о ней, фантазировалъ на тему о ней, она не была для меня женщиной изъ крови и плоти. Если я любилъ ее, то любилъ только воображеніемъ. А теперь, когда я снова увидѣлъ ее здѣсь, съ этимъ прелестнымъ лицомъ, съ этой прелестной улыбкой, такою, какая она есть, только теперь мнѣ стало ясно, что я люблю ее, ее, не тѣнь ея на землѣ, не отраженіе въ зеркалѣ; только теперь я вижу, знаю, чувствую, что она мнѣ нужна, она, она, не кто-нибудь другой, а она, только она.

— Которая это по счету?

— Ты иронизируешь, но не понимаешь. Я ищу воплощенія женщины, которая живетъ въ моей душѣ и въ моей крови, въ моемъ мозгу и въ моемъ сердцѣ, воплощенія моей женщины; ищу ее такъ, какъ ищутъ дорогу въ лѣсу, ту дорогу, которая послѣ утомительнаго странствованія ведетъ къ мѣсту отдыха. Путники блуждаютъ, могутъ и должны ошибаться: они люди и подвластны желаніямъ. Желаніе именно потому ослѣпляетъ, что оно желаніе.

— Ты всегда игрушка своего собственного воображенія! И это воображеніе такъ обманываетъ тебя, что

ты не чувствуешь теперь, какъ опять любишь какую-то грезу...

— Однако, я могу погибнуть изъ-за этой грезы!..

— Потому что ты — именно ты. Но что ты думаешь дѣлать? Добиваться ея руки? Ты отлично знаешь, что ея тебѣ не дадутъ, и вѣроятно догадываешься, что она за тебя и не пойдетъ замужъ. У тебя не такъ много денегъ, чтобы купить ее, значить, что же ты можешь сдѣлать?

— Не говори такъ!

— Тебѣ больно, потому что «желаніе ослѣпляетъ» тебя. Такъ какъ ты въ нее влюбленъ, то она, конечно, иная, чѣмъ всѣ, а я ручаюсь, что она такая же пустая, суетная утилитаристка, жадная до денегъ, значенія, до самаго грубаго, банальнаго блеска, какъ большинство аристократокъ. Но если бы даже она была иной, то вѣдь она все-таки не бросится тебѣ сама на шею, а ты не сумѣешь протянуть къ ней руки, такъ какъ это невозможно. Что же сдѣлаешь?

Рдзавичъ молчалъ.

— Ну, такъ я скажу тебѣ, на что ты, со своимъ именемъ извѣстнаго художника, пригодишься ей: ты можешь кружиться около нея, какъ бабочка около свѣчки, быть ухаживателемъ, но не мужемъ, пожалуй, даже любовникомъ, когда она выйдетъ замужъ. Что есть у тебя, что бы говорило въ твою пользу? Ты можешь требовать, чтобы великосвѣтская барышня, красивая и молодая, потеряла положеніе, которое дало ей рожденіе, только оттого, что ты сдѣлалъ изъ мрамора нѣсколько

статуй и написалъ нѣсколько хорошихъ картинъ и что тебѣ угодно ее любить? Что у тебя есть? Гдѣ твои экипажи, твои лакеи, твои дворцы? Въ какомъ клубѣ ты состоишь членомъ, кромѣ кружка братской помощи художникамъ? Съ какими аристократами ты въ другихъ отношеніяхъ, чѣмъ тѣ, что ты желалъ бы имъ продавать, а они могутъ желать, а могутъ и не желать покупать? Сравни положеніе графини Морской сегодня и тогда, когда она будетъ твоей женой. Ну? Не правда ли?

Наборовская опять стала нетерпѣливо ходить по комнатѣ.

— Что ты сдѣлаешь? — спросила она Рдзавича. — Ты пойдешь туда?

— Нѣтъ.

— Хорошо, что у тебя есть еще самолюбіе. Хотя у васъ, мужчинъ, то, что называется самолюбіемъ, чаще всего только отсутствіе настоящаго мужества и слабость къ своему дорогому эгоизму. А, впрочемъ, можетъ быть, было бы лучше, если бы ты туда пошелъ, сдѣлалъ бы предложеніе, чтобы тебя тамъ хорошенько окатили холодной водой: ты бы, пожалуй, отрезвился... Ты жаждешь любви и хочешь быть любимымъ, на то ты человѣкъ. Но что за проклятый рокъ влечетъ тебя къ этимъ мамонтамъ, къ этимъ остаткамъ допотопной эпохи? Я говорю безпристрастно. Что бы ни было между нами, ты знаешь, что я не люблю тебя. Ты знаешь мои понятія о равноправіи, которое давало бы возможность женщинамъ наслаждаться, насла-

ждаться той же жизнью, которая открыта для мужчинъ. Но я все-таки очень тебя люблю и искренно другому желаю тебѣ добра. Подумай: я не говорю, что хочу загородить тебѣ дорогу, но я желала бы тебя, великаго художника, превратить въ человѣка, какъ я его понимаю; а что можетъ сдѣлать съ тобой такая графиня Морская, насколько я ее знаю по твоимъ рассказамъ? Прости за выраженіе, но только... дурака. И это угрожаетъ тебѣ во всякомъ случаѣ, такъ какъ, если ты будешь любить несчастно, то будешь имѣть видъ дурака, а если какимъ-нибудь чудомъ ты будешь пользоваться успѣхомъ, то, попавши въ эту атмосферу, погибнешь, какъ человѣкъ. Слишкомъ слабъ ты, чтобы сопротивляться оппортунизму, продажности, лакейству, пустотѣ и безплодному филистерству, которыя будутъ тебя окружать. Исключеній тамъ слишкомъ мало, чтобы ты могъ на нихъ опереться...

Наборовская говорила рѣзко, но въ голосѣ ея дрожала грусть.

— Что же ты сдѣлаешь, Романъ?

— Сдѣлаю то, чего хочетъ моя судьба...

— Фатумъ!? Отговорка бессильныхъ, трусливыхъ и лѣнивыхъ людей. Сдаться, какъ волъ, подъ ножъ. Я говорю тебѣ откровенно: мнѣ жаль тебя! Не то, чтобы ты былъ человѣкомъ въ моемъ вкусѣ, не то, чтобы я чувствовала, будто, соединяясь съ тобою, я слѣдую какому-то закону полового подбора; не то, чтобы я боялась одиночества: я сумѣю перенести и наполнить его, а жаль мнѣ тебя, потому что я вижу, какъ

ты погибнешь тамъ, упадешь изъ-за этой дѣвушки въ пропасть, сломишь шею, или тебя изломають, растопчуть, а сами пойдуть дальше, спокойно, равнодушно, вѣроятно счастливо, такъ какъ безсмысленность — первое условіе счастья, а вѣдь эти барышни находятъ себѣ лучшее занятіе, чѣмъ мышленіе.

— Но мое убѣжденіе: итти за ней.

— Нѣтъ, такова твоя натура. Ты попросту эротоманъ. Я дѣлаю тебѣ непріятность, когда говорю это, но это все-таки правда. Тебя это погубить. Это твоя гибель...

— Такъ пусть я погибну.

Наборовская нетерпѣливо тряхнула головой.

— Вотъ отвѣтъ, достойный мужчины! Безъ воли, безъ самообладанія, безъ внутренняго императива, безъ власти надъ своей матеріей. Что ты такое? Парусъ, который надуваетъ вѣтеръ. Все управляетъ тобою, а ты ничѣмъ. Неужели всѣ художники таковы? И какой странный контрастъ съ тѣмъ человѣкомъ, который кажется чуть ли не героемъ, когда творить, если тутъ можно примѣнить это слово! Ты создалъ чудовищно-вызывающую въ смыслѣ всѣхъ условныхъ понятій и общепринятыхъ принциповъ искусства «Саломею», а я видѣла, какъ ты въ теченіе двухъ дней боялся прочесть письмо изъ журнала, въ которомъ ее должны были воспроизвести. А гибель твоя въ женщинѣ! Смотри, вѣдь и у меня также есть чувственность; но польская эротоманія кажется мнѣ чѣмъ-то противнымъ, такъ какъ она неестественна, а польское лицемѣріе

чувства я презираю такъ же, какъ все, что не имѣетъ мужества утверждать свою правду; я чувствую, что создана для жизни съ мужчиной, но вѣдь это не наполняетъ всей моей души, всего мозга, я живу, кромѣ этого, еще чѣмъ-то, хочу чего-то, люблю и ненавижу, мечтаю о чемъ-то, а ты? Что ты умѣешь и что ты дѣлаешь? Лѣпишь глину, мѣшаешь краски и влюбляешься. Вотъ весь Романъ Рдзавичъ.

— Неужели ты думаешь, что я этого не знаю? Я знаю это не хуже, чѣмъ ты. Но развѣ на свѣтѣ растутъ одни только хлѣба? Есть еще еловая вѣтви, которыя шумятъ, а ты слушаешь ихъ шумъ, хотя это не принесетъ тебѣ никакой пользы, кромѣ того, что ты слушала...

— Послушай, — сказала Наборовская, — я не знаю, кто изъ этихъ двухъ художниковъ больше: Бёклинь или Матейко, но во всякомъ случаѣ у насъ я отдала бы десять Бёклиновъ за одного Матейко. Можетъ быть, тамъ, въ галлерей великихъ художниковъ, Бёклину отвели бы одно изъ первыхъ мѣстъ, но въ какомъ-нибудь пантеонѣ великихъ людей, великихъ вождей человеческого духа, «королей духа», признаешь ли ты за нимъ право занять такое же мѣсто, какое занимаетъ Матейко? Развѣ чудесно написанный «Тритонъ» то же самое, что чудесно написанная «Жалоба», развѣ «Островъ мервыхъ» то же, что «Грюнвальдъ»?

— Ахъ, по этому вопросу можно многое сказать! Въ данномъ случаѣ ты права. Скажи миѣ однако: итальянцамъ, каковы бы ни были ихъ судьбы, что пользы

въ Сикстинской капеллѣ Микэль Анджело, кромѣ величайшей въ мірѣ славы? Людямъ нужно всякой славы, и Матейко не сюжетами, а художественнымъ гениемъ поднялся туда, гдѣ онъ стоитъ.

— Хорошо. Генію его удивляются, душу его чтятъ и любятъ.

— Да... Проклятіе и гибель для художниковъ ихъ неумѣніе соображаться съ обстоятельствами... Люди, жаждущіе и алчущіе, хотятъ изъ cadaго бокала прежде всего пить и изъ cadaго блюда прежде всего ѣсть... Понятно, если эти сосуды прекрасны, ихъ больше цѣнятъ, чѣмъ глиняные, но прежде всего изъ нихъ хотятъ ѣсть и пить. Слѣдовательно, кто не даетъ ѣсть и пить жаждущимъ и алчущимъ, тотъ пусть идетъ къ сытымъ или уйдетъ прочь!

И Рдзавичъ, схвативъ шляпу, выбѣжалъ изъ комнаты Наборовской.

Ахъ, тамъ, тамъ! Въ этихъ спокойныхъ, тихихъ сапфировыхъ глазахъ, тамъ спокойствіе, тамъ отдыхъ! Тамъ ничего, кромѣ прелести, кромѣ восторга, кромѣ упоенія... Если судьба привела ее сюда для его гибели, пусть такъ и будетъ, пусть свершится!

Въ теченіе долгой ночи образъ Терезы все больше и больше приближался къ Рдзавичу, пока ему не показалось, что онъ приросъ къ его груди. И онъ рѣшилъ поддаться тому, чего судьба захочетъ.

Выйдя на другой день рано утромъ на «Штрандъ», онъ увидѣлъ издалека Морскую съ обѣими дочерьми. Колѣни его дрожали и гнулись; онъ едва овладѣлъ

собою и силился побороть ослѣпленіе, которое вдругъ пало на его глаза. Не успѣлъ онъ снять шляпы, какъ Морская дружелюбно кивнула ему головкой.

— Наконецъ-то хоть одна знакомая душа! Мы справлялись, — изъ поляковъ здѣсь почти никого нѣтъ.

Рдзавичъ, здороваясь, замѣтилъ дивную улыбку Терезы.

— Миѣ велѣли поѣхать на нѣсколько недѣль куда-нибудь на море, — сказала графиня Морская. — Я выбрала Аббацію, потому что это близко. У васъ тутъ есть знакомые?

— Почти никого.

— Ну, тогда намъ придется держаться вмѣстѣ... Вы, вѣрно, давно здѣсь и должно быть знаете окрестности. Вы еще поживете здѣсь?

— Да, поживу.

По лицу Терезы опять скользнула милая улыбка. Потомъ барышни пошли впередъ, а графиня Морская рассказывала о своемъ здоровьѣ, о своихъ связяхъ въ Познани, о своихъ сыновьяхъ и спрашивала объ Аббаціи.

И въ прогулкахъ на взморьѣ прошло нѣсколько дней, немного пасмурныхъ, во время которыхъ Рдзавичъ мало говорилъ съ Терезей и не сдѣлалъ ничего, чтобы сблизиться съ ней. Онъ только смотрѣлъ, когда она шла впереди съ сестрой, стараясь дать себѣ отчетъ въ томъ, какое огромное счастье смотрѣть на Терезу такъ близко, такъ свободно; дать отчетъ въ этомъ, чтобы помнить, чтобы чувствовать и знать, что чув-

ствуешь, ничего, ничего не теряя, объять это, охватывать мыслью, чувством и сознанием...

Къ Наборовской онъ заходилъ позднимъ вечеромъ, чтобы говорить съ ней о Терезѣ. Она слушала нетерпѣливо и неохотно.

Наконецъ, послѣ пасмурныхъ дней насталъ прекрасный солнечный день, и графиня Морская просила Рдзавича, чтобы онъ сопровождалъ ихъ послѣ обѣда на пароходѣ въ Буккари.

Море навѣяло сонливость на графиню Морскую, а подвижная, любопытная и бойкая Целинка вертѣлась по всему пароходу, говорила съ матросами, подружилась съ капитаномъ и маленькимъ пуделемъ капитана. Рдзавичъ первый разъ въ жизни могъ свободно говорить съ Терезой. Но онъ не подошелъ къ ней первый, а остановился на кормѣ парохода.

Черезъ нѣкоторое время къ нему подошла Тереза.

— Чудный день, — сказала она.

— Чудный; такой могла бы быть жизнь, — отвѣтилъ Рдзавичъ.

— Да... Я себѣ представляю, — начала черезъ минуту Тереза, — насколько больше, сильнѣе и полнѣе вы должны это чувствовать, чѣмъ мы, обыкновенные люди! Нѣтъ ничего выше на свѣтѣ, чѣмъ искусство. Я хотѣла бы васъ спросить кое о чемъ, но вы будете смѣяться.

Она была немного смущена и прелестна.

— Давно уже я хочу это знать, — прибавила она, — но это такъ наивно...

— Пожалуйста, говорите.

— Такъ вотъ — какъ люди творять? На чемъ основывается то, что мы, обыкновенные люди, называемъ творчествомъ?

— На чемъ оно основывается у другихъ, — отвѣтилъ Рдзавичъ, — я не знаю. У меня же на переживаніи впечатлѣній. Иногда искусство для меня только предохранительный клапанъ.

— Какъ это?

— Чтобы котель не лопнулъ. Иногда, чтобы не лопнуло то, что называется душой, я долженъ это выбросить изъ себя наружу. Если бы я встрѣтилъ, напримѣръ, греческую Хариту, я бы, вѣроятно, долженъ былъ сдѣлать набросокъ ея образа на бумагѣ или полотнѣ, только затѣмъ, чтобы ослабить слишкомъ сильное впечатлѣніе и быть въ состояніи перенести его, выдержать...

Тереза опять застѣнчиво опустила глаза.

— Только, — продолжалъ Рдзавичъ, — видите ли, моя энергія уходитъ этимъ путемъ, наступаетъ утомленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ такое сліяніе того, что существуетъ только въ моемъ мозгу, и того, что есть въ дѣйствительной жизни, что я почти перестаю отличать одно отъ другого и, утомленный, думаю вмѣсто того, чтобы жить. Какъ-то въ Альпахъ я видѣлъ чудный пейзажъ и собирался ежедневно возвращаться туда; весь слѣдующій день шелъ дождь, и весь этотъ день я писалъ его по памяти. Въ Парижѣ я потомъ получилъ медаль за этотъ пейзажъ, но въ натурѣ я его

больше не видѣлъ. Не было уже энергии, чтобы пойти туда. Впечатлѣніе было чрезвычайно сильно, но вылилось это впечатлѣніе убійственно для моей воли.

— И вамъ жаль?

Рдзавичъ началъ импровизировать.

— Однажды я принесъ домой прелестную улыбку женщины, о которой я зналъ, что мнѣ надо было бы переплыть моря, чтобы она могла быть моей. Моя боль, моя тоска совершенно убивали мое сердце. И вотъ, — и вотъ на другой день я сталъ набрасывать на бумагѣ какіе-то призраки... Я писалъ и писалъ, — пока черезъ предохранительный клапанъ не вырвался сжатый паръ и — котелъ не лопнулъ.

— И?

— И я продолжаю жить спокойно.

— А она? Эта женщина?

— Вѣрно, и не помнить, что улыбнулась.

— А если помнить?

— Я не знаю этого, я не спрашивалъ ее. Мнѣ было некогда — я писалъ.

Они умолкли. Тереза опустила голову и начала сверлить зонтикомъ ямочку въ палубѣ...

Вдругъ Рдзавичъ спросилъ:

— Вы добрая?

— Если это касается кого-нибудь, кому я желаю добра, то да.

— Ну, все равно, могли бы вы молиться за какого-нибудь моряка, заблудившагося въ морѣ?

— Если ему угрожаетъ опасность, да.

— Если онъ долженъ погибнуть?

Тереза подняла глаза на Рдзавича.

— Пусть онъ борется.

— А если море сильнѣе его лодки и весель?

Тереза медленно отвѣтила:

— Пусть надѣется.

Снова они умолкли. Черезъ минуту Тереза подняла голову и спросила точно невольно серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно говорятъ въ разговорѣ:

— А вы?

— Что?

— Если бы вы видѣли какую-нибудь бѣдную, полоненную дочь кастеляна, къ которой нужно пробраться по крутой стѣнѣ, чтобы освободить ее, — что бы вы сдѣлали?

Рдзавичу вдругъ вспомнился разговоръ съ Наборовской и два ея выраженія, которыя ему главнымъ образомъ врѣзались въ память: поклонникъ и дуракъ, и онъ отвѣтилъ совершенно другимъ голосомъ, чѣмъ говорилъ до сихъ поръ:

— Я или пошелъ бы дальше, предоставляя ея освобожденіе другимъ прохожимъ, или же влѣзъ бы и освободилъ ее ради прихоти.

Въ глазахъ Терезы отразилось удивленіе и словно какое-то сожалѣніе.

— Вы или пошли бы дальше, предоставляя ея судьбѣ, или освободили бы ее ради прихоти? — повторила она.

— Да.

— Становится холодно, — проговорила Тереза изменившимся голосомъ, поворачиваясь къ выходу. — Вы останетесь?

Рдзавичъ слегка поклонился въ знакъ того, что остается.

— Поклонникомъ я былъ бы для тебя недурнымъ, не правда ли? — шепнулъ онъ ей вслѣдъ. — Тебѣ не по вкусу, что я имъ не буду, такъ, съ перваго шага?

Но тутъ же спросилъ самого себя: отчего онъ разрушаетъ чудо, о которомъ онъ и мечтать не смѣлъ и которое все же случилось: то, что онъ съ Терезой, говорить съ нею, видитъ ее?..

Онъ видѣлъ, какъ Тереза сошла на помостъ и остановилась у перилъ.

Что-то толкнуло итти Рдзавича за ней; онъ колебался минуту и пошелъ. Рванулъ сѣверный вѣтеръ.

— Вамъ холодно? — спросила Тереза равнодушно.

— Да, вѣтеръ...

Равнодушный тонъ Терезы смутилъ Рдзавича и раздражилъ его.

Ему стало жаль ея прежняго теплаго голоса, и онъ почувствовалъ потребность показаться опять въ выгодномъ свѣтѣ. И онъ сталъ вдругъ говорить неискреннимъ, неестественнымъ, принужденнымъ голосомъ, неестественно и неискренно жестикулируя.

— Интересно, можно ли вылѣпить вѣтеръ? Можно бы сдѣлать человѣка съ громадными волосами, съ крыльями за плечами, съ протянутыми впередъ руками, во время лета, а летъ можно выразить движеніемъ

рукъ и тѣла. Надо бы, конечно, придать соотвѣтствующее выраженіе лицу и создать иллюзію полета...

— Да, это было бы оригинально, — сухо перебила его Тереза и, обращаясь къ приближавшейся Целинкѣ, крикнула:

— Целина! Мама въ каютѣ?

— Да.

Онѣ ушли. Рдзавичъ остался на помостѣ со страшнымъ недовольствомъ противъ Терезы, съ негодованіемъ и отвращеніемъ къ самому себѣ.

Разговоры съ барышнями, вотъ достойное занятіе для такого человѣка, какимъ хочетъ сдѣлать меня Наборовская, — шепнулъ онъ самому себѣ. — Другіе строить Завтра міра, а я торчу на палубѣ парохода. Для полноты прони — не въ Тихомъ океанѣ и не въ Атлантическомъ, а между Аббаціей и Буккари. Тьфу!

...Предоставилъ бы другимъ прохожимъ, или освободилъ бы ради прихоти...

Сколько чувства собралосѣ у нея на душѣ и на сердцѣ... Не обращая ни на что вниманія, не обращая вниманія на то, что они такъ мало другъ друга знаютъ, не зная, что онъ ей отвѣтитъ, она захотѣла сознаться ему во всемъ, сказать все... Онъ понялъ ее, понялъ! Понялъ и отвѣтилъ.

И Тереза стиснула зубы, чувствуя себя униженной, обиженной, попросту избитой. Она стала по отношенію къ Рдзавичу сдержанной и холодной, на сколько это можно было дѣлать, не обращая на себя всеобщаго вниманія.

Графиня Морская познакомилась кое съ кѣмъ, и общество стало многочисленнѣе.

Тѣмъ временемъ Рдзавичъ держался вдали отъ Терезы, и глаза ихъ избѣгали другъ друга; каждый разъ, когда они встрѣчались, они старались холодно, быстро и равнодушно пройти другъ мимо друга, чтобы потомъ опять украдкой, не зная другъ о другѣ и наблюдая другъ за другомъ, повернуться лицомъ къ лицу...

Эти тайные взгляды Рдзавича, полные какого-то отчаяннаго, лихорадочнаго раздраженія и такіе же тайные, отрывистые, полные грусти взоры Терезы замѣчала шестидесятилѣтняя старушка, полная жизни и силъ, баронеса Леветцау, урожденная княжна Гика, румынка, вдова курляндскаго барона, высокая, статная женщина, со слѣдами поразительной красоты въ чертахъ лица.

Однажды вечеромъ она взяла Терезу подъ руку, вышла съ ней на веранду виллы, въ которой онѣ жили, и, посадивъ ее на козетку, сказала ей прямо:

— Дорогая моя, прости, что говорю тебѣ «ты», но вѣдь я старуха, — зачѣмъ вы мучите другъ друга?

Тереза вздрогнула.

— Простите, кто?.. — пробормотала она встревоженно.

— Ну, ты и этотъ художникъ.

— Баронеса, простите, — сказала Тереза, дѣлая такое движеніе, будто собиралась встать, но баронесса Леветцау обняла ее рукой, прижала ее къ себѣ и поцѣловала нѣсколько разъ въ лобъ.

Тереза осталась и какъ-то безсильно поникла на ея плечѣ.

— Вотъ видишь, душечка, — говорила старуха, — ты осталась. Иначе ты бы ушла. Прости, что я вмѣшиваюсь, но я не могу перенести, когда люди мучаются безъ надобности. Такъ много и безъ того горя и зла на свѣтѣ.

Тереза спрятала голову въ пышный рукавъ Леветцау. Та продолжала:

— Я за вами наблюдаю съ самаго моего пріѣзда сюда. Ты показалась мнѣ очень симпатичной; по немъ видно, что это недюжинный человѣкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сама перестала жить, я живу чужими дѣлами. Надо же чѣмъ-нибудь жить. И видишь, иногда многое легче сказать какой-нибудь старой, прямодушной подругѣ, — а я прямодушна, и ты позволь мнѣ быть твоей подругой, — чѣмъ родной матери. Скажи мнѣ: что между вами?

Тереза вздрогнула и молчала.

— Любишь его? Что онъ влюбленъ въ тебя, это и безъ свѣчи видно, — продолжала баронесса Леветцау. — Тебѣ, можетъ быть, неприятно, что я говорю такъ прямо. Я знаю польское общество и знаю ваши нравы; ахъ! у насъ, по-испански, никто не стыдится своего сердца, какъ не стыдится своего носа на лицѣ. Ты со мной согласна, не правда ли?

Тереза чувствовала, что горло ея сжимается, притомъ слова баронессы Леветцау, будто Рдзавичъ влюбленъ въ нее, ослѣпили и ошеломили ее.

— Я замѣтила только одинъ взглядъ, — говорила баронесса, — который онъ бросилъ на тебя сейчасъ же въ первый вечеръ, когда я познакомилась съ вами. Я сразу все поняла! Но ты, милочка, не долго заставила ждать. Вы еще ни въ чемъ другъ другу не сознались, не правда ли? А положеніе таково: у него, вѣрно, ничего нѣтъ, — у художниковъ никогда ничего нѣтъ, и онъ не принадлежитъ къ вашему обществу. Онъ вѣрно сынъ мелкопомѣстнаго дворянина, адвоката, доктора, пожалуй, даже купца, или что-то въ этомъ родѣ. Ты барышня изъ аристократіи, да еще изъ польской, одной изъ самыхъ отсталыхъ въ мірѣ. Ему около тридцати пяти лѣтъ, тебѣ девятнадцать. Большая разница. Онъ знаетъ, что все противъ него, что тебя ему никогда не дадутъ; ты знаешь, что тебѣ никогда не позволятъ выйти за него замужъ. Не такъ ли, милая?

Тереза молчала, прижавъ лицо къ плечу баронессы.

— Да, да, это бываетъ. Ты очень его любишь? Онъ тебя любить до безумія. Повѣрь мнѣ, меня тутъ не проведешь... Я насчетъ любви собаку съѣла... Вѣдь нормальная женщина только этимъ и живетъ. По крайней мѣрѣ, въ мои времена такъ было. Ну что, любишь его? Очень любишь?

Тереза выпрямилась.

— Гордая полька! Графиня Морская! Графиня Морская не сознается въ своей любви, а я ей скажу, — тутъ баронесса Леветцау схватила голову Терезы обѣими руками и, цѣлуя ее въ лобъ, добавила: — что она

очень любить этого польскаго скульптора. И я попрошу у нея прощенія за то, что хотѣла бы помочь ей быть счастливой, — и баронесса Леветцау поцѣловала руку Терезы.

Тогда Тереза разрыдалась и прижала голову къ ея колѣнямъ. Леветцау гладила ее рукой по волосамъ и говорила шопотомъ :

— Плачь... Выплачешь горе... Плачь, гордая душа... польская панна... царевна... Послушай, я тебѣ расскажу одну исторію. Ночь тепла, мать играетъ въ покеръ, молодежь болтаетъ — и — видишь ли — его нѣтъ въ гостинной, онъ вышелъ одинъ, я видѣла. Послушай...

— Я урожденная княжна Гика, изъ знатнаго рода, миллионерша, теперь я баронесса Леветцау. — Онъ былъ курляндецъ, бѣднякъ, умеръ три года тому назадъ, — но до этого я была госпожей Гупеску, *tout court*, госпожей Гупеску, снохой эконома.

У насъ въ имѣніи былъ экономъ Стефанъ Гупеску. У него былъ сынъ, также Стефанъ, который учился въ берлинскомъ университетѣ на папины деньги. Мальчикъ, какъ свѣча, какъ молодой дубъ. Приѣхалъ на каникулы, я влюбилась. Мнѣ шелъ семнадцатый годъ. Ему двадцатый.

— Я люблю Гупеску, я выйду за него, — говорю я мамѣ.

Суматоха, крики! Судный день! Меня избили. Папа былъ дикій человѣкъ, когда, бывало, разсердится. Несмотря на мои семнадцать лѣтъ и на то, что я уже танцевала на придворномъ балу въ Бухарестѣ, пала

меня билъ! О! Я стиснула зубы и не пикнула... Ну, что же — думаю я себѣ. — бей! А я все-таки выйду за Стефана Гупеску.

А у парня глаза на лобъ лѣзли, когда онъ видѣлъ меня. Все, что могли, мы другъ другу уже сказали о своей любви. Спальня моя была въ первомъ этажѣ дворца. Связала я простыню одѣяломъ, держалась руками и зубами. Ночью я вышла на хуторъ. Тамъ собаки! Одна бросилась на меня. Смотри!

Леветцау взяла пальцы Терезы и провела ими по глубокому рубцу на рукѣ ниже локтя.

— Слѣдъ остался. Укусила. Я знала, что тамъ собаки, но не было исхода. Я знала, что папа на другой день прикажетъ Стефану уѣхать, что онъ его пошлетъ учиться въ Англiю. Не было времени. Меня разорвали бы собаки, если бы не ночной сторожъ.

— Кто тамъ? — спрашиваетъ онъ. — Княжна изъ замка... Господи Боже!..

— Помню, какъ сегодня. — Дома ли Стефанъ? — Дома. Спитъ. — Веди меня къ нему. — Онъ лежалъ въ кровати. Спалъ. Вхожу. Вскочилъ, сѣлъ на кровати подъ одѣяломъ, протираетъ себѣ глаза. — Никола Угодника, Настка?!.. — Я! Одѣвайся. Бѣжимъ!

И мы убѣжали. Руку я только перевязала мокрымъ полотенцемъ.

Не далеко мы убѣжали. Утромъ насъ поймали. Онъ еле живымъ вышелъ изъ-подъ палки, меня отдали въ монастырь. Эхъ, голубушка, польская панна! Но мы сговорились. Онъ поѣхалъ въ Англiю, какъ было рѣ-

шено, но ужъ безъ папиныхъ денегъ. Отправилась и я туда. Питаюсь милостыней, прошла черезъ Францію до моря. Княжна Гика... У моего отца былъ миллионъ гульденовъ дохода. Я нашла его въ Лондонѣ. Хорошо еще, что меня научили говорить по-англійски. Пять лѣтъ мы ѣли сухой хлѣбъ. Ахъ! Какая была нужда!.. Никто не зналъ, гдѣ я. Я оставила письмо, что иду тониться. Бросила шляпу и накидку въ рѣку, это нашли. Онъ тоже домой не возвращался, а обо мнѣ ничего не писалъ.

Черезъ пять лѣтъ мы вернулись. Онъ мастеромъ котельщикомъ, а я гладильщицей, съ двумя дѣтьми. Папы уже не было въ живыхъ. Я стала госпожей Гупеску, женой эконома, урожденная княжна Гика. И была я госпожей Гупеску четырнадцать лѣтъ, до смерти Стефана... Что ты дѣлаешь, душечка?..

Тереза опустила къ ногамъ баронессы Леветцау и цѣловала ей колѣни.

Наступилъ тихій разсвѣтъ. На востокѣ вставала уже нѣжная, еле замѣтная, утренняя бѣлизна. Море, еще совсѣмъ темное, замерцало на востокѣ мимолетнымъ и воздушнымъ свѣтомъ. Звѣзды уже гасли, свѣтили уже не такъ ярко, не такъ горѣли и искрились. Съ моря дулъ легкій теплый вѣтеръ, рѣзвый и шумливый.

Тереза стояла у окна. Она не могла спать. То, что Рдзавичъ любитъ ее, засыпало ей глаза, точно пескомъ, и наполняло ея мозгъ какимъ-то туманомъ, густымъ

и тяжелымъ и блестящимъ. То, что ей никогда даже въ голову не приходило...

Она стояла у окна и чувствовала, что она какъ будто уже не такая, какой была до сихъ поръ... Новый мѣръ, новое существо... И хотя она говорила себѣ, что это неправда, что это не такъ, что такъ быть не можетъ и никогда не будетъ, хотя она не вѣрила баронессѣ Левеццау, но все же какое-то огромное счастье, совершенно незнакомое ей и непохожее на то, что она раньше чувствовала въ жизни, зарождалось въ ея груди.

И она начала шептать:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Боже! Боже! Дай ему всего лучшаго, дай ему счастье, бодрствуй надъ нимъ, храни его! Дай ему горячую вѣру и любовь къ Тебѣ, пусть онъ любить Тебя больше всего и живетъ такъ, чтобы Ты его могъ наградить и благословить его. Возьми мое собственное счастье, если это нужно, и дай ему.

Я люблю его, Ты видишь, Отче небесный, я люблю его. Это вѣдь не грѣхъ, правда? Такъ любить можно. Но, если бы и нельзя было, я любила бы его! Боже, сознаюсь Тебѣ въ этомъ: я любила бы его...

Пусть онъ будетъ прекрасенъ, пусть онъ будетъ великъ, пусть онъ будетъ благороденъ... Пусть всѣ головы преклоняются передъ его гениемъ, передъ его характеромъ, передъ его превосходствомъ и духовной красотой... И дай ему счастье! Дай ему счастье! Дай ему жену добрую, любящую, прекрасную, чистую...

Пусть онъ любить ее, пусть ее чтить, пусть она усладитъ всѣ его горечи, всѣ разочарованія и страданія... Пусть онъ будетъ ея героемъ, ея чуднымъ сномъ, ея мечтой, сошедшей съ облаковъ на землю...

И Тереза прервала молитву, чувствуя, что молитва о счастьѣ Рдзавича становится молитвой о счастьѣ для нея самой.

По улицѣ, на которую выходили окна Терезы, шли двое людей. Рдзавичъ возвращался съ ночной прогулки съ Наборовской, гордый, смѣлый, счастливый. Они держали другъ друга за руки, и Наборовская пѣла:

Лишь встанетъ ранняя заря
Поетъ земля, поютъ моря,
Поютъ тебѣ изъ вѣка въ вѣкъ:
Твори, трудись, о человѣкъ!

— Пойдемъ, пойдемъ! — нервно говорилъ Рдзавичъ, — пойдемъ къ ея окну!..

— Она спитъ, но если бы услышала эти слова, пришла бы въ негодованіе. Вѣдь это для нея богохульство.

— Вотъ именно! Пойдемъ, пойдемъ! Пой подъ ея окномъ, громко! Пусть слышитъ! Пойдемъ!

— Ты — ребенокъ!

— Иди! Бѣшенство меня беретъ! Она, можетъ быть, думаетъ, что я въ нее влюбленъ, что я люблю ее! Такую вертлявую куклу! Я!

Онъ чуть было не сказалъ, что горитъ отъ стыда изъ-за того разговора на пароходѣ и что не можетъ пере-

нести того, что безумно любить ту женщину, по отноше-
нію къ которой онъ оказался неуклюжимъ и смѣш-
нымъ и которая держится съ нимъ такъ, какъ ей
угодно, то ласково, то холодно...

— Романъ, — сказала Наборовская, — одинъ ея
взглядъ свалитъ тебя съ ногъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Благодарю! После этой ночи на
берегу моря я стряхнулъ съ себя всю свою прежнюю
жизнь. Все мое творчество до сихъ поръ было бесплод-
нымъ, пустымъ, бесполезнымъ. Какое кому дѣло до
призраковъ и вампировъ? Какое кому дѣло до психи-
ческихъ символовъ и загадокъ, до какихъ-то сфинк-
совъ и картинъ воображенія, до мыслей и чувствъ чело-
вѣческихъ? Да, да! Ты права! У насъ нѣтъ вре-
мени для визионерства и фантазіи! Я сломаю себя! Я
себя преодолею! Я сижу въ своемъ искусствѣ, какъ
въ башнѣ изъ слоновой кости! Я заставлю себя рабо-
тать вмѣстѣ съ обществомъ и для общества. Я за-
ставлю себя чувствовать общественнымъ инстинктомъ,
сообща думать, чувствовать сообща, сообща дѣйстви-
вать. Я отлучу отъ себя художника, я стану граждани-
номъ, который работаетъ кистью и рѣзцомъ. Перестану
мечтать о всемірной славѣ! Стану дѣлать только то,
что необходимо, полезно и нужно. Буду стараться воз-
дѣйствовать на массы, служить имъ. Прочь, мой ху-
дожественный аристократизмъ! Если я что-нибудь
умѣю, я долженъ этому учить — но не тѣхъ трехъ
скульпторовъ и тридцать живописцевъ, которые мнѣ
подражаютъ. Мнѣ стыдно за всю мою прежнюю худо-

жественную дѣятельность. Глупости всё острова мерт-
вѣхъ, фавны, видѣнія смерти и символы жизни. Люди
прежде всего ѣдятъ и пьютъ. Глупость всякая красота,
всякое искусство ради искусства!

— Ты говоришь такъ, — прервала его Наборов-
ская, — потому что сталъ такъ чувствовать или по-
тому, что тебя чѣмъ-нибудь обидѣла графиня Морская?

Рдзавичъ взялъ ее за руку.

— Какъ ты можешь такъ говорить? — сказалъ онъ
голосомъ, въ которомъ звучали оскорбленіе и скорбь. —
Ты возродила меня! Ты новый, молодой духъ! Я пойду
съ тобою!

— На новую жизнь?

— На новую жизнь! — повторилъ Рдзавичъ.

Тогда Наборовская бросилась ему на шею и стала
цѣловать его въ губы.

— Пойдемъ! Я буду твоей сестрой, любовницей, же-
ной, чѣмъ хочешь! Ура! Я завоевала Романа Рдза-
вича! Самого Романа Рдзавича! Великаго художника
я сдѣлаю человѣкомъ. Ахъ! Миѣ кажется, я могла
бы любить тебя! Я сказала, что буду твоей сестрой,
любовницей, женой, чѣмъ хочешь — и такъ могло быть.
Соверши подвигъ, не въ мраморѣ, не на полотнѣ под-
вигъ! Создай жизнь, и, если захочешь, я буду у ногъ
твоихъ! Что Фидій, Тиціанъ, Бетховенъ или Шекспиръ
въ сравненіи съ Вашингтономъ, съ римскими Гракха-
ми, Буддой и его любовью къ человѣчеству? Захо-
чешь, я уйду гордая и счастливая, и ты меня больше

не увидишь. Во мнѣ говоритъ не женщина, — во мнѣ говоритъ человѣкъ.

На небѣ стало свѣтать. Ясный блескъ восходящаго солнца ударилъ въ небо, какъ золотой мечъ въ темный щитъ, и онъ раскололся. Свѣтъ прорвался.

Тогда Наборовская, упоенная этой побѣдоносной почью и наступающимъ восходомъ солнца, схватила Рдзавича за руки и стала съ нимъ кружиться... Вдругъ Рдзавичъ схватилъ ее въ свои объятія и поднялъ вверхъ, а она крикнула:

— Да здравствуетъ свободная любовь! Долой все, въ чемъ гибель жизни!..

Тогда изъ окна виллы, подъ которой они находились, раздался короткій, сдавленный и точно вырванный изъ груди крикъ женщины:

— Это вы?

Рдзавичъ вздрогнулъ, узналъ голосъ Терезы Морской и, выпустивъ изъ объятій Наборовскую, взглянулъ наверхъ и, борясь съ собой, отвѣтилъ вызывающе:

— Да, это я!

Онъ не видѣлъ, какъ Тереза наклонилась и, судорожно прижавъ руки къ глазамъ, упала назадъ на кровать, которая стояла рядомъ.

— Кто это былъ? — спросила Наборовская.

— Она, — отвѣтилъ Рдзавичъ глухо.

Наборовская схватила его крѣпко за руку, говоря:

— Иди! Иди! Бѣги!

И потащила его силой, и они бѣжали къ морю. На морѣ качались рыбацьи лодки.

— Эй! — крикнула Наборовская. — Дукать за прогулку! Одинъ изъ рыбаковъ подплылъ къ берегу.

— Далеко, далеко въ море! — сказала Наборовская, входя въ лодку и вводя въ нее Рдзавича.

Они сѣли, и Наборовская зажала Рдзавичу уши руками, говоря:

— Одиссей, не слушай сирены!..

А онъ отнялъ свою руку, припалъ лицомъ къ ея колѣнямъ и позволилъ везти себя безъ движенія, безъ словъ и безъ взгляда.

— Неужели ты такъ идешь къ новой жизни? — спросила его Наборовская со скорбной горечью.

Но Рдзавичъ не отвѣтилъ.

Тогда она бросила въ пространство слово:

— Художникъ!

Послѣ полудня Рдзавичъ, возвращаясь съ моря домой, съ лихорадкой въ душѣ и на лицѣ, встрѣтилъ баронессу Леветцау, которая встрѣтила его извѣстіемъ, что Морскіе уѣхали.

Передъ Рдзавичемъ стала унывать земля.

— Почему? — спросилъ онъ.

— Тереза заболѣла ночью. Докторъ нашелъ, что море ее разстраиваетъ. Графиня Морская также кончила лѣченіе, и онѣ, не откладывая, собрались и уѣхали. Графиня поручила мнѣ передать вамъ поклонъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Рдзавичъ и, отправившись домой, уложилъ свои вещи; не объяснивъ ни слова Наборовской, онъ съ ближайшимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Швейцарію.

III.

Рдзаничъ получилъ въ Люцернѣ въ концѣ іюля письмо отъ своего товарища и друга Тенжеля, въ которомъ Тенжель писалъ :

«Здоровье Юрія ухудшилось. Доктора не теряютъ окончательной надежды, но ея у нихъ немного. Онъ въ хорошемъ расположеніи духа, какъ всѣ чахоточные. Лаура переживаетъ разныя минуты, но бываютъ и минуты страшнаго отчаянія. Моя добрая Роза поддерживаетъ въ ней силы и бодрость духа. На-дняхъ пріѣхала Эля. Она тѣнь того, что была когда-то, но на лицѣ у ней такой отпечатокъ чего-то духовнаго, что она дѣйствуетъ на людей, какъ ангелъ мира... Я замѣтилъ, что люди на улицѣ уступаютъ ей дорогу, такое грустное величіе въ ней.

«Пріѣзжай сюда. Чего тебѣ шататься по Альпамъ? Юрій часто спрашиваетъ о тебѣ, а Лаура велѣла просить тебя, чтобы ты пріѣхалъ. Ей хотѣлось бы теперь соединить всѣхъ, въ доброжелательность которыхъ къ Юрію она вѣритъ; она словно думаетъ, что, если онъ будетъ окруженъ друзьями, то смерти будетъ труднѣе вырвать его изъ нашей среды. Юрій цѣлые дни проводитъ на верандѣ; ты не можешь себѣ представить, какъ онъ обрадовался, когда въ Закопане пріѣхалъ Левъ Морскій, — ты помнишь его? Тотъ графъ, любитель музыки. Онъ привезъ съ собой Влади-

слава Стшыжецкаго, съ которымъ теперь не разлучается...

«Вотъ шельма — правда?» — говоритъ онъ о немъ. Стшыжецкій теперь пишетъ либретто къ своей новой оперѣ и совѣтуется съ Юріемъ. Онъ съ Морскимъ много играетъ въ четыре руки на роялѣ Лауры, иногда Стшыжецкій импровизируетъ, — великолѣпно! Онъ вообще добрый малый, свѣтскій левъ, *viveur*, и, какъ говоритъ о немъ Морскій, шуманистъ, шопенистъ и шампанистъ. Ты застанешь также стараго знакомаго, Стася Лановскаго, который здѣсь постоянно живетъ теперь и занимается живописью.

«Будь Юрій здоровъ, гдѣ могло бы быть лучше, чѣмъ въ такомъ кружкѣ?»

«Что дѣлать, — несчастье... Страшное дѣло... Я страдаю при одной мысли объ этомъ... Мы съ Розой молимся каждый день за здоровье Юрія, даже мой маленькій Романъ и маленькая Лорця читаютъ за него молитву, которая впрочемъ у Лорци складывается изъ слѣдующихъ словъ: «же-ай-овье-рію», — такъ какъ до сихъ поръ ничто на свѣтѣ не можетъ заставить ее произносить начальныя буквы. Учитъ ее Морскій. Представь себѣ, какъ онъ это дѣлаетъ. Несмотря на весь трагизмъ переживаемыхъ минутъ, мы часто покатываемся отъ смѣха. Они сидятъ другъ противъ друга, т.-е. она у него на колѣняхъ, и Морскій говоритъ ей: «скажи: графъ Левъ Морскій, старый дуракъ», — а она отвѣчаетъ: «аф ев кій алый ракъ». Это повторяется до тѣхъ поръ, пока Роза не выгонитъ ихъ обоихъ изъ

комнаты. Приѣзжай, мой дорогой! Мы всё отъ всего сердца будемъ тебѣ рады, давно мы другъ друга не видали, два года уже, а Юрія, пожалуй, ты въ послѣдній разъ увидишь. Обнимаю тебя отъ души. Твой старый Тенжель.

Закопане, 17/vii.

«Какъ подла человѣческая натура, — думалъ Рдзавичъ, положивъ письмо на столъ въ гостиницѣ. — Вѣдь меня прежде всего затронуло то, что тамъ есть какой-то Морскій... Подлая или только человѣческая»...

Рдзавичъ не зналъ, что происходитъ съ Терезой. Отъ баронессы Леветцау онъ узналъ только то, что онѣ уѣхали въ Вѣну: тамъ только онѣ хотѣли рѣшить, гдѣ проведутъ остатокъ лѣта.

Въ немъ странно перемѣшивалось сожалѣніе съ вѣрой, тоска съ отвращеніемъ, умиленіе съ гнѣвомъ. Если бы онъ встрѣтился съ Терезой, онъ не зналъ бы, броситься ли къ ея ногамъ, или оттолкнуть ее. О Камиллѣ Наборовской онъ старался не думать; онъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти, сожалѣніе о себѣ, стыдъ и безсиліе.

Главной же мыслью, которая бродила и вертѣлась въ его головѣ, былъ внезапный отъѣздъ Морскихъ изъ Аббаціи. Онъ былъ увѣренъ, что его вызвала Тереза. Значить, что?..

Это «что» по-просту колело ему мозгъ.

И временами ему приходило въ голову: «она лю-

бить меня», — но эту мысль немедленно отгоняли другія, разумныя, трезвыя, грубыя и рѣзкія...

А все-таки, зачѣмъ Тереза захотѣла уѣхать, — онѣ объяснить не могли.

И онѣ стали думать о томъ, какъ она очутилась у окна. Она несомнѣнно могла выселѣживать людей, но не могла знать, что они съ Наборовской пройдутъ именно тамъ. Значить, ей не спалось. Вѣроятно, слишкомъ много съѣла за ужиномъ и не могла спать. Чудеса творятся на свѣтѣ, и они, можетъ быть, и были предназначены другъ для друга, но какой-нибудь жирный кусокъ мяса съ гороховымъ ригее сдѣлалъ то, что они не будутъ принадлежать другъ другу. Если бы она не объѣлась и спала, то не увидала бы, какъ онѣ танцевалъ съ Наборовской и обнималъ ее.

Отчего она крикнула изъ окна? Крикнула, чтобы скомпрометировать его.

Она прекрасно видѣла, что это онѣ, но притворилась, что не допускаетъ, чтобы человѣкъ, который допущенъ въ ихъ общество, который имѣетъ честь бывать въ ихъ обществѣ...

Рдзавичемъ овладѣвалъ гнѣвъ, и онѣ швырялъ на полъ вещи.

Когда онѣ захотѣлъ отвѣтить на письмо Тенжеля, то растрогался и написалъ нѣжно и длинно, но, отправляя письмо на почту, уяснилъ себѣ, что его душевное волненіе вызвано, главнымъ образомъ, фамиліей Льва Морскаго, а не призывомъ къ больному кузену и сочувствіемъ къ его женѣ. Онѣ не хотѣлъ быть несча-

ственнымъ : разорвалъ письмо и телеграфировалъ одно слово : «Пріѣду».

Если они его станутъ благодарить, то не онъ вызоветъ эти благодарности; онъ не поддаѣляется подъ ложную добродѣтель, не солжетъ...

Въ солнечное іюльское утро Рдзавичъ вѣзжалъ въ Закопане. Ноздри его прежде всего втянули острый, смолистый запахъ сосенъ и свѣжаго лѣса заново выстроенныхъ и заново строящихся избъ, а глаза упились свѣжимъ, яснымъ сіяніемъ воздуха. Горы стояли въ золотистомъ, лазурномъ сіяніи, высокія, далекія, молчаливыя и спокойныя, точно призраки. На крутыхъ, сѣрыхъ склонахъ сіялъ солнечный блескъ; по зеленымъ коннамъ сѣна скользили подвижные, пламенные блики и летучія, прозрачныя тѣни, которыя бросали блуждающія, маленькія, голубовато-бѣлыя облака. Горцы, которыхъ онъ не видѣлъ нѣсколько лѣтъ, ласкали его глаза своими бѣлыми одеждами и легкими движеніями. Сновали городскія женщины, красиво одѣтыя, оживленныя, веселыя. Рдзавичъ смотрѣлъ направо, направо; онъ былъ веселъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ забылъ о болѣзни Юрія, померкъ даже образъ Терезы. Та часть души, которая хочетъ жить, хочетъ быть веселой, хочетъ пользоваться жизнью, хочетъ быть счастливой, несмотря на все и вопреки всему, которая не выноситъ грусти, огорченій, тревоги, — напоминающая слабое растеніе, которому только изрѣдка, благодаря сильному дуновенію вѣтра, удастся вырваться-

ся изъ-подъ гущи сорной травы, лопуховъ и сплетенныхъ тернистыхъ кустовъ и взглянуть на небо: она кричала о своемъ правѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ вдали двухъ маленькихъ дѣтей: четырехлѣтняго мальчика и трехлѣтнюю дѣвочку съ прислугой, за ними Тенжелъ съ женой и Лаурой.

— Мы идемъ къ вамъ навстрѣчу! — крикнула Роза Тенжелъ.

— Какъ здоровье Юрія? — спросилъ Рдзавичъ, выскакивая изъ коляски.

— Ахъ, слава Богу! Лучше, — отвѣтила Лаура, — со вчерашняго дня

— Лаура даже могла уйти, съ нимъ Эля, — сказалъ Тенжелъ.

— А, это дѣтки. Дѣвочка была такая маленькая, когда я ее видѣлъ.

— Ей было всего нѣсколько мѣсяцевъ.

— Садитесь, господа, въ коляску, мы помѣстимся какъ-нибудь.

— Юрій очень обрадовался телеграммѣ, что вы приѣдете...

— Богъ дастъ, все еще будетъ хорошо, — сказалъ Рдзавичъ, цѣлуя руку Лауры.

Лаура расплакалась.

— А Лановскій? У него все еще болятъ десны?

— Ахъ, несчастный человѣкъ! — сказала Роза. — Это неизлѣчимо.

— Ужасно.

— Вся его жизнь разбита...

— Что онъ дѣлаеть?

— Пишетъ. Онъ пишетъ исключительно пейзажи.

— Очень хорошіе, — отозвался Тенжель.

— Ну, а ты?

— Ты собирался сказать по старому: старая обезьяна?

— Какъ поживаешь?

— Да такъ себѣ. Лишь бы Юрій скорѣе поправился, тогда все было бы хорошо. Ну, да я думаю, что такъ и будетъ.

— Тенжель, помнишь, какъ я тебѣ говорилъ: выкрась свою желтую голову, такъ какъ идеаль Розы: «брюнетъ и гордый». Помнишь?

— Ну, а вы все тотъ же! — отвѣтила Роза Тенжель. — Ядовитый и докучливый! Вотъ-съ.

— А Эля? Здорова?

— Вы увидите ее. Сколько лѣтъ вы не видѣлись?

— Восемь.

— Много времени. Мнѣ тогда было только шестнадцать лѣтъ! — сказала Роза Тенжель. — А теперь у насъ четырехлѣтній сынъ.

— Вотъ нашъ домъ, — сказала Лаура. — Я вижу, что на верандѣ собрались всѣ наши мужчины. Стшыжецкій, Морскій, Лановскій. Видите ли вы? Юрій лежитъ на кушеткѣ. А тамъ, въ дверяхъ Эля.

Какъ давно... Какъ давно... Элѣ Росенской было восемнадцать лѣтъ, ему двадцать семь... У нея были сѣровато-голубые глаза, большіе и глубокіе, въ которые можно было уходить, какъ въ лѣсъ; носъ у нея

былъ немного орлиный, похожий на носъ Терезы Морской, и прекрасныя темно-вишневыя губы. Въ блѣдномъ и изящномъ лицѣ была какая-то грусть, выраженіе какой-то тоскующей, жаждущей, скрытой мысли, и это выраженіе было самымъ характернымъ въ ея лицѣ...

Такъ давно... такъ давно...

Такъ давно она пришла къ нему туда, въ мастерскую, гдѣ стоялъ бысѣченый изъ мрамора «Ангель Смерти»; такъ давно онъ спросилъ у нея: «Эля, куда мы идемъ? На новую жизнь?» А лицо ея... ея лицо стало какимъ-то чудеснымъ, мистическимъ цвѣткомъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ... Такъ давно разбилъ онъ молотомъ голову «Ангела смерти» и упалъ безъ сознанія надолго, надолго... Такъ давно...

Это — Эля?

Передъ нимъ стояла высокая, худая женщина съ большими, прекрасными, но впавшими и точно погасшими глазами, съ блѣднымъ лицомъ, на которомъ еще ярче выдѣлялись не поблекшія, но равнодушныя и ничего неговорящія вишневыя губы. Она была одѣта въ черное. Грустной, скорбной просвѣтленностью вѣяло отъ нея, спокойствіемъ воли. Рдзавичъ съ трудомъ овладѣлъ впечатлѣніемъ. Она со спокойной улыбкой протянула ему руку.

— Эля, — говорилъ Рдзавичъ, когда они вечеромъ шли всей компаніей по полямъ. — Эля, какъ я радъ, что вижу васъ!

— И я рада. Вы возмужали.

— Я состарился.

— Мы все состарились.

— Теишель выглядит моложе.

— Имъ очень хорошо. Лаура счастливой рукой связала ихъ судьбу.

Они умолкли.

— Будьте спокойны со мною, — сказала она, — Я давно по той сторонѣ жизни.

— Вы живете въ деревнѣ, я знаю; занимаетесь хозяйствомъ и основываете пріюты.

— Да, послѣ смерти отца и мамы я взяла на себя управленіе имѣніемъ. Я хозяйничаю и занимаюсь деревенскими дѣтьми...

— И...

— Хорошо ли мнѣ? Хорошо. — Росенская ласково дотронулась до руки Рдзавича. — Вѣрьте мнѣ! Такъ должно было быть, — прибавила она потомъ.

— Должно было быть, — повторилъ Рдзавичъ.

— Какъ давно это было!

Снова наступило молчаніе.

— Помните вы Розу въ то время? «Mignon», какъ мы ее звали?

— Помню.

— А что у васъ новаго?

— Вы стали великимъ художникомъ, знаменитымъ.

— Что же изъ этого?

— Вамъ попрежнему плохо?

— Мнѣ всегда должно быть плохо.

— Должно, — повторила съ удареніемъ Росенская. — Это похоже на васъ!

— Если бы мы тогда вышли къ новой жизни!...

— Намъ не было суждено... Отчего вы не женились? Жаль, вамъ надо было жениться.

Рдзавичъ взглянулъ на Росенскую; она ласково улыбулась.

— То все прошло, — продолжала она, — какъ будто его никогда и не было. Вы видите, какъ я говорю объ этомъ: спокойно и безъ сожалѣнія. Вы вѣрно хотите спросить: страдала ли я? Человѣка всегда интересуется больше, страдалъ ли кто-нибудь по его винѣ, чѣмъ былъ ли кто счастливъ. Это больше льститъ его самолюбію и интереснѣе. И я скажу вамъ: ужасно страдала. Могла бы даже сказать: нечеловѣчески, хотя я не знаю, гдѣ предѣлъ человѣческаго страданія.

Я васъ любила такъ глубоко и такъ искренно, какъ васъ никто никогда не любилъ и не знаю, полюбитъ ли. И какъ ужасно я васъ потеряла!.. Въ припадкѣ бѣшенства, связаннаго веревками, васъ отвезли въ лѣчебницу, и никто не предполагалъ, что вы когда-нибудь выйдете отсюда. Представьте себѣ, что происходило въ сердцѣ молодой дѣвушки, которая на порогѣ жизни проходитъ черезъ такія испытанія... Вы можете себѣ представить, что было со мной, когда я пришла въ себя уже дома, куда меня отнесли изъ вашей мастерской! — Ничего... ничего, — только видишь все время, какъ вы ударяете молотомъ въ голову своего «Ангела смерти»,

какъ вы шатаетесь, страшный, съ пѣной на губахъ. Минуту назадъ вы были такой свѣтлый, мы собрались идти на новую жизнь — далеко отсюда... Вы можете себѣ представить, что дѣлалось со мной, пока я ждала извѣстія о васъ... Не говоря уже о томъ, что я была скомпрометирована; вы вѣдь можете себѣ представить, что говорили, какъ безчестили меня изъ-за моего прихода въ вашу мастерскую... Я знаю это... Конечно, я была вашей любовницей; меня, дѣвушку изъ порядочнаго, хорошаго дома, не остановили сѣдины отца и болѣзнь матери... Конечно... Развѣ могли говорить иначе?.. Развѣ могли или хотѣли думать иначе? Я была красива, богата, я могла быть опасною соперницей. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ хоронили мою репутацію... Какъ меня оплеывали!.. Какъ топтали меня! Весь городъ такъ радовался, какъ будто узналъ о чьемъ-нибудь небывало благородномъ поступкѣ. Раздалось нѣсколько голосовъ въ защиту меня... ха! У тѣхъ, кто защищалъ меня, вѣроятно, была тайная мысль. Я была любовницей скульптора, значитъ я могла бы быть и любовницей адвоката, доктора или писателя... А вѣдь я, отъ какого-то предчувствія, пришла защищать васъ отъ смерти, такъ какъ любила васъ больше жизни... У васъ былъ револьверъ въ рукѣ, когда я открыла дверь вашей мастерской...

— Вы уѣхали за границу. Васъ долго не было. Я думала, что вы вернетесь ко мнѣ. Вы не вернулись. Я ждала. Шель годъ за годомъ. Я все ждала, запершись въ деревнѣ, никого не видя, видя только, какъ му-

чатся родители, которые знали, что я честная дѣвушка, но которыхъ убивала репутація, которую создали мнѣ въ одно мгновеніе въ Варшавѣ. Я не сомнѣваюсь, ни на минуту не сомнѣваюсь, что все это ускорило ихъ кончину. Они чувствовали, что ихъ старый, почтенный домъ скомпрометированъ, — и какъ! Безъ возможности защиты! Меня вѣдь нашли въ вашей квартирѣ!... Я ждала васъ. Я думала: онъ знаетъ все это, онъ все это чувствуетъ, онъ вернется, онъ долженъ вернуться. Онъ цѣловалъ мои руки и ноги, — онъ вернется. Но вы не вернулись. А когда вы вернулись черезъ нѣсколько лѣтъ, — то, чтобы завязать романъ съ Мери Чорштынской. Это былъ первый вашъ шагъ послѣ возвращенія на родину. И съ кѣмъ? Съ какой-то Мери Чорштынской! Я еще ждала. Я любила васъ и вѣрила въ васъ, вѣрила въ силу, въ мощь благороднаго, обязывающаго чувства... а такимъ было мое. Я вѣрила въ это, какъ въ Бога на небѣ. Я такъ любила, я всю принесла себя въ жертву... должно же быть вознагражденіе. Но ничего этого нѣтъ. Вы бѣжали отъ этой еврейки въ Италію, и васъ опять долго не было. Но я васъ больше уже не ждала. Я поняла, что жизнью управляетъ не то, что по мнѣнію людей должно ею управлять. Я поняла это. И вотъ мы опять встрѣчаемся послѣ восьми лѣтъ разлуки, когда отъ всей моей души осталось только одно, но самое лучшее, самое дорогое, самое цѣнное: полное равнодушіе ко всему. Смотрите, это вырѣзано на моемъ лицѣ! — И она повернула къ нему блѣдное, точно восковое лицо, на ко-

торомъ даже длинная рѣчь не вызвала никакой перемѣны. Рдзавичъ опустилъ голову.

— Будьте спокойны, — продолжала Эля Росенская, — я говорю все это не потому, чтобы вы чувствовали какія-нибудь угрызенія совѣсти; я говорю это ради вашего спокойствія. Не упрекайте себя ни въ чемъ. Я уже ничего не помню, ничего не знаю. Боль, горе, стыдъ, скорбь, отчаяніе выжгли во мнѣ душу и сами сгорѣли, какъ горящія уголья, которые сжигаютъ все и сами сгораютъ. Для меня началась новая жизнь — жизнь мертвеца. И такъ мнѣ хорошо.

— Новая жизнь, — глухо повторилъ Рдзавичъ, уставившись тусклыми глазами въ землю.

— И это сдѣлалъ я, — сказалъ онъ, немного погодя.

— Не вы. Это сдѣлала воля судьбы. Я это понимаю, я поняла это, и ничто не можетъ ни удивить ни огорчить меня. Мы щепки на волнахъ моря и больше ничего. Но ты, но вы... Съ вами что-то происходитъ. Я это чувствую. Васъ что-то угнетаетъ.

Рдзавичъ ничего не отвѣтилъ.

— Не отвѣчайте мнѣ. Если бы я сказала вамъ, что я вамъ другъ, то сказала бы неправду. Я ни для кого не могу быть ничѣмъ, только деревенскія дѣти имѣютъ во мнѣ попечительницу и учительницу. Я автоматическая сестра, автоматическая тетка, автоматическій другъ Лауры. То, что я пережила, было слишкомъ сильно.

— Эля Росенская, — шепнулъ Рдзавичъ какъ будто про себя.

— Да, Эля Росенская. Помните вы ту дорогу въ полѣ, у насъ въ деревнѣ, тогда, весной, когда вы у насъ гостили? Я все помню. И ту сцену ночью на балконѣ, тотъ вечеръ, когда вы сдѣлали то, чего я никому бы не простила... кромѣ васъ, кромѣ васъ! Будьте спокойны такъ, какъ я, когда я говорю вамъ, что страдала. Вы, можетъ быть, оказали мнѣ громадную услугу, какъ докторъ, который страшно мучительной ампутаціей обезпечиваетъ навсегда отъ дальнѣйшихъ болѣзней. Я уже больше страдать не могу, и мнѣ хорошо.

Она говорила беззвучно, глухо, равнодушно.

Рдзавичъ нервно вздрогнулъ, Эля Росенская улыбнулась.

— У васъ такое впечатлѣніе, будто вы сидите около трупа, не правда ли?

— Не говорите такъ, это страшно, — шепнулъ Рдзавичъ.

— Я хочу, чтобы вамъ все было ясно, — отвѣтила Росенская. — Я хочу, чтобы вы были спокойны, какъ спокойна я. Вообразите, что я умерла, что это кто-то другой, чужой вамъ и незнакомый человѣкъ, носящій только ту же фамилію. Такъ судьба рѣшила погубить мою любовь и мою жизнь...

Графъ Левъ Морскій сидѣлъ за роялемъ Лауры и игралъ еврейскій «*тајѣс*», балансируя своею высокою, худощавою фигурой назадъ, впередъ и въ стороны

и всячески кривляясь съ торжественной важностью. Докторъ нашель, что Юрію лучше, и въ домъ вселилась надежда. Лаура улыбалась всѣмъ и самой себѣ.

— Владекъ, любишь «majufes»? — спросилъ Морскій Стшыжецкаго, беря фальшивые, головоломные аккорды.

Стшыжецкій засмѣялся, а Морскій перемѣнилъ мелодію и началъ напѣвать съ еврейскимъ акцентомъ:

Du hast Dimanten und Perlen,
Hast alles was Menschenbegehr
Und hast zwelwe des dreizehne Millionen Rubel
C, graefin Mery Czorsztynska, geborene Miednic, was
willst du mehr?..

— Ты, какъ всегда, «раурег», — сказалъ Стшыжецкій.

— Ты даже можешь прибавить: грубый и пошлый «раурег», но меня это не оскорбитъ. Ты не можешь различить, гдѣ кончается и гдѣ начинается толкая пограничная черта между тривіальною безвкусицей и аристократической свободой. На твоёмъ послѣднемъ концертѣ въ Варшавѣ на галлереѣ кашлялъ и плевалъ въ платокъ портной, и это было грубо, а въ первомъ ряду разговаривалъ во весь голосъ и зѣвалъ графъ Янъ Вычевскій, и это было свободно. Наконецъ, портного капельдинеръ просилъ вытти, а на тебя весь beau monde обидѣлся, когда ты пересталъ играть, ожидая, пока Вычевскій не кончитъ зѣвать.

Und hast zwelwe bis dreizehne Millionen Rubel,
O, Mery, was willst du mehr?.. was wiillst du mehr.

— Не кричи такъ, ты людей разбудишь.

Въ эту минуту вошелъ Тенжель, который проводилъ жену домой.

— Чудное небо, — сказалъ Лановскій, глядя въ окно.

— Чудное; грустно подумать, что его скоро не будешь видѣть, — сказалъ Юрій.

— Вы еще сто лѣтъ будете смотрѣть на него! — воскликнулъ Морскій.

— Тамъ впрочемъ, кто знаетъ, тамъ, можетъ быть, еще лучше, — отозвался Стшыжецкій.

— Тамъ, вѣри́те всего нѣтъ ничего, — сказалъ Рдзавичъ.

— Не сердись, — обратился онъ къ Тенжелю съ улыбкой.

— Это было бы страшно, — сказалъ Лановскій.

— Да, это было бы страшно. Зачѣмъ тогда, къ чему тѣ знанія, та мудрость, тотъ опытъ, которые мы здѣсь приобрѣтаемъ? Къ чему тѣ наслажденія и страданія, которыя мы испытываемъ здѣсь? Къ чему вся эта жизнь? Если бы тамъ не было ничего, значитъ, здѣсь все безъ цѣли, безъ причины, безъ объясненія. Къ чему это? — говорилъ Рдзавичъ.

— Надо вѣрить такъ, какъ учить церковь, — сказалъ Тенжель, — догматъ объясняетъ все.

— Да, но нужно имѣть также даръ вѣры, какъ говорилъ блаженный Августинъ. Впрочемъ, я не вѣрить

хотѣлъ бы; въ вѣрѣ у меня нѣтъ недостатка, но мнѣ нехватаетъ знанія. Я желалъ бы знать. Я не знаю, не знаю и не знаю. Ничего я не знаю. Вѣчно быть той рыбой въ бассейнѣ, которая при каждомъ движеніи ударяется о стеклянную стѣну и видитъ за нею только какіе-то фантастическіе предметы, которые нельзя ни изслѣдовать, ни понять, ни провѣрить ихъ истинность: это страшно. Мы предчувствуемъ, — а что же мы предчувствуемъ? — то, что велятъ намъ предчувствовать наши человѣческія чувства. Но наши чувства кончаются смертью.

— Значитъ надо вѣрить такъ, какъ учить церковь, — повторилъ Теушель. — Надо быть смиреннымъ.

— Блаженны кроткіе и смиренныя духомъ, но я не смиренный. Если бы я могъ напрячь всю силу своего духа, всю его энергію, тогда я хотѣлъ бы разрубить весь міръ пополамъ, какъ мечомъ, чтобы знать, чтобы видѣть, каковъ онъ. Неужели вы никогда не испытываете такого чувства, что руки такъ твердо, такъ тяжело поднимаются вверхъ, и съ такой страшной силой, что чудится, будто Альпы можно разрубить пополамъ, или раздвинуть изъ двѣ стороны? Неужели вы не испытываете этого?

Стшыжецкій, который сѣлъ за рояль и слегка проводилъ пальцами по клавишамъ, взялъ аккордъ. Рдзавичъ замолчалъ и повернулся къ нему. Стшыжецкій началъ импровизировать. Въ мозгу Рдзавича стали рѣзаться призраки.

Зеленые тихіе луга; по нимъ ходятъ дѣвушки, въ

бѣлыхъ кисейныхъ одеждахъ, съ цвѣтами въ волосахъ... Берутъ другъ дружку за руки и танцуютъ круговую.... Медленно, плавно... Танцуютъ круговую на лугу вокругъ чистаго и хрустальнаго пруда, на которомъ цвѣтутъ водяныя лиліи, цвѣточныя чашечки на поверхности воды... Вотъ изъ родника подымается голова змѣи... Красные, какъ карбункулы, глаза блестятъ и смотрятъ на дѣвушекъ... Онѣ разбѣгаются съ крикомъ... Остается только одна, самая младшая... Змѣя впивается въ нее своими глазами... Молчаливая, страшная, она высовывается все больше... Ея чудовищное тѣло цвѣтной чешуей заблестѣло надъ водой... Сколько красокъ!... Онѣ переливаются на солнцѣ, играютъ, — сверкаетъ стоцвѣтная, золотистая кожа... Красные, какъ карбункулы, глаза впиваются въ дѣвушку... Тихо, грустно, отчаянно грустно, безмолвно рыдаетъ ея душа. Это лебединая пѣснь ея жизни... Можетъ быть, она убѣжитъ, какъ другія?... Отчего она не убѣгаетъ?... Она стоитъ надъ прудомъ, бѣлая, нагнувшись надъ водой, какъ нагибалась во время танца, съ тѣмъ же любопытствомъ, какъ тогда, когда первые круги и первыя краски чешуи на лбу показались надъ водой... Вокругъ — луга тихіе и зеленые...

Змѣя обвилась вокругъ ея ногъ... Она не вздрогнула... Стоитъ, какъ заколдованная съ живыми, застывшими глазами... Змѣя взвивается все выше и выше... Коснулась груди... Между грудями дѣвушки сочится кровь... Плыветъ струями по ея бѣлому платью, по розовымъ ногамъ, багрянить воду... Обвитая змѣ-

ей, она стоит неподвижно, нагибаясь къ роднику... Лицо ея блѣднѣетъ все больше... Оно становится похожимъ на мраморъ; уже одни только глаза смотрятъ, и видятъ, и говорятъ о томъ, что она жива... Змѣя не пьетъ больше крови, она обагрила только холодный и безцвѣтный родникъ ея горячею кровью... Вотъ она развиваетъ свои кольца... соскользаетъ, медленно спускается въ воду, ныряетъ... Она исчезла въ красномъ, горячемъ родникѣ... Дѣвушка стоитъ надъ водой безъ капли крови, неподвижная, бѣлая, какъ статуя... Она обагрила, согрѣла родникъ... Отчего она не убѣжала, какъ другія?... Она могла бы бѣжать... Кругомъ — луга тихіе, зеленые...

Ея лицо похоже на лицо Эли Росенской, но вотъ оно превращается въ лицо Терезы Морской...

Рдзавичъ почувствовалъ на плечѣ руку Тенжеля и услышалъ его голосъ:

— Романъ, проснись. Ты спишь съ открытыми глазами, Владиславъ давно уже не играетъ.

— О чемъ вы думали? — спросилъ Лановскій.

— Ничего, я усталъ съ дороги, пойдѣмъ... Поздно...

Вода бушевала, въ лѣсу было черно и темно.

— Да, да, — говорилъ Лановскій, разгорячившись вышитымъ въ ресторанѣ шампанскимъ, — это что-то страшное! Какъ же я могу подойти и сказать этой женщинѣ: «я люблю тебя», если мои десны гниютъ при жизни!.. Какъ же я могу?! Мнѣ тридцать одинъ годъ... Я никогда никого не поцѣловалъ... Сколько

разъ у меня былъ револьверъ и ядъ въ рукахъ... Я боюсь, боюсь... Я подлый, ничтожный, жалкій трусъ...

— Господь Богъ тебя вознаградитъ за это, — отозвался Тенжель съ убѣжденіемъ.

— Что за жизнь! Что за жизнь! — продолжалъ Лановскій. — Каждый день просыпаться съ этимъ, каждую ночь съ этимъ засыпать... Никогда нѣтъ свободнаго, радостнаго, спокойнаго пробужденія, никогда нѣтъ спокойнаго, милаго сна. Всегда, вѣчно одно чувство, одна мысль, одна отвратительная, неустанная боль, одно страданіе, вѣчно, всегда, безпрерывно... И каждая встрѣча съ людьми, каждый шагъ, каждое движеніе, каждое желаніе, каждое томленіе... Всегда и всегда болѣзнь. Ха! всѣ муки ада не сравняются съ моей!.. Наконецъ я смирился. Думаю: буду жить только искусствомъ. У меня нѣтъ большого таланта, но я, слава Богу, обезпеченъ, мнѣ не надо добывать этимъ средствъ для жизни, я буду писать, когда захочу, лишь бы только заглушить свою муку. Нѣтъ... нужно же было, чтобы пріѣхала сюда Эля Росенская... И...

— Помните, — сказалъ Рдзавичъ, — взгляните же только на Росенскую. Вѣдь эта женщина не живеть.

— Но вѣдь я могу жениться только на трупѣ! — лихорадочно возразилъ Лановскій. — Подумайте! Подумайте! Мнѣ тридцать одинъ годъ, и никогда я не поцѣловалъ женщины! И за что? И почему? Кто проклялъ меня? Кому отъ этого легче, что я мучаюсь,

что я схожу съ ума отъ боли, отъ жалости, отъ муки? Кому отъ этого легче? Кто выиграетъ отъ этого?

— Боже! Боже? — стоналъ Тенжель. — Стась, успокойся.

— Успокоиться? Ты! Ступай домой! Тамъ ждетъ тебя жена твоя, тамъ ждуть твои дѣти. Приласкай свою красивую, молодую жену, обними своихъ дѣтей! Тебѣ не нужно успокаиваться! А я! я! Пустота, одиночество, клеймо Каина! О, если бы мнѣ вырвали эти гнилыя десны изо рта! Парій! Я парій! О! чтобъ меня хоть черти взяли!... чтобъ меня хоть земля поглотила!...

Рдзавичъ стоялъ и смотрѣлъ по сторонамъ: лѣсъ казался ему еще спокойнѣе, чѣмъ всегда...

На Лановскаго начало дѣйствовать вино.

— Я съ ума сойду! — крикнулъ онъ. — Я съ ума сойду! Я люблю ее! Пусть меня земля поглотитъ.

Онъ бросился на землю. Слышно было, какъ онъ лицомъ ударился о камни и суки.

— Такъ, такъ, — стоналъ онъ, — да, да, вырвите, камни, изъ моего рта эти десны, вырвите ихъ, суки! Такъ, такъ... Плыви ты, отравленная проклятая кровь!.. Плыви!... Плыви!... Плыви!... изъ такой живой падали, какъ я... Истекай!... Плыви!...

Онъ метался на землѣ.

Съ трудомъ и большими усиліями подняли его Тенжель и Морскій, взявъ его подъ руки. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Отведемъ его домой, — сказалъ Стшыжецкій дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Отведите меня домой! — крикнулъ Лановскій. — Отведите меня въ мой пустой, глухой домъ! Бросьте меня въ пустую, холодную постель! Отведите меня въ мою могилу! Положите меня въ тотъ гробъ, который зовутъ моею постелью! Раздѣньте меня! Снимите съ меня сапоги, платье! Положите мою голову на подушку, накройте меня одѣяломъ, чтобы мнѣ было удобно лежать! Ха, ха, ха! Удобно! А ты, Тенжель, ступай потомъ къ своей женѣ, ступай къ своимъ дѣтямъ! Ха!

Онъ рванулся въ рукахъ Тенжеля и Морскаго и хотѣлъ снова броситься на землю; его съ трудомъ удержали. Они свернули на тропинку къ дорогѣ. Стыжеецкій шелъ за ними. Рдзавичъ остался въ лѣсу. Издали слышался голосъ Лановскаго:

— О мука! мука! мука!

Кругомъ стоялъ лѣсъ еще спокойнѣе, чѣмъ всегда...

Однажды, когда Романъ Рдзавичъ шелъ съ Морскимъ въ деревню обѣдать отъ Юрія, улучшеніе котораго продолжалось, Морскій сказалъ:

— Я хочу вамъ сдѣлать одно предложеніе. Вы все сидите въ Скибовкѣ и не знаете, что творится въ Закопаномъ. Вотъ уже дней десять, какъ тамъ живутъ мои хорошенькія кузины, графини Морскія съ матерью. Юрію настолько лучше, что мы уже не прикованы къ Закопаному. Я хочу предложить вамъ отправиться завтра съ нами къ Морскому Оку. Юрій совѣтовалъ мнѣ

итти мимо какихъ-то Темнососенныхъ Прудовъ, черезъ ворота или арку Халубинскаго, говорятъ, чудная дорога. Мы бы пошли пѣшкомъ, т. е. я; я ставлю себя на первомъ мѣстѣ, какъ первое лицо, затѣмъ будетъ моя кузина Бела Кмита, очень славное созданіе, покровительница барышень, будетъ еще нѣсколько особъ обоего пола, а мама Морская пріѣдетъ въ экипажѣ намъ навстрѣчу. Хотите итти? Я тамъ еще ничего не говорилъ, чтобы не поставить васъ въ неловкое положеніе, если вамъ не захочется, но мои кузины знаютъ васъ съ Аббаціи и очень любятъ вспоминать о васъ. Тереза говоритъ, что вы очень красиво говорите объ искусствѣ и о морѣ.

Рдзавича бросило въ жаръ; онъ старался скрыть смущеніе, закигая сигару, дѣлая видъ, что не можетъ раскурить...

— Бросьте! Я вамъ дамъ другую.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Она раскурится.

— Вы пойдете? — спросилъ Морскій.

Какъ молнія, скользили въ головѣ Рдзавича мысли: она ничего не сказала. Если бы сказала, Морскій не могъ бы меня пригласить... Морская не позволила бы миѣ бывать у нея... Что бы ни случилось, я могу ее видѣть... Видѣть ее, говорить!... Что бы ни случилось....

Въ душѣ Рдзавича пробѣжала какая-то неопредѣленная безцѣльная надежда, какое-то неопредѣленное ожиданіе Бога вѣсть чего...

— Пойду, — отвѣтилъ онъ. — Благодарю васъ.

— Прекрасно! Я сейчасъ имъ сообщу. Или вотъ что: пойдите туда сейчасъ со мною.

— Какъ, такъ?

— Эхъ, вѣдь это Законане.

— Нѣтъ, я лучше зайду завтра утромъ. Въ какомъ часу?

— Въ пять у нихъ, въ гостиницѣ, у кондитерской.

— Но дамы ничего не будутъ имѣть противъ этого?

— Увѣряю васъ, онѣ будутъ очень счастливы. Мало того, что вы красиво говорите о морѣ и объ искусствѣ, но вѣдь вы, шутъ васъ побери, Романъ Рдзавичъ! Первое, что онѣ будутъ рассказывать въ Познани или въ Варшавѣ, это то, что были съ вами у Морского Ока... Не будьте же вы наивнѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

Рдзавичъ заставилъ себя улыбнуться.

— Такъ что же, пойдѣмъ?

— Нѣтъ, я приду завтра. Въ пять часовъ. Потомъ сдѣлаю визитъ. Извинитесь за меня и скажите, что я долженъ быть у Юрія!...

Рдзавичъ почувствовалъ странную, непріятную робость; кромѣ того ему сразу пришло въ голову, что рано утромъ, въ костюмѣ туриста, въ фантастической перелинѣ на плечахъ, въ фантастической тирольской шляпѣ на головѣ, человекъ, о жизни котораго много говорятъ, который создалъ нѣсколько извѣстныхъ статуй и нѣсколько десятковъ извѣстныхъ картинъ — можетъ показаться болѣе интереснымъ, чѣмъ въ темн-синей парѣ и въ обыкновенной лѣтней шляпѣ въ по-

ловинѣ второго пополудни. Притомъ надо было показаться такъ, чтобы сгладить сцену танца подъ окномъ. Не начать ли самому разговоръ о немъ и осмѣять его?.. Рдзавичъ поневолѣ склонилъ голову передъ воспоминаніемъ о Камиллѣ Наборовской.

Рано утромъ онъ хорошенько осмотрѣлъ себя въ зеркало и нѣсколько разъ измѣнилъ положеніе шляпы. Наконецъ, онъ остановился на одномъ, сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ гостиницѣ. Онъ рѣшилъ быть холоднымъ, равнодушнымъ, веселымъ, со всѣми одинаковымъ и вообще немного злобно остроумнымъ, чтобы казалось, будто это отчасти врожденная въ немъ черта, отчасти же сознательная легкая иронія человѣка, который, какъ бы то ни было, стоитъ умственно выше окружающихъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ гостиницѣ, онъ забылъ обо всемъ, и вмѣсто этого его охватило безпокойство вмѣстѣ съ лихорадочной робостью. Онъ боялся встрѣчи.

— Я предпочелъ бы, чтобы она была еще не готова, — думалъ онъ, подъѣзжая къ верандѣ.

Но первый, кого онъ встрѣтилъ, была она. Она стояла около балюстрады.

На ней былъ костюмъ туристки: темно-зеленый, довольно короткій, съ открытой шеей, красный жакетъ и большая свѣтлая шляпа на головѣ. Она была прекрасна.

Она равнодушно улыбнулась, со свѣтской вѣжливостью и подала Рдзавичу руку такъ, какъ подаютъ мало знакомому человѣку.

Рдзавича, который ничего себѣ не представлялъ, по чего-то ждалъ, это привѣтствіе смутило.

Онъ почувствовалъ, что кланяется, какъ обиженный, и показался смѣшнымъ самому себѣ.

— Еще никого нѣтъ? — пробормоталъ онъ. — Я хотѣлъ бы поблагодарить графиню...

— Сейчасъ всѣ выйдутъ.

— Вы здѣсь уже десять дней?

— Да, — равнодушно сказала Тереза, глядя на какой-то возъ.

Рдзавичъ пересталъ говорить. Ему казалось, что онъ уловилъ одинъ взглядъ Терезы, брошенный на него, но не былъ въ этомъ увѣренъ.

— Прекрасное утро, — сказалъ онъ, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, прекрасное.

— У насъ будетъ чудная прогулка

— О, да!

— Вы позволите закурить въ вашемъ присутствіи?

— Пожалуйста!

Рдзавичъ притворился, что не видитъ спичекъ на столѣ, и пошелъ за ними въ открытую залу ресторана.

Буря, которая захватила ихъ около Валентакова, задержала ихъ недолго. Горцы нашли камни, подъ которыми можно было кое-какъ укрыться отъ дождя.

Въ страшный ливень идти было невозможно.

Вдругъ дождь пересталъ. Чуть ли не въ одну минуту стала прекрасная погода. Тучи умчались куда-то,

и надъ головой появилось темнѣющее небо. Сейчасъ же тронулись дальше.

Рдзавичъ, который зналъ эту дорогу и хорошо ходилъ по горамъ, шелъ впереди.

Значить я опять съ нимъ... Въ Татрахъ... И такъ, какъ я мечтала столько, столько разъ. Чуть ли не съ самаго дѣтства... Въ Татрахъ съ такимъ человѣкомъ, котораго я люблю... И такъ оно есть... О, какъ я могла бы тебя любить!... Но кто ты такой?! Съ пьяной уличной женщиной, напѣвая богохульную пародію на святую пѣснь, ты танцуешь ночью подъ моимъ окномъ, обнимаешь ее... Нарочно?.. Нарочно тамъ?.. А если и не нарочно, такъ какъ я сомнѣваюсь, чтобы могла быть чѣмъ-нибудь для тебя, то и тогда, кто ты такой?.. О, я тебя себѣ представляла совсѣмъ другимъ! Когда я смотрѣла на твоего «Христа надъ міромъ», ты казался мнѣ огромнымъ вдохновеннымъ пророкомъ; когда я смотрѣла на твою «Душу послѣ смерти», ты мнѣ казался апостоломъ милосердія и самыхъ святыхъ чувствъ; когда я смотрѣла на твоего «Прометей», ты казался мнѣ богатыремъ, который потрясаетъ все основаніе міра; когда я смотрѣла на твое «Упоеніе», ты казался мнѣ воплощенной любовью. Мнѣ казалось, что воздухъ, которымъ ты дышишь, долженъ быть другимъ, что надъ твоей головой шумятъ крылья, что тамъ, гдѣ ты появишься, гдѣ ты остановишься, тамъ слышенъ шумъ вихря... И кто же ты такой?! Фать, подбирающій цвѣтъ галстуха къ лицу, и кавалеръ пья-

ныхъ кощунственныхъ уличныхъ женщинъ... А между тѣмъ не оскорбляю ли я тебя этимъ?.. Ты человѣкъ и долженъ быть такимъ, какимъ бываютъ люди. Можешь ли ты быть другимъ?... Нѣтъ, не можешь... Если бы ты былъ такимъ гениемъ, какъ Микэль Анджело, такимъ добрымъ, какъ святой Мартинъ, такимъ героемъ, какъ Леонидъ, и тогда ты долженъ былъ бы быть человекомъ... Что дурного ты сдѣлалъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ меня больше огорчилъ твой танецъ съ этой уличной дѣвкой, чѣмъ то, что ты не хотѣлъ понять и достойно отвѣтить на мой призывъ къ твоимъ чувствамъ, призывъ непрощенный и неиспрошенный... Что тебѣ за дѣло, если я любила тебя съ первой минуты, съ первой встрѣчи и несмотря ни на что? Что тебѣ за дѣло? И кто ты? И кто я? Ты великій, знаменитый человѣкъ, а я первая попавшаяся дѣвушка, которая должна быть довольна, что ты удостоиваешь ее разговоромъ... Эхъ, нѣтъ, Тереза; эхъ, нѣтъ, ты больше виновата, чѣмъ Романъ Рдзавичъ... А кто знаетъ, что было бы, если бы ты не обидѣлась, не уѣхала бы изъ-за пустяка... Боже! Боже! Я забыла. Что онъ могъ подумать тогда, когда я крикнула изъ окна: «это вы»? Боже! Боже! Что онъ могъ подумать? То, что я стояла случайно у окна, или то, что я шпионила... Нѣтъ, если бы я шпионила, я не крикнула бы, или если бъ крикнула нарочно, то крикнула бы иначе... За что, однако, онъ принялъ мой крикъ?... Отчего я крикнула?... Отъ негодованія?... Или?...

Можетъ быть, онъ догадался, — можетъ быть, до-

гадался, какъ страшно, какъ страшно больно мнѣ стало отъ этого... Онъ и пьяная дѣвка!.. Если онъ догадался, въ такомъ случаѣ, онъ знаетъ, — въ такомъ случаѣ, для него нѣтъ тайны... Въ такомъ случаѣ, онъ знаетъ все...

Но никто другой ничего не знаетъ... Я не выдала себя ни краской на своемъ лицѣ, ни блѣдностью, голосъ мой не дрогнулъ... Какой-то добрый духъ помогаетъ мнѣ въ этомъ.... Какъ я сумѣла устроить выѣздъ изъ Аббаціи, какъ я сумѣла принять извѣстіе, что онъ тутъ, что пойдетъ съ нами на прогулку. Никто ничего не знаетъ.

Можетъ быть, и онъ не знаетъ? Онъ могъ принять мой крикъ, вотъ такъ, просто за крикъ... Я могла испугаться... Кто танцуетъ ночью на улицахъ?.. Потомъ я была раздражена, должно быть, больна. Я заболѣла совершенно не случайно... Я была больна и потому не могла спать...

Онъ идетъ одинъ, одинъ впереди; такой грустный.. Онъ старался разговаривать со всѣми, старался быть веселымъ, остроумнымъ, интереснымъ... Онъ такимъ и бываетъ, когда хочетъ, но сегодня все это было искусственно, принужденно... Почти все время говорить съ горцами, то идетъ одинъ сзади, то впереди... Какъ онъ хорошо идетъ по горамъ... Какъ ловко и увѣренно... Всѣ спотыкаются, карабкаются, а онъ идетъ, какъ по ровной дорогѣ... Вотъ онъ бы могъ водить по тяжелымъ путямъ... Ахъ!.. Я бы довѣрилась ему!.. А вдругъ онъ не захочетъ подать мнѣ руку?.. Онъ такъ вызы-

вающе, съ такимъ отвращеніемъ, съ такой ненавистью бросилъ мнѣ тогда въ лицо: «Да, это я!» Онъ ненавидитъ меня. Всегда ненавидишь тѣхъ людей, которые пристають со своими чувствами, это угадывается чутьемъ...

Онъ идетъ впереди одинъ — такой грустный... не по моей винѣ?.. Вотъ — тоже... Ты слишкомъ самопадѣянна, Тереза... Съ какой стати?... Какъ?.. Ахъ, гдѣ онъ уже? Какъ далеко отъ насъ!... Что-то есть въ этомъ человѣкѣ, что отрываетъ его отъ насъ и уноситъ впередъ... Какъ далеко... какъ высоко... какимъ маленькимъ онъ кажется... тамъ на хребтѣ... Ахъ! исчезъ!...

Рдзавичъ на хребтѣ Заборовъ, на который онъ взобрался впереди всего общества, не остановился, а сразу началъ спускаться внизъ бѣгомъ по склону, поросшему травой. Онъ быстро бѣжалъ. Зналъ, гдѣ дорога поворачиваетъ направо къ Темнососеннымъ Прудамъ, но миновалъ ее. Бѣжалъ къ лѣсу къ Темнымъ Соснамъ, въ долину.

Скоро онъ попалъ въ сосновую чащу, игольчатую, смолистую, густую и трудно проходимую. Онъ пробивался черезъ нее, миновалъ сухія красныя сосны и спустился въ гигантскую чащу дикаго, уродливаго, чудовищнаго щавеля, репейника и дикихъ травъ. Все было мокро отъ дождя, брызгало въ него водою, такъ что она начала струиться по его платью и кожанымъ ботинкамъ. Онъ погрузился весь въ мокрую, странно и

дикопахучую зелень, растущую въ пустоши среди лѣса, на полянѣ. Онъ попалъ на гнилыя бревна давно сваленной снѣгами лачуги. Ощущалъ странное наслажденіе одиночества, отъединенности отъ людей среди природы дикой, непоработанной, отрѣзанной отъ міра. Кругомъ стоялъ старый, съ вѣтвями до земли, вѣковой, глухой, темный сосновый лѣсъ. Небо уже зажигало звѣзды.

Онъ былъ одинъ. Тамъ, сзади, далеко за нимъ, остались всѣ. Они пошли медленно, пропали гдѣ-то во мракѣ, ихъ не было видно... Всей толпой... Онъ тутъ былъ одинъ.... совершенно одинъ..... Онъ, горы и лѣсъ. Убѣжалъ отъ всѣхъ... Чувствовалъ какую-то гордость въ себѣ, какую-то силу... Расправилъ руки, расправилъ грудь, поднялъ голову.... Одинъ... одинъ... горы и лѣсъ...

Ему тутъ никого не нужно... оперся ногой о камень... Пустота, молчаніе... Чувствовалъ въ себѣ такую силу, что могъ завоевать эту пустошь, дальше, все дальше... Вотъ туда, подъ Грубый Верхъ, къ Криваню. Ничего, что ночь... Его ноги не знаютъ усталости, его глаза не знаютъ темноты, его чувства не знаютъ страха... Онъ часть природы, онъ такъ же отрѣзанъ отъ міра, какъ она, такъ же творецъ, какъ она... Боже!...

Тутъ ему никого не надо. Славы? Ее дають люди. Людей? Онъ оттолкнулъ ихъ отъ себя. Любви? Онъ освободился! Ха! Простирать руки между этими скалами! Не входи сюда, тѣнь женщины, мимолетная,

слабая тѣнь!. Не сжимай грудь пламеннымъ дыханіемъ страсти, — тутъ, гдѣ грудь такъ расширяется...

Одинъ, одинъ!.. Далекѣе отъ всего злого!.. Далекѣе отъ собственнаго стыда за слабости своей души и отъ стыда за нихъ передъ людьми... Далекѣе отъ всего, что ранитъ гордость, что доставляетъ униженіе, что приноситъ горечь и горькую скорбь. Далекѣе отъ чувства того ничтожества, которое нельзя преодолѣть, и отъ горькаго чувства того превосходства, которое достойно презрѣнія... Далекѣе отъ знанія и невозможности преодолѣть и скрыть все свое безобразіе, всѣ свои пороки и физическія гнусности. Далекѣе отъ мучительныхъ, бѣшеныхъ фактовъ... Далекѣе отъ настоящаго положенія дѣлъ, познаніе которыхъ и безсиліе этого познанія могутъ привести къ самоубійству... Далекѣе отъ всего, что существуетъ всегда и вездѣ...

Одинъ... одинъ!.. Ему можетъ казаться, что онъ орелъ; ему можетъ казаться, что онъ сосна; ему можетъ казаться, что онъ шумъ лѣсной... Одинъ, одинъ, онъ можетъ оттолкнуть отъ себя свое тѣло и свою душу... оставить только свое воображеніе... Одинъ, одинъ, онъ можетъ создать весь міръ своей жизни такъ, какъ будто онъ жилъ, будучи орломъ, будучи сосной, будучи шумомъ лѣснымъ... О, какъ не выносить, какъ онъ ненавидитъ землю!.. Это она сковала его существо тѣломъ, она привила ему душу!.. А вѣдь она частица стихіи, онъ существовалъ въ нихъ передъ тѣмъ, какъ стать человѣкомъ, вернется къ нимъ послѣ человеческой смерти...

Уже ничего нѣтъ, ничего... Вихрь, хаосъ огромнаго движенія... Звѣзды снуютъ вокругъ головы, поющія и сіяющія... Ничего! ничего! Пропасть, бездна міра...

Прочь, прочь мимолетная, слабая тѣнь женщины!.. Одна только мысль повисла надъ тобой, одна короткая, мимолетная, слабая мысль, одно маленькое перышко, вылетѣвшее изъ огромныхъ орлиныхъ крыльевъ, коснулось твоего лица и отлетѣло далеко

Прочь! Прочь!

Какое наслажденіе не чувствовать тутъ приниженности своего я, своего мозга, своихъ мыслей, своихъ чувствъ и инстинктовъ, которую чувствуешь всегда, когда обращаешься съ людьми. Тутъ можно быть самимъ собою такимъ, какимъ ты есть: — «поэтомъ, замкнутымъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ»... Но стѣны тутъ: горы, лѣсъ; а поэзія — вихрь души, стремящейся въ безпредѣльность...

Вдругъ онъ услышалъ крикъ: его звали горцы.

— Нѣтъ! нѣтъ! Не пойду!..

Опять позвали.

Рдзавичъ стоялъ, опираясь на палку, втягивая грудью воздухъ одиночества. Лѣсъ зашумѣлъ отъ легкаго вѣтра.

Тогда въ сумеркахъ прозвучалъ звонкій голосъ — онъ узналъ его, голосъ Терезы.

Что-то вздрогнуло въ его груди

Эхо повторило голосъ.

— Это ты! ты!

Ему казалось, что въ голосѣ этомъ какая-то тоска, что онъ зоветъ... Онъ шелъ къ нему безвольно.

Съ утра онъ мало говорилъ съ Терезой, вѣрнѣе, почти со всѣмъ съ ней не говорилъ; онъ обращался къ ней только изрѣдка, чтобы не показалось, будто онъ избѣгаетъ ее, или она его. Сначала онъ подходилъ то къ тѣмъ, то къ другимъ, направо и налево; но это ему надоѣло и утомляло. Наконецъ, онъ отдѣлился отъ общества и пошелъ одинъ.

Въ Терезѣ онъ не могъ замѣтить ничего, что говорило бы что-нибудь. Она была одинакова со всѣми, не слишкомъ веселая, не грустная, свободная, ласковая и прелестная, какъ всегда.

Ауканье повторилось. Кричали горцы, и дамы, и мужчины. Голосъ Терезы уже не повторился. Но онъ шелъ къ этому голосу. Помнилъ, откуда онъ раздался; шелъ, какъ на свѣтъ, совершенно безсильный.

Прыгая съ камня на камень, Рдзавичъ добрался до группы людей, стоящихъ подъ скалистой стѣной. Горцы зажигали факелы.

— Вы здѣсь? Мы думали, что васъ нечисть какая утащила!.. — разсмѣялся проводникъ.

— Простите!.. Вы меня ждали?

— Нѣтъ, мы остановились на минуту только, — отвѣтилъ кто-то, — чтобы зажечь факелы. Мы звали васъ только затѣмъ, чтобы вы знали, гдѣ мы. Вы заблудились?

— Нѣтъ. Я нарочно пошелъ такъ. Тамъ прекрасный лѣсъ.

— Темнососенный? Тотъ, о которомъ Юрій любитъ говорить? — спросилъ Морскій.

— Тотъ самый. Старый, вѣковой лѣсъ. Пуща.

— Жаль, что мы не идемъ той дорогой, — сказала Тереза.

— Да и тутъ не свѣтлѣе, чѣмъ въ лѣсу, — отозвался одинъ изъ горцевъ.

— Гмъ, гмъ, гмъ, нельзя зажечь, промокли, — ворчалъ проводникъ, ударяя палкой по верхушкѣ факела.

— Баринъ, — обратился онъ къ Роману, зажегши факель, — дорогу вы знаете, берите этотъ факель и идите впередъ, я буду свѣтить графинъ, а Войтекъ Циулакъ будетъ освѣщать сзади.

Рдзавичъ взялъ факель, поднялъ его вверхъ и двинулся впередъ.

— Какъ ему къ лицу... Онъ идетъ передъ нами, какъ вождь, — думала Тереза. — Ахъ! Какъ охотно я шла бы съ нимъ рядомъ, говорила бы съ нимъ... И почему мнѣ этого не сдѣлать?... Точно такъ я выбрала его тогда въ мазуркѣ...

Но она этого не сдѣлала. Шла рядомъ съ Целинкой и Львомъ Морскимъ.

— Наши факелы догораютъ раньше, чѣмъ мы выйдемъ къ Воротамъ, — обратился Рдзавичъ къ проводнику.

— Тогда луна намъ будетъ свѣтить. Вотъ она уже вышла изъ-за хребта...

Луна, дѣйствительно, вышла изъ-за скалъ, большая, почти круглая. Вода въ Темнососенныхъ Прудахъ

заблестѣла, какъ стекло. На нее упалъ серебристый, круглый дискъ, который началъ вытягиваться въ громадный, тихій, серебристый столбъ сіянія.

Вдругъ темные, гигантски нагроможденные обломки горъ стали бѣлѣть и сіять своими внутренними стѣнами. Мѣстность становилась все болѣе ясной. Уже подъ черными хребтами скалъ растянулись большія, свѣтло-фосфорическія площадки. Столбы свѣта на обоихъ прудахъ, верхнемъ и нижнемъ, разливались широко и далеко.

Вдругъ они стали дрожать и переливаться, и въ то же время стала то темнѣть, то проясняться фосфорическая бѣлизна освѣщенныхъ скалистыхъ стѣнъ; на небо надвинулись облака, то гасили, то зажигали луну. Сапфирныя, голубыя, золотисто-желтыя, золотисто-лазурныя и серебристо-зеленыя краски играли вокругъ нея на быстромъ лету. Иногда она уходила за темную тучу и гасла, тогда становилось совершенно темно. Иногда она исчезала почти вся, ярко сіяя лишь золотымъ краемъ диска. Иногда она, синевато-золотистая, катилась и мелькала въ облакахъ. То опять выплывала на совершенно чистое небо, и тогда громадные широкіе, лучистые столбы свѣта падали опять на одно мгновеніе въ черную глубь прудовъ, а скалистыя стѣны опять окрашивались въ мертвую, желтоватую бѣлизну. И опять шла новая игра красокъ; золотисто-желтый въ лазурно-желтомъ ореолѣ серпъ луны то погасалъ, то зажигался.

Въ воздухѣ царила невыразимая тишь. Одинъ лишь

водопадъ съ нижняго озера гудѣлъ и шумѣлъ, но шумъ его растворялся въ пространствѣ, такъ что казался частью молчанья. Надъ головой громоздились высокія вершины, зубчатая, доходящія до облаковъ и высящіяся надъ пропастью. Вдругъ мѣсяць заблестѣлъ въ Песочной Долинѣ, на скалахъ. Засіяли обломки камней и груды снѣга. Открылась котловина среди скалъ, таинственная и бездонная, замкнутая обрывами и хребтами.

— Какъ тутъ чудесно! — шепнула Тереза, олираясь спиной на голый камень, когда они остановились для отдыха.

— Гдѣ было лучше? У моря или тутъ? — спросилъ Рдзавичъ, стоя рядомъ и пряча факель за камнемъ, чтобы пламя не ослѣпляло...

Тереза отвѣтила не сразу, точно что-то сжимало ей горло.

— Тутъ, — сказала она, немного погодя.

— Пойдемте! Пойдемте! — кричали горцы. Начали карабкаться по травяной горѣ къ Воротамъ. Была уже полночь.

Тереза шла за Рдзавичемъ, который свѣтилъ остаткомъ факела. Вскорѣ ему пришлось его бросить; другой, который держалъ горецъ, также догорѣлъ.

— Почти что хватило, — сказалъ проводникъ.

— Лишь бы небо не нахмурилось — какъ будто потемнѣло, — сказалъ другой горецъ.

Дѣйствительно, понемногу стало темнѣть. Мѣсяць свѣтилъ все рѣже, все туманнѣе, пока не исчезъ совершенно за тонкимъ слоемъ тучъ; но этотъ слой сталъ

густѣть и увеличиваться. Помогали другъ другу въ пути, кто какъ могъ. Тереза шла одна; Рдзавичъ по ея дыханію зналъ, что она идетъ съ трудомъ. Нѣсколько разъ она останавливалась, точно не зная, куда поставить ногу.

— Могу я вамъ подать руку! — спросилъ ее Рдзавичъ, слясь на равнодушную вѣжливость.

— Охотно, пожалуйста, — сказала Тереза тихимъ голосомъ, — я уже устала.

Она подала ему руку, которую онъ схватилъ легко и нѣжно. Ничего не говорили другъ другу.

Тереза дышала тяжело, и рука ея все сильнѣе опиралась на руку Рдзавича.

— Еще высоко? — спросила она...

— Нѣтъ, — вотъ тамъ. Уже немного видно.

— А потомъ?

— Внизъ.

— Тамъ Морское Око?

— О, нѣтъ. Еще остается громадный конецъ.

— Боже мой! Какъ же мнѣ добраться! — вскрикнула Тереза.

— Позвольте мнѣ вести васъ, хорошо?

Онъ говорилъ теперь мягко и чуть ли не умоляюще.

Тереза почувствовала желаніе склонить голову къ нему на плечо и опереться на него.

Она отвѣтила тихимъ голосомъ:

— Хорошо.

И сердце, которое билось сильно и быстро, забилося еще сильнѣе: она услышала всю мягкость, всю жен-

ственность собственного голоса въ эту минуту; ей показалось также, что она почувствовала еле замѣтное пожатіе руки Рдзавича.

И онъ ее дѣйствительно пожалъ, думая, что она не замѣтитъ.

Они вошли къ Воротамъ первыми. Передъ ними была бездна. Черныя, непроницаемыя облака заволокли небо. Была непроглядная ночь. Дулъ вѣтеръ въ горахъ, съ сѣвера.

— Закутайтесь! — сказалъ Рдзавичъ, прикрывая ее шалью.

Въ первый разъ онъ иѣжно, легко почувствовалъ ея формы; въ первый разъ она почувствовала его руку на себѣ. Она задрожала. Чувствовала, что она одна съ нимъ.

— Другіе идутъ? — спросила она.

— Они сейчасъ за нами.

— Что теперь передъ нами? Я вижу только черную бездну.

— Мы спустимся внизъ.

— Туда?

Тереза почувствовала страхъ. Она повисла гдѣ-то, какъ птица, въ темнотѣ, въ чужомъ, невѣдомомъ мірѣ, окруженная ужасомъ, трудностью, гдѣ-то на высотѣ подъ холоднымъ, рѣзкимъ, свистящимъ вѣтромъ.

— Вы проведете меня? — спросила она, ни на что не обращая вниманія въ эту минуту.

— О да, — отвѣтилъ Рдзавичъ и протянулъ ей ру-

ку, по задержалъ ее, прежде чѣмъ схватить ея руки. Тереза замѣтила это движеніе и на мгновеніе невольно наклонилась къ Рдзавичу.

Дани Кмита, несмотря на утомленіе, не позволила долго останавливаться въ Воротахъ, они едва лишь успѣли передохнуть...

— Вы простудитесь! Вы простудитесь! — кричала она. — Съ Богомъ впередъ! Проводникъ! Ну, дальше!

Рдзавичъ схватилъ опять руку Терезы и шепнулъ:

— Оставайтесь со мною сзади: я боюсь, какъ бы камень изъ-подъ чьихъ-нибудь ногъ не свалился на васъ.

— Но мы можемъ сбросить камень на другихъ?

— Мы постараемся не сбросить. Я вамъ не позволю идти впередъ. Простите, но я долженъ взять васъ, какъ проводникъ...

Онъ накиннулъ плащъ на лѣвую руку и схватилъ ее обѣими руками подъ локти и кисть руки, такъ что она могла опираться удобно, крѣпко.

Странное, странное чувство... Вотъ она сходитъ въ какую-то пропасть, черную, невѣдомую, сходитъ по обрывистой стѣнѣ, по которой изъ-подъ ногъ у нея выскользають камни, и все точно уходитъ куда-то въ эту черную, невѣдомую пропасть... Она опирается на руку Рдзавича, и онъ скорѣе несетъ ее на своихъ рукахъ, чѣмъ идетъ она сама... Вѣтеръ со свистомъ и шумомъ то проносится надъ ея головой, то ударяетъ по ея колѣнямъ и ногамъ, то гудитъ гдѣ-то въ долину, страшно низко, то воетъ гдѣ-то высоко надъ голо-

вой среди какихъ-то подоблачныхъ темпотъ, еле видныхъ скалъ. Страшно!.. Вся прошлая жизнь начинаетъ казаться Терезѣ въ эту минуту какимъ-то сномъ. Какая-то неслыханко, сверхчеловѣчески сильная дѣйствительность охватила ее, вдавила въ себя все ея существо. Зловѣщая мощь ея теперешней жизни такъ велика, что Тереза не можетъ понять ее и сознательно овладѣть ею. Она чувствуетъ что-то, живетъ, но не властна надъ своей жизнью. Она — какъ челнъ на морѣ во время прилива: у челна есть паруса, весла, руль, все, но все же только волны уносятъ его въ томъ направленіи, куда онъ самъ стремится. Тереза бессильна, ее ошеломила энергія жизни, которая обрушилась на нее и которой она никогда съ такой силой не ощущала, не предчувствовала даже. Она задрожала...

— Вы боитесь? — спрашивалъ Рдзавичъ. Его голосъ какой-то совсѣмъ иной, чѣмъ всегда. Это тихій и глубокий голосъ какого-то сильного духа, который ее скорѣе несетъ, чѣмъ ведетъ и у котораго несомнѣнно есть крылья, что шумятъ въ эту минуту вмѣстѣ съ вѣтромъ надъ его головой и удерживаютъ его надъ пропастью.

— Вы боитесь?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ Тереза, зная, какою страшно безпомощной она бы чувствовала себя, не будь около нея этого крылатаго духа.

— Нѣтъ? — повторяетъ голосъ около нея, какъ тихое эхо, такой дрожащій и взволнованный, точно онъ

этимъ словомъ замыкаетъ цѣлое неистощимое хранилище другихъ словъ.

— Вы меня такъ хорошо ведете, — говоритъ Тереза, вполне сознавая значеніе этихъ словъ: крылья твои уносятъ меня надъ невѣдомой бездной...

Тереза чувствуетъ какое-то движеніе около себя, которое потрясаетъ ее всю и вызываетъ въ ней горячій трепетъ, хотя оно длилось всего одну секунду и было еле замѣтно, то же самое движеніе повторяетъ, точно загишнотизированное, ея собственное тѣло.

Тереза чувствуетъ, что останавливается... ее остановила какая-то сила. Эта остановка длится только одно мгновеніе. Вдругъ они оба остановились... Тереза чувствуетъ, что они остановились оттого, что вдругъ у Рдзавича нехватило силъ сдѣлать еще шагъ, но и у нея нехватило силъ потянуть его съ собою впередъ. И она слышитъ еле-еле внятный шопотъ Рдзавича:

— Пусть смерть придетъ теперь!..

Она слышитъ прекрасно, но шепчетъ:

— Что?

И Рдзавичъ повторяетъ отчетливо, ясно, и слова, искрясь, падаютъ въ эту черную бездну и ночь.

— Пусть смерть придетъ теперь!

Терезой овладѣваетъ какое-то безсиліе, которое сильнѣе всего, и прижимаетъ ее плечомъ къ плечу Рдзавича; она чувствуетъ, что онъ обнялъ ее, и она виситъ надъ скалистой бездной, но лишь одно невыразимо короткое мгновеніе.

Они опять шагают впередъ... Тереза чувствуетъ, что рука ея поднимается вверхъ, ясно чувствуетъ, какъ она скользитъ по шеѣ Рдзавича, скользитъ по его губамъ, чувствуетъ ихъ влажность, — вотъ она сильно прижимаетъ ее къ этимъ глазамъ и принимаетъ эту влагу на свою руку. Чувствуетъ, что рука ея скользитъ отъ глазъ Рдзавича къ его губамъ и останавливается на губахъ, которыя прижимаются къ ней такъ сильно, какъ она прижимала ее къ глазамъ.

Голова ея откидывается назадъ...

И она слышитъ ясный, хотя и тихій, безконечно горестный шопоть: «И это все»...

О нѣтъ! О нѣтъ! Въ ея груди что-то начинаетъ звучать, точно дремавшіе въ ней музыкальные инструменты вдругъ очнулись — арфы и лиры.

Нѣтъ! Нѣтъ!..

И она останавливается на минуту, беретъ руки Рдзавича въ обѣ руки и жметъ ихъ сильно, сильно, сильно... И происходитъ что-то невыразимое... Ей кажется, что они слились въ одно существо, соединивъ свои руки. Обѣ ея руки, сжатая въ пальцахъ Рдзавича, поднимаются къ его губамъ.

«Люблю», — слышитъ она его шопоть, такой тихій, словно онъ расплылся въ черной ночи, въ безднѣ, въ скалахъ, въ темнотѣ...

— Люблю, — отвѣчаетъ Тереза, не отдавая себѣ отчета въ этомъ словѣ.

И въ теченіе одной секунды у нихъ снова нехватаетъ силъ; они останавливаются, и головы ихъ склоня-

ются другъ къ другу, такъ что лицо припикаетъ къ лицу. Это длится секунду, или вѣка..?

Въ маленькой комнаткѣ убогой гостиницы Целинка на другой кроваткѣ, къ ея счастью, спить. Тереза переживаетъ все вторично.

Послѣ этого святого слова они уже не говорили другъ съ другомъ. Останавливались еще, отдыхали, шли еще долгіе часы, онъ продолжалъ ее вести, но говорили они только съ людьми, держались людей, другъ къ другу обращались только въ общемъ разговорѣ. То оставалось за ними, кануло въ черную ночь и бездну. Осталось и звучало надъ головой Терезы неустанно, неустанно...

О чемъ бы она ни говорила, что бы ни слушала, двусложный звукъ «люблю» звучалъ надъ ней. Какое-то счастье и какое-то смущеніе вторглось межъ нихъ. Что-то притягивало ихъ и что-то отталкивало другъ отъ друга... Руки рвались другъ къ другу, а тѣла точно отодвигались; Рдзавичъ словно угадывалъ это смущеніе и щадилъ его. Она была ему такъ благодарна за это...

Они уже ничего не говорили другъ другу. Ничто не портило этой мелодіи. Вѣдь если мелодіи будущаго и будутъ прекрасны, то ни одна не можетъ быть прекраснѣй этой. Это было точно первое Отче Нашъ ребенка, который понялъ, что шепчетъ.

И Тереза въ полномъ незнаніи, въ полной простотѣ повторяла, лежа на узкой кроваткѣ гостиницы: «Боже мой, Боже! Благодарю Тебя, что Ты далъ мнѣ такую

чистую жизнь». Она знает, она знает, что случилось такъ, какъ будто на нетронутую еще почву упало зерно и выросъ цвѣтокъ. Она чувствуетъ гордость, всю прекрасную, огромную гордость отъ сознанія своей чистоты. Ничего, ничего не надо было утаивать передъ этимъ святымъ словомъ, ничего не нужно было скрывать, выбрасывать изъ своей души. Земля лежала свѣжая, готовая, нетронутая, упало зерно и выросъ цвѣтокъ. И случилось это такъ внезапно, такъ безсознательно, такъ неожиданно...

«Боже, Боже!» думаетъ Тереза въ полуснѣ. «Боже! Дай ему счастья... дай... намъ счастья... дай мое счастье ему, если такова будетъ воля Твоя... Боже мой!.. Боже»...

Сто красокъ горѣло на зеркальномъ озерѣ. Золотыя и брилліантовыя искры брызгали изъ темной глади прозрачной, отливающей краснымъ фіолетомъ, изумруднымъ сапфиромъ, бирюзовой зеленью. Тихая, спокойная гладь... На небѣ утрециемъ, свѣжемъ — солнце, огромное, лучистое, божественное.

И небо надъ горами чистое, лазурное. Зелень горъ искрится молодымъ свѣтомъ, который проснулся только что полный свѣжихъ силъ; сѣрыя горы и скалы сіяютъ въ блескѣ торжествующаго дня. Царственное величіе ведряного дня раскинулось надъ міромъ.

Было прекрасно.

«Такое утро привѣтствуетъ мою любовь и мою новую жизнь», думаетъ Тереза, стоя на взгорьѣ надъ водой.

Идетъ Рдзавичъ. У него въ рукѣ отломанная вѣтка сосны. Онъ идетъ съ горь. Онъ увидѣлъ ее... Боже мой! Онъ какъ будто колеблется: идти ли къ ней?

Развѣ можно передъ чѣмъ-нибудь въ мірѣ колебаться?

Что можетъ быть проще: сорваться, побѣжать къ нему... Она побѣжитъ къ нему... Но въ ту же минуту ее охватываетъ какое-то смущеніе, какая-то застѣнчивость... Точно весь огромный міръ заколебался, зашатался...

— Рдзавичъ приближается, онъ уже тутъ. Онъ кланяется. Смущень.

— Ну, говори же! Пусть слова твои продолжаютъ ту чудную мелодію, пусть поютъ...

Опять мы одни и никого нѣтъ кромѣ насъ... Боже мой! Зачѣмъ намъ нужно скрываться?. А между тѣмъ... такъ сладко, такъ упоительно сладко, что никто ничего не знаетъ, кромѣ насъ...

Рдзавичъ на нее смотритъ, точно боится ея... О! нѣтъ! нѣтъ!.. Тереза идетъ къ нему... нѣтъ, ей только показалось, что она идетъ, она стоитъ на мѣстѣ.

— Съ добрымъ утромъ. Я принесъ вамъ сосновую вѣтку, которую вы хотѣли, — говоритъ Рдзавичъ застѣнчиво и неувѣренно.

— Здравствуйте. Благодарю васъ. Какой вы добрый!

Онъ подымаетъ къ ней глаза. Глаза эти влажны. Обычный ихъ стальной блескъ то тускнѣетъ, то проясняется за влажною мглою. Онъ смотритъ на нее

снизу, такъ какъ она стоитъ нѣсколько выше. Въ этихъ затуманенныхъ глазахъ столько смиренья и столько прекрасной гордости... Развѣ они были вчера такими?.. Неужели они были такіе же самые?.. Это глаза стального цвѣта. Онъ стоитъ такой несмѣлый, такой тихій, но каждую минуту онъ можетъ мглу своего смущенья пронзить мгновенной вспышкой гордости. Онъ стоитъ близко, но готовъ отойти, уйти прочь...

Тереза сразу вспоминаетъ свою непорочность, свою чистоту. Она дѣлаетъ шагъ къ Рдзавичу, беретъ его крѣпко за руку, показывая ему широкимъ движеніемъ міръ, который такъ прекрасенъ и полонъ спокойствія, она говоритъ громко и ясно:

— Такъ начинается нашъ день, наша жизнь... — Это «нашъ» — она произноситъ съ удареніемъ. Они одни и ихъ заслоняютъ сосны. Рдзавичъ ничего не отвѣчаетъ, онъ опускается передъ ней на одно колѣно и прижимаетъ къ ея ногамъ свои губы. Она не защищается, не отходитъ, въ эту минуту она даже не чувствуетъ смущенія. У нея такое впечатлѣніе, будто она вѣнчается. И она понимаетъ его и угадываетъ и чувствуетъ; и говоритъ то, что онъ думаетъ:

— Вы думаете, что это уже не я? Это лишь день послѣ ночи...

Какъ она его понимаетъ и какъ любитъ его гордость, его самолюбіе, его страхъ! Какъ она ему прощаетъ все, все! Какъ она все понимаетъ... Что это?.. Вотъ ея чувство, какъ обильный, весенній дождь, что смыль со скаль грязный снѣгъ и холодный ледъ. Онѣ

такія, точно только что появились на землѣ. И онъ теперь такой...

Она чувствуетъ себя такой гордой, такой счастливой, такой всемогущей и сильной — чувствуетъ себя перерождающей весной, оливковой вѣтвью, приносящей спокойствіе и всепрощеніе.

— Значить, это правда?.. — шепчетъ онъ, стоя на колѣняхъ.

— Правда, — отвѣчаетъ Тереза.

— Вы будете моей, — моей женой?

— Клянусь вамъ этими горами, этимъ міромъ клянусь...

Что-то сдавило ей горло. Она отвернулась, отошла, иначе она обвила бы ему шею руками.

Въ одно мгновеніе... Въ одно мгновеніе... Въ одно мгновеніе совершилось что-то совершенно непонятно... Вотъ теперь она связана словомъ съ Рдзавичемъ, съ нимъ, она его невѣста... Одно мгновеніе... Значить Богъ такъ хотѣлъ... Какъ это случилось? Что случилось?..

И Тереза закрываетъ глаза и думаетъ, и вспоминаетъ, и хочетъ вспомнить все, все, все... И не понимаетъ, и не вѣритъ, и просыпается отъ грезъ, чтобы убѣдиться, что не спитъ и не грезитъ.

И Рдзавичъ такой, точно его ослѣпило какимъ-то небеснымъ свѣтомъ. Тамъ, ночью, на обрывѣ, у него вырвалось изъ груди это слово: люблю... Онъ чувствовалъ, что все — ничто и что это все... Но не могъ постичь, понять, какъ это случилось?.. И она, она

отвѣтила ему этимъ же словомъ... Онъ уже не взвѣшивалъ своей гордости, своего самолюбія — онъ признался — и она отвѣтила такимъ же признаніемъ... Какой-то испугъ охватилъ Рдзавича. Этого не можетъ быть? Не можетъ быть! Это сонъ! Какъ? Такъ вдругъ? Такъ легко? Такъ просто?.. То, что казалось невозможнымъ, невѣроятнымъ?.. Нѣтъ! Нѣтъ! Этого не было, этого нѣтъ!

И онъ долженъ руками сжимать виски, чтобы убѣдиться, что онъ не во снѣ и что это правда. Правда.

— Да, теперь мы еще никому ничего не скажемъ, — сказала Тереза, когда они уже возвращались отъ Ваксмунской Долины къ Ящировкѣ, — не потому, что нельзя, а затѣмъ, чтобы это осталось нашей сладкой тайной...

— Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ, я — вамъ не противенъ?

У Терезы бываютъ разныя минуты: безумной застѣчивости и безумной смѣлости. Теперь она смѣлая... и говоритъ:

— Вѣдь я васъ люблю.

Рдзавичъ ничего не можетъ отвѣтить.

— Я люблю васъ.

— Вы меня любите?.. Любите?

— Да, давно, съ самаго начала нашего знакомства... съ первой встрѣчи.

Тереза знаетъ, что Рдзавичъ думаетъ въ эту минуту о танцѣ подъ ея окномъ; она все простила, такъ какъ все понимаетъ. Какъ можно чего-нибудь не по-

нимать на свѣтѣ. А тѣмъ болѣе не простить? И она опять повторяетъ ему, что любить его. Она чиста, и онъ долженъ вѣрить, что она должна любить, разъ она говоритъ о своей любви и выслушиваетъ его признаніе въ любви.

Впрочемъ, все ей кажется такимъ легкимъ, такимъ простымъ, такъ легко выполнимымъ, въ то же время она удивляется, какъ можетъ быть на свѣтѣ какой-то плачь, какая-то боль, какое-то зло, какое-то горе, какое-то сожалѣніе, какое-то отчаяніе.

— Тереза, — сказалъ Рдзавичъ, уходя, когда они прощались. — Если бы даже это было все.. благодарю васъ.

— Я люблю васъ, — шепчетъ дрожа Тереза и чувствуетъ себя такой слабой, такой грустной, такой несчастной оттого, что онъ уходитъ. Онъ не могъ поцѣловать ея руки, она это видѣла, не было возможности. У Терезы было такое чувство, будто рѣзкій скрипъ двери разбудилъ ее отъ сна.

... Значить, она его любитъ... Его любить эта дѣвушка, бѣлая, чудная, прелестная и сладкая... Любить... Всю его жалость, всѣ его страданія, всѣ его внутреннія, нравственные преступленія, въ которыхъ онъ такъ отлично отдаетъ себѣ отчеты, всѣ его физическіе недостатки и пороки, на которые онъ, какъ скульпторъ, смотритъ съ такимъ отвращеніемъ, — все любить въ немъ и вмѣстѣ съ нимъ эта бѣлая, чудная дѣвушка... Счастье! Обманное, страшное, жестокое

счастье! Неужели и это будетъ только мгновениемъ сна, послѣ котораго идутъ горе, уничтоженіе и самое страшное изъ всѣхъ словъ — слово: никогда?..

IV.

Смерть...

Вотъ уже нѣсколько часовъ, какъ это слово наполнило собою домъ въ Скибовкѣ. Оно вошло туда медленно и спокойно, но съ такой твердой и неотвратимой силой, какъ вода во время разлива рѣки врывается въ стоящія на берегу человѣческія постройки. Никакія плотины не помогаютъ, но люди запруживаютъ воду съ какой-то глупой, механической настойчивостью надежды и съ полнымъ убѣжденіемъ, что это ни къ чему не поведетъ. Никто не сомнѣвался, что Юрій скоро долженъ будетъ умереть, но никто не переставалъ питать надежды, что удастся его спасти.

Онъ лежалъ на подушкѣ бѣлый, какъ полотно. Вѣки были закрыты отъ утомленія послѣ ночного кровохарканья. Время отъ времени онъ приподымалъ ихъ и смотрѣлъ на окружающихъ.

Время было раннее, около восьми часовъ; день — то пасмурный, то солнечный.

Вдругъ Юрій немного порозовѣлъ, можетъ быть, отъ вышитаго имъ крѣпкаго вина. Казалось, что у него прибавилось немного силъ. Лаура вышла изъ комнаты, не то распорядиться о чемъ-то, не то поплакать.

Около Юрія сидѣли: Рдзавичъ, Тенжель, Лановскій и Эля Росенская. Юрій провелъ глазами по ихъ лицамъ, исполненнымъ страшной тревоги, которую онъ сдерживалъ силой воли, и спросилъ шопотомъ:

— Вы думаете, что я уже долженъ умереть?

Все почувствовали, какъ страшно, какъ отчаянно плохо этотъ человекъ приготовленъ къ смерти. Что можетъ быть проще, естественнѣе того, что надо умереть, когда приходитъ смерть.

Да, Юрій долженъ былъ умереть, но развитому интеллигентному человеку этого сказать нельзя изъ состраданія, изъ воспитанности, и Эля Росенская сказала мягко и кротко:

— Не волнуйтесь, прошу васъ...

А Тенжель сдѣлалъ движеніе въ креслѣ и чуть не крикнулъ:

— Ну, что ты, что ты! Ты немного усталъ, вотъ и все, — и оборвался, такъ какъ не могъ больше говорить и не умѣлъ лгать.

— Выпей еще вина, — сказала Эля Росенская. Юрій выпилъ; онъ поднялъ кверху глаза, какъ будто думалъ о чемъ-то.

— Романъ, — сказалъ онъ черезъ минуту, — ты помнишь, какъ ты бросилъ стуломъ въ своего «Ангела жизни» и разбилъ его?

— Я разбилъ всехъ своихъ ангеловъ, — улыбнулся Рдзавичъ, — и «Ангела жизни», и...

Онъ не кончилъ; страшное, вторгшееся въ домъ въ Скибовкѣ слово онъ удержалъ на губахъ.

Юрій понялъ и снова поблѣднѣлъ; но вино дѣйствовало и согрѣвало ему кровь.

— Вотъ видишь, — говорилъ онъ, — ты его разбилъ и думалъ, что не будешь жить, а живешь; потомъ ты разбилъ своего «Ангела смерти» и опять думалъ, что не будешь жить и все-таки живешь. А я...

— Юрій, — шепнула Эля.

— Скажи мнѣ, что сказалъ докторъ?

— Какъ всегда, какъ всегда: что тебѣ еще долго придется болѣть, но что ты на пути къ выздоровленію, — сказалъ Тенжель.

Блескъ радости засіялъ въ глазахъ Юрія. Докторъ говорилъ ему это два раза въ день, при каждомъ прощаніи, всѣ повторяли ему это днемъ и ночью, стоило ему только спросить, говорили это и безъ вопроса, — всѣ говорили, и всегда онъ ждалъ этого отвѣта, этой фразы съ жаднымъ нетерпѣніемъ, съ блаженной, жгучей увѣренностью, что онъ ее услышитъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобы ему говорили это постоянно, постоянно...

— Онъ такъ сказалъ?

— Да.

— А между тѣмъ, я чувствую себя сегодня хуже обыкновеннаго, — сказалъ онъ, желая, чтобы съ нимъ спорили и объяснили все вопреки всему его сознанию, вопреки всей его интеллигентности и способности думать, что это не такъ.

— Это временно, это временно, — сказалъ Тенжель.

— Откройте второе окно, — попросилъ Юрій.

Рдзавичъ съ Лановскимъ подошли къ окну.

— Страшенъ этотъ обманъ смерти, — шепнулъ Лановскій.

— Иначе быть не можетъ, — отвѣтилъ Рдзавичъ. — Двѣ тысячи лѣтъ уже насъ пугаютъ дьяволами. Вся наша духовная культура основана на страхѣ передъ смертью. Геніальная мысль Дарвина, что то, что въ продолженіе тысячи лѣтъ входило въ человѣческій мозгъ, требуетъ другихъ тысячи лѣтъ, чтобы оттуда выйти...

— Это что-то ужасное — болѣзнь, — сказала Юрій, и это безсиліе въ борьбѣ съ нею. Все разрушается, все рвется, все кончается. Только тогда и видишь, какая штука то, что называется душой человѣка, въ сравненіи съ матеріей. Пусть придутъ сюда все геніи міра, пусть свершатся здѣсь въ одинъ мигъ все величайшія дѣянія міра и пусть они сдѣлаютъ такъ, чтобы въ этотъ единственный мигъ, въ эту единственную секунду душа моя не подвергалась бы давленію физической болѣзни... И сколько моихъ надеждъ... Какимъ я былъ писателемъ, такимъ и былъ, я могъ быть и средняго уровня, но, несмотря на это, я все же сдѣлалъ кое-что и могъ еще работать... И этотъ ребенокъ, котораго мы ждали столько лѣтъ... Скажите, вѣдь у Терезы нѣтъ предрасположенія къ чахоткѣ? Какъ думалъ о ней докторъ? Она здорова? Не правда ли?

— Не говорите такъ много, — перебила его Эля Росенская.

Юрій въ совершенномъ безсиліи упалъ головой на

подушку. Вдругъ на большой дорогѣ загремѣла коляска. Юрій оживился и какъ-то внимательно сталъ прислушиваться.

— Это докторъ, — сказалъ онъ черезъ минуту.

Онъ узналъ грохотъ, который для него былъ теперь единственнымъ событіемъ дня. Вошелъ докторъ, полный и молодой.

— Ну, какъ дѣла? Мы утромъ отдохнули? — сказалъ онъ, приближаясь къ кровати.

У Юрія отъ волненія замеръ голосъ; онъ кивнулъ только слегка головой и смотрѣлъ на доктора радостнымъ, но тревожнымъ, пытливымъ взглядомъ.

— Очень хорошо, очень хорошо, — бормоталъ докторъ, присѣвъ на кровать и щупая пульсъ.

— Хорошо? — робко проговорилъ Юрій.

— Сейчасъ. Ну, а теперь еще немножко такъ.

Докторъ началъ изслѣдованіе.

— Очень хорошо, очень хорошо, — повторилъ онъ немного принужденнымъ голосомъ.

Внимательное, насторожившееся ухо Юрія замѣтило принужденность голоса; онъ сорвался головой съ подушки и взглянулъ на доктора широко открытыми глазами, въ которыхъ въ одну секунду раскрылась цѣлая бездна ужаса.

— Что? — шепнулъ онъ, словно задыхаясь и не зная, какое именно слово онъ произносить.

— Спокойствіе, милый, спокойствіе, все будетъ хорошо, — сказалъ докторъ, овладѣвъ уже совершенно

голосомъ. — Я заѣду еще кой-куда, потомъ отобѣдаю и опять вернусь къ вамъ.

На лицѣ Юрія отразилась вся горечь разочарованія: отобѣдаетъ, а вѣдь онъ спрашиваетъ, будетъ ли онъ живъ... этотъ человѣкъ, который одинъ только и можетъ ему отвѣтить.

Онъ улыбнулся, чтобы сгладить впечатлѣнїе, чтобы не разстроить.

— Итакъ, до свиданія, — сказалъ докторъ, пожимая руку Юрія.

— Вы будете послѣ обѣда? Около двухъ?

— Немного позже. Около четырехъ. Раньше я не успѣю.

Лицо Юрія омрачилось, но онъ опять вызвалъ улыбку, подобную той, какой улыбается любовникъ, который начинаетъ чувствовать, что уже не каждый часъ принадлежитъ ему.

Доктора провожали до коляски Тенжель и Рдзавичъ.

— Тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній, — сказалъ онъ имъ, — надо послать за священникомъ.

Господи Боже! — застоналъ Тенжель, поблѣднѣвъ.

— Онъ можетъ протянуть до завтрашняго дня, но можетъ скончаться и сегодня, черезъ нѣсколько часовъ, — говорилъ докторъ, садясь въ коляску.

Рдзавичъ почувствовалъ мерозъ, пробѣжавшій по тѣлу.

— До свиданія! Я буду около четырехъ! Если нужно будетъ непременно, то пришлите за мной. Въ два часа я обѣдаю дома. До свиданія.

Тенжель повернулъ къ Рдзавичу свое честное, грубое, мужицкое лицо.

— Какъ мнѣ это сказать Лаурѣ?

— Скажи Элѣ.

— Я теперь не пойду туда — онъ пойметъ. И ты не иди. Ты весь измѣнился.

— Какъ быть? погоди. Прикажи позвать Элю.

Онъ сдѣлалъ знакъ экономкѣ, которая стояла около подъѣзда.

— Идите къ больному барину и просите барышню, чтобы она пришла сюда, тутъ женщина съ земляникой.

Эля вышла моментально.

— Что онъ сказалъ? Очень плохо?

— Да. Онъ велѣлъ позвать священника, — отвѣтилъ Тенжель.

По лицу Эли Росенской пробѣжало нервное, судорожное движеніе, она вздрогнула, но овладѣла собой.

— Скажи Лаурѣ.

— Хорошо. Иди къ Юрію, онъ волнуется. А вы идите со мной, Романъ.

Лаура была въ своей комнатѣ; Эля и Рдзавичъ застали ее спящей. Она сидѣла на креслѣ около колыбели Терезы, держа ея ручку въ своей рукѣ, и уснула, видно, отъ утомленія, опираясь спиной на ручку кресла. Какая-то сладостная улыбка, полная счастья, сіяла на ея лицѣ.

— Она говоритъ во снѣ, — шепнулъ Рдзавичъ.

Въ неясномъ шопотѣ Лауры можно было различить слова:

Однажды ночью, лѣтомъ,
Прекрасная Джессика 1)

Эля Росенская вздрогнула и отступила къ двери.
А Лаура бормотала опять во снѣ:

— Мы будемъ ходить только вдвоемъ, не правда
ли?.. Миѣ хочется спать...

— Бѣдняжка, — шепнула Эля Росенская.

— У нея, вѣрно, жарь...

— Отъ утомленія. У меня нехватаетъ духа раз-
будить ее.

Подожди немного,
Отдохнешь и ты... 2)

бормотала Лаура, продолжая улыбаться и пожимая
ручку дочери.

— Она видитъ что-то во снѣ.

— Она, вѣрно, что-то вспоминаетъ..... Рдзавичъ
позвалъ громче. Лаура проснулась. Сладкая улыбка
еще не исчезла съ ея губъ, и въ глазахъ, еще не
совсѣмъ проснувшихся, цвѣли еще краски сна; вдругъ
глаза ея широко раскрылись.

— Юрій?! Что? — спросила она, выпрямившись на
стулѣ.

Эля Росенская подошла къ ней; Лаура вскочила
со стула съ подавленнымъ крикомъ:

— Что?! Что?!

1) Шекспиръ.

2) Гете.

Эля Росенская, спокойная и молчаливая, положила ей руку на плечо.

— Что? — спросила нервно Лаура, хватая ее за руку.

— Бѣдная Лора, — сказала Эля, нервно обнимая ее, точно боясь, чтобы она не упала, — моя бѣдная Лора... надо Юрія... приготовить...

Лаура ничего не отвѣтила. Глаза ея чуть не выступили изъ орбитъ, она открыла ротъ, а лицо въ одно мгновение покрылось почти мертвенной блѣдностью; грудь дышала коротко, отрывисто.

Она стояла такъ минуту, потомъ пошатнулась въ объятіяхъ Эли; шаталась все сильнѣй, судорожнѣй. Дыханіе становилось все короче, глубже и сильнѣе; оно перешло въ сдавленные всхлипыванія, въ протяжный сдавленный стонъ, все болѣе громкій, но ни одна слеза не заблестѣла въ раскрытыхъ, неподвижныхъ глазахъ.

Эля Росенская, чувствуя, какъ страшно бьется сердце въ нѣмой груди Лауры, крикнула повелительно:

— Плачь!

Но Лаура не могла расплакаться; все тѣло ея начало дрожать, глаза, видно, потеряли силу взгляда, смотрѣли въ пространство, а стонъ, который вырывался изъ ея груди, началъ переходить въ сдавленный вой. Спазмы стали сильнѣе. Эля Росенская позвала няньку, которая испуганно бросилась въ комнату.

— Ребенка!

Нянька поняла, схватила быстро маленькую Терезю изъ люльки и приподняла ее къ лицу Лауры; ребенокъ

расплакался. Глаза потерявшей сознание Лауры взглянули, она схватила ребенка изъ рукъ няньки и, опустившись внизъ, со страшнымъ рыданіемъ упала на колѣни Эля Росенская держала ее подъ руки.

— Юрій что-то слышитъ... Что случилось? — спросилъ испуганный Лановскій, просовывая голову въ дверь.

— Скажите прислугѣ, чтобы она пошла за священникомъ со Святыми Дарами, — сказала Эля.

Лановскій испугался еще больше, пробормоталъ что-то подъ носъ и спряталъ голову.

— Не плачь! Юрій тебя услышитъ, — шепнула Эля.

Но Лаура, должно быть, ужъ сама это поняла, такъ какъ заглушила рыданія.

— Баринъ проситъ васъ, барыня, — сказала прислуга, просовывая голову въ дверь.

Лаура осилила свой плачь; казалось, будто она горломъ впихивала себѣ въ грудь раскаленное желѣзо.

— Сейчасъ. Дай мнѣ воды.

Она умыла себѣ глаза и лицо.

— Лучше ничего не говори, пока не придетъ священникъ, — сказала Эля.

— Ожиданіе было бы ужасно...

— Ты плакала, — сказалъ Юрій, когда онѣ вошли.

— Нѣтъ... немного... Мнѣ что-то снилось...

— Я слышалъ, что ты плакала, — и на лицѣ Юрія отразилась тревога, недовѣрчивость, подозрительность.

— Не сказалъ ли докторъ что-нибудь?

— Онъ нашелъ, что вамъ лучше, но... — отозвалась Эля.

— Но что?

— Но Лаура такъ боится... Терезя какая-то неспокойная...

— Терезя? Покажите мнѣ ее... Но осторожно, осторожно — издали... Я такъ боюсь, чтобы она не заразилась отъ меня... Вѣдь у нея нѣтъ предрасположенія къ чахоткѣ, доктора ничего не говорятъ?

Онъ посмотрѣлъ поочередно на всѣхъ присутствующихъ.

— Подумать... мѣсяцами, цѣлыми мѣсяцами я не цѣловалъ своего ребенка... боюсь...

Онъ взглянулъ на Лановскаго, который стоялъ в окна.

— Юрій, не хотите ли вы еще выпить? — сказала Эля Росенская.

— Сейчасъ, сейчасъ... мнѣ душно. — Крупный потъ сталъ выступать на лбу у Юрія.

Всѣ собрались у кровати.

— Пошли за докторомъ, — шепнулъ испуганный Тенжель Лановскому.

— Дѣло плохо...

Юрій почувствовалъ облегченіе послѣ короткаго припадка удушья и попробовалъ улыбнуться.

Они стали говорить. Всѣ старались говорить спокойно, естественно, обыкновенно. Рдзавичъ чувствовалъ, что они хотятъ оттянуть моментъ прихода священника, и вмѣстѣ съ тѣмъ хотятъ, чтобы онъ пришелъ

какъ можно скорѣе, лишь бы кончилась эта мука при-
творства, лишь бы случилось что-нибудь новое въ этой
страшной неподвижности, лишь бы что-нибудь слу-
чилось.

Нянька появилась въ дверяхъ съ ребенкомъ на ру-
кахъ.

— Терезя, — шепнулъ Юрій.

— Терезя, — повторилъ за нимъ мысленно Рдза-
вичъ, видя передъ собой въ эту минуту такъ ясно,
такъ отчетливо, блѣдное, матовое, красивое лицо Те-
резы Морской, имя которой случайно носилъ ребенокъ.

Вдругъ... никто этого не услышалъ, но Юрій услы-
шалъ и сказалъ:

— Колокольчикъ, — сказалъ онъ, — священникъ
ѣдетъ къ кому-нибудь. Вѣроятно, въ Косцѣлискахъ
кто-нибудь боленъ.

Духъ замеръ у всѣхъ присутствующихъ.

Колокольчикъ не повторился, но раздался стукъ ко-
ляски.

— Кто-то ѣдетъ. Докторъ обѣщалъ приѣхать около
четырехъ.

Коляска остановилась:

Лаура не выдержала; она упала на колѣни около
кровати мужа и, прижимая губы къ его худой, уже
почти мертвенной рукѣ, застонала: «Юрій! Юрій»...

Юрій нагнулъ къ ней голову, взволнованный, но
еще не понимая; вдругъ кто-то постучался въ дверь,
и вошелъ сперва человекъ со свѣчей въ рукахъ, одѣ-

тый въ стихарь, а за нимъ священникъ, также въ стихарѣ и въ эпитрахили, со словами:

— Да славится имя Господне...

Никто ему не отвѣтилъ, никто не могъ.

При видѣ его Юрій весь вздрогнулъ, сѣлъ на кровати, точно его пронзилъ электрическій токъ. Въ глазахъ его отразился такой страхъ, котораго не испытываютъ два раза въ жизни. Онъ протянулъ впередъ руки и, ловя губами недостающій воздухъ, сталъ точно отталкивать кого-то отъ себя съ глухимъ, хриплымъ крикомъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не хочу!.. Еще нѣтъ!.. Еще нѣтъ!..

Потомъ глаза его стали бѣгать съ молниеносной быстротой по лицамъ присутствующихъ, точно моля у нихъ спасенія, защиты; вдругъ они прожгли, какъ огонь, голову Лауры, прижавшейся лицомъ къ его постели. Лаура сразу почувствовала этотъ взглядъ черезъ волосы, подняла лицо и взглянула на мужа. Страшный, мощный, громовой, полный безсловеснаго упрека, взглядъ мужа бросился ей въ глаза:

— Осуждаешь меня на смерть? Ты?!

Лаура застыла въ неподвижности отъ этого взгляда.

Никто не могъ перенести глазъ Юрія. Нечеловѣческой страхъ, переходящій границы человѣческихъ чувствъ, горѣлъ въ нихъ вмѣстѣ съ какой-то ненавистью къ тѣмъ, которые его окружали, которые открыто поставили смерть передъ нимъ, которые вызвали ее сюда, — вмѣстѣ съ какой-то гордостью, которую вы-

зываетъ всякое одиночество, даже горе, даже смерть. Онъ сидѣлъ на кровати и давилъ присутствующихъ свими страшными глазами. Вдругъ изо рта хлынула кровь. Лаура вскочила съ пола. Священникъ съ Дарами подошелъ. Юрій кашлялъ и выплевывалъ кровь изъ своихъ легкихъ.

Когда кашель прошелъ, блѣдный и похожій на мертвеца, совсѣмъ обезсиленный, задыхаясь, онъ сталъ смотрѣть на жену, которая не смѣла подойти къ нему; съ трудомъ протянулъ ей руку, притянулъ ее къ кровати и прижалъ ея ладонь къ своему лбу, словно боялся прижать ее къ своимъ чахоточнымъ губамъ; потомъ онъ выпустилъ ее и далъ знакъ рукой, чтобъ всѣ вышли.

Къ кровати подошелъ священникъ съ Дарохранительницей.

Послѣ ухода священника, изнуренный и обезсиленный, Юрій сказалъ шопотомъ, держа руку жены:

— Ради тебя... ради тебя... Ты хорошо сдѣлала... Надо было... Спасибо тебѣ... Лаура моя... Вели еще принести сюда Терезю... Я дотронусь до ея лба... только до лба... Умойте ее потомъ карболовымъ растворомъ... Умойте ея лобъ... всю ее умойте...

Лаура, плача навзрыдъ, вышла за ребенкомъ. Его подсунули подъ руку Юрія. Ребенокъ былъ странно тихъ, точно понималъ все. Юрій дотронулся концами пальцевъ до его лба.

— Пусть ее унесутъ. Умойте ее... Умойте... Карболовымъ растворомъ... Всю...

Вдругъ у него что-то закрипѣло въ груди. Онъ схватилъ руку Лауры. Изъ усть его вырвался сдавленный, хриплый крикъ:

— Спасайте меня! Спасайте! Я не хочу умирать!.. Не хочу... Не хочу!.. Боюсь!..

Руки его стали дѣлать движенія утопающаго: разжатые пальцы точно хотѣли вцѣпиться во что-то, что-то поймать... Онъ молилъ глазами о спасеніи. Онъ дрожалъ и истекалъ потомъ. Схватилъ обѣими руками руки Лауры, потомъ выпустилъ одну изъ нихъ и судорожно схватилъ руку Танжеля, точно потому, что она была плотная, большая и сильная...

— Спасайте меня! Спасайте меня! — повторялъ онъ. — Я не хочу Не хочу умирать! Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!..

Хрипъ прошелъ, дыханіе стало легче и ровнѣе. Онъ помолчалъ минуту, потомъ произнесъ болѣе чистымъ и отчетливымъ голосомъ, точно говорилъ кому-нибудь изъ присутствующихъ:

— А если они стали слишкомъ рано надѣяться, что я умру... Если я буду жить...

И лицо его приняло горькое, скорбное, полное глубокаго презрѣнія, выраженіе. Онъ закрылъ глаза.

Лаура со стономъ пошатнулась и упала на руки Эли Росенской и Танжеля.

Юрій поднялъ вѣки, взглянулъ и отвернулся къ стѣнѣ.

— Юрій! — застонала Лаура.

Но Юрій не повернулся къ ней лицомъ.

— Юрій!.. Двѣнадцать лѣтъ!.. Юрій!..

Лаура опустила на колѣни у кровати, ломая надъ головой руки.

Вдругъ изъ груди Юрія вырвался хрипъ и стонъ, онъ дрогнулъ нѣсколько разъ, шевельнулъ рукой, голова бессильно упала съ подушки къ стѣнѣ, и все тѣло выпрямилось со вздохомъ.

— Господи! — воскликнулъ Тенжель, схвативъ голову Юрія и подымая ее на подушку. Пѣна, окрашенная кровью, сочилась изъ устъ Юрія. Онъ уже былъ мертвъ. На головѣ, лежавшей въ рукахъ Тенжеля, блестѣли два открытыхъ глаза, въ которыхъ застылъ и оледенѣлъ неимоверный страхъ. И ничего не было въ глазахъ мертваго человѣка, кромѣ страха.

Лаура взглянула и не вѣрила, что мужъ мертвъ. Она схватила его за руки съ крикомъ:

— Юрій!.. Взгляни!.. Двѣнадцать лѣтъ!.. Юрій!..

Но ничего не было видно въ глазахъ мертваго человѣка, кромѣ оледенѣвшаго страха.

Лаура выпустила руки мужа, нагнулась и ударилась съ грохотомъ лбомъ о край кровати.

Въ груди ея замеръ голосъ.

Рдзавичъ вышелъ на дворъ; боль, тяжелая, щемящая, невыразимая боль сжала его сердце. Рдзавичъ отлично зналъ, что это не скорбь о Юріѣ, не скорбь о Лаурѣ. Это была какая-то скорбь человѣка, какое-

то отчаяніе, какая-то безнадежность, какой-то внутренній, раздирающій душу крикъ.

Къ дому подъѣхалъ докторъ.

— Я встрѣтилъ возвращавшагося священника. Плохо? — спросилъ онъ.

— Уже... — отвѣтилъ Рдзавичъ.

— Умеръ? Бѣдная женщина! Ему нечѣмъ было дышать...

Нервно и бессознательно вынулъ папиросу и закурилъ, говоря:

— Если бы я успѣлъ, можно было бы еще эфиромъ... Онъ простился? Если бы я успѣлъ...

— Нѣтъ, не простился.

— Нѣтъ? Потерялъ сознание?

— Кажется, нѣтъ, но ему казалось, что онъ будетъ еще жить... и... — Рдзавичъ не могъ говорить.

— Ага! Бѣдная, бѣдная женщина!.. Гмъ... Если бы я еще успѣлъ... Какъ жаль!.. Я эфиромъ продлилъ бы еще на четверть часа, пожалуй и на полчаса... Странная вещь, эта душа: ее можно эфиромъ удерживать на нѣкоторое время... Гм... Бѣдная женщина... Всякую смерть перенести легче, чѣмъ тогда, когда люди молоды и живутъ вмѣстѣ. Охъ! Какъ она это почувствуетъ! Что значить смерть родителей, смерть ребенка въ сравненіи съ этой. Я зайду туда проститься съ нимъ навѣки и ей, пожалуй, пригожусь!.. Не правда ли, нельзя смотрѣть прямо на солнце, надо смотрѣть подъ извѣстнымъ угломъ. И смерть такъ же... Ну, здѣсь она должна была наступить...

Бормоча что-то про себя, онъ вышелъ въ сѣни. — Рдзавичъ остался нѣкоторое время передъ домомъ въ какомъ-то онемѣннн, въ какомъ-то полномъ затменнн мозга; потомъ, пришедши въ себя, онъ пошелъ за докторомъ и свернулъ въ комнату, въ которой стояла люлька съ ребенкомъ.

Ребенокъ былъ одинъ, онъ не спалъ, но лежалъ тихо. Рдзавичъ закрылъ дверь въ комнату, гдѣ былъ слышенъ плачь Лауры, прислуги и хозяйки, которая голосила передъ домомъ, не плача, но очень громко, безъ всякаго чувства. Въ комнатѣ стало тихо. Рдзавичъ сѣлъ къ колыбели и началъ тихо качать ее ногой. Дѣвочка улыбнулась.

Рдзавичъ нагнулся близко надъ ней и, глядя въ ея большіе, голубые глаза, шепнулъ ей ласково и мягко:

— Терезя!

Дѣвочка, не переставая улыбаться, протянула къ нему ручки.

На катафалкѣ, въ комнатѣ, въ которой умеръ Юрій, лежалъ онъ во фракѣ, съ руками, на которыя силой были натянуты бѣлыя перчатки, которыя насильно были сложены, какъ для молитвы, въ которыя насильно былъ всунуть крестъ. Груда цвѣтовъ лежала около тѣла въ гробу, вѣнки съ лентами — въ ногахъ. Подъ гробъ была поставлена миска со льдомъ, чтобы замедлить разложеніе тѣла. Къ счастью, дни были холодные, несмотря на лѣтнее время.

Около катафалка горѣли свѣчи, шторы были спу-

щены, и въ комнатѣ царилъ полумракъ. Было около часа пополудни; въ три часа должны были быть похороны.

Всѣ отошли отъ тѣла и Рдзавичъ остался одинъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ, скрестивъ на груди руки, и смотрѣлъ въ лицо Юрія. Лицо это, впрочемъ, уже впалое, синее и твердое, съ закрытыми глазами, носило на себѣ совершенный покой.

Никто бы не догадался, что человѣкъ этотъ такъ страшно мучился и такъ страшно боялся смерти.

Все прошло, и вотъ что осталось....

И какъ у Шекспира. Трагедія стала тотчасъ перемѣшиваться съ комедіею. Умыли трупъ, одѣли во фракъ, точно онъ боялся опоздать на балъ или званый обѣдъ. Надѣли брюки на вытянувшіяся ноги, надѣли лакированные ботинки, застегнули пуговицы. О нижнемъ бѣльѣ не было рѣчи.

Потомъ надѣли бѣлую рубашку, свѣжую, не забывъ застегнуть ни одной пуговицы. Уморительно поднимали руки трупа, чтобы всунуть ихъ въ рукава рубашки, потомъ въ отверстіе жилета — съ этимъ легче справились — наконецъ, въ рукава фрака. Они были узкіе, модные. Къ счастью явились специалисты и рукъ не сломали. Потомъ завязали бѣлый галстукъ, сначала криво, потомъ поправили, затѣмъ сдѣлали проборъ по срединѣ головы, на обѣ стороны, хотя Юрій никогда такой прически не носилъ. Вѣдь онъ долженъ былъ принимать теперь визиты знакомыхъ и любопытныхъ, долженъ былъ прилично выглядѣть. Начальникъ

специалистовъ окинулъ глазами трупъ на катафалкѣ и сказалъ «хорошо» — онъ былъ доволенъ.

Пока въ одной изъ комнатъ Лаура лишалась чувствъ и металась въ судорожныхъ спазмахъ, въ другой Юрій болталъ въ воздухѣ выпрямившимися ногами и руками за своимъ туалетомъ. Трогали его корпусъ, голову. То тѣло, которое столько тысячъ разъ Лаура прижимала къ себѣ въ упоеніи счастья, повисало теперь безсильно налѣво и направо въ рукахъ вѣжливыхъ похоронныхъ служителей. Служители были вѣжливы, такъ какъ Рдзавичъ стоялъ въ дверяхъ и слѣдилъ за ними. Слуги говорили даже межъ собой: «Одѣнь покойнику сапоги... надо покойнику завязать галстукъ». И все оттого, что сначала, когда одинъ сказалъ: «Да тащи жъ ты его за ноги» — Рдзавичъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и его стальные глаза, должно быть, злобно сверкнули, такъ какъ служитель попятился назадъ и быстро поправился: «Сложи покойнику ноги, чтобы онѣ ровно лежали».

Рдзавичу казалось, что на немъ лежитъ какая-то обязанность наблюдать за надлежащимъ уваженіемъ къ этому трупу, который былъ его родственникомъ, который былъ когда-то человѣкомъ. Онъ стоялъ и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не говорили грубостей о человѣкѣ, который думалъ и чувствовалъ, чтобы хорошо обращались съ тѣмъ тѣломъ, которому принадлежали любимыя и любящія женщины, которое онѣ обнимали, которое погружалось въ ключевую, святую воду природы и которое обвѣвалъ святой вѣтеръ горныхъ вер-

шинъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавалъ, что исполнялъ при этомъ трупѣ очень донкихотскія обязанности, что онъ со своею чувствительностью къ вопросу чести и уваженія къ трупу въ высшей степени смѣшонъ и въ глазахъ служителей и въ своихъ собственныхъ глазахъ — что въ концѣ концовъ эти служители и самъ онъ, — такіе же трупы въ будущемъ.

Наконецъ Юрія предоставили спокойствію смерти; онъ былъ уже одѣтъ, какъ надо.

Къ чему все это? Какая въ этомъ цѣль? Что отъ этого осталось? Къ чему, на примѣръ, та страшная ночь, которую Юрій провелъ, случайно поранивши себя ножомъ. Ножомъ этимъ вскрывали трупъ, рука начала пухнуть, и оказалось, что въ любую минуту наступитъ губительное зараженіе крови? Къ чему, на примѣръ, то внутреннее отчаяніе, когда произведеніе, отъ котораго онъ ожидалъ славы, оказалось неудачнымъ, и до того неудачнымъ, что только подорвало его прежнее положеніе и подрѣзало его навсегда? Къ чему были бѣдствія, оскорбленія, униженія, которыя онъ испыталъ? Къ чему тотъ ужасный, изнуряющій страхъ передъ болѣзью, разрушающей организмъ? Къ чему вся горечь жизни, на которую его осуждала неизлѣчимая болѣзнь? Къ чему все то, что его радовало и печалило, что онъ чувствовалъ и что думалъ? Къ чему всѣ надежды и всѣ разочарованія, всѣ побѣды и всѣ пораженія, всѣ успѣхи и весь позоръ?

Юрій лежалъ покойно, и казалось, какъ будто онъ не существовалъ никогда. Къ чему же онъ существо-

валъ? сдѣлалъ ли онъ что-нибудь? выполнилъ ли онъ какую-нибудь задачу? Къ чему, если все, все, уходитъ къ смерти, заканчивается уничтоженіемъ, небытіемъ?..

И Рдзавичъ чувствовалъ себя словно въ гигантскомъ пустомъ стеклянномъ сосудѣ, изъ котораго выкачали воздухъ и въ которомъ онъ, какъ свинцовая опилка, летитъ и кружится, безсильный и безвольный — въ пустотѣ. Какой-то страшный нигилизмъ придавилъ его, какъ снѣжная лавина. Онъ стоялъ около трупа со скрещенными на груди руками, съ опущенной головой, пока грустная, судорожная улыбка не стала искривлять его губы. Юрій не представлялъ для него предмета страха, какъ Древскій когда-то, а лишь предметъ неслыханной невыразимой скорби. Даже не иронія разстлалась надъ головой Рдзавича, — это было необъятное, глухое, мертвое, безконечное Ничто...

И время пошло опять нормальнымъ путемъ, наглядно и безусловно доказывая, какимъ ничтожествомъ въ общемъ бытіи является уничтоженіе единичной личности. Ничѣмъ является и смерть челевѣка и ничѣмъ въ общемъ бытіи является утрата его и тотъ ударъ, который эта смерть наноситъ извѣстному кругу ближайшихъ лицъ. Тутъ, впрочемъ, происходило все то, что всегда происходитъ въ такихъ случаяхъ. Лаура въ отчаяніи бросалась то на тѣло, то на полъ, рвала на себѣ волосы, плакала навзрыдь, потомъ успокаивалась, молилась около катафалка. Приходило много людей; близкіе знакомые были одѣты во все черное, другіе — нѣтъ; при-

ходили и совершенно чужіе. Они крестились, шептали «Отче нашъ», иные становились на колѣни, иные молились долго, другіе недолго, одни истово крестились, другіе дѣлали только какіе-то зигзаги на груди, здоровались другъ съ другомъ, говорили, прощались. Приходили и съ выраженіемъ соболѣзнованія къ Лаурѣ. Они садились на верандѣ или въ комнатѣ. Были и такіе, что давали понять другимъ, что они тутъ близкіе знакомые, лучше приняты, чѣмъ другіе, что имѣютъ право пройти отъ тѣла прямо въ комнату Лауры, что могутъ оставаться тутъ дольше, если захотятъ. Они сидѣли на верандѣ и присматривались къ появленію другихъ съ нѣкоторымъ снисходительнымъ сознаниемъ своего превосходства.

Такъ какъ распространился слухъ, что Юрій умеръ, разсердившись на жену, то нѣсколько дамъ спрашивались о послѣднихъ минутахъ покойнаго, а одна писательница спросила даже о послѣднихъ предсмертныхъ словахъ, такъ какъ «хотѣла бы ихъ привести въ корреспонденціи изъ Закопанаго».

«Если бы ты умерла... если бы ты умерла», думалъ Рдзавичъ о Терезѣ, «и если бы я, несмотря на это, жилъ, если бы это было въ моей власти — я взялъ бы тебя и увезъ въ горы, чтобы тамъ съ тобой прощались только небо и вѣтеръ...»

Отчаяніе Лауры было страшно. Послѣ первыхъ вспышекъ она сидѣла неподвижно, безмолвно, изрѣдка шепча: «Безъ единого слова... Безъ послѣдняго взгляда...

Безъ послѣдняго объятія... Двѣнадцать лѣтъ.... Двѣнадцать лѣтъ»...

Двѣнадцать лѣтъ они жили другъ съ другомъ.

Ночью она выпила немного вина, на другой день утромъ кофе, который ей подала Роза Тенжель. Она начала автоматически жить и страшно жаловаться. Плакала о смерти Юрія и о томъ, что послѣ двѣнадцати лѣтъ великой любви онъ умеръ, отворачивая отъ нея лицо, и послѣдній его взглядъ былъ для нея взглядомъ скорби, боли, обиды и упрека...

— Богъ безжалостенъ! — вырвалось у ней однажды изъ груди.

И даже Тенжель, который былъ глубоко религіозенъ, могъ противорѣчить ей въ первую минуту только головой, но не могъ добыть изъ своей груди, которую сжимала жалость, ни одной ссылки на Евангеліе; только черезъ нѣсколько минутъ онъ утѣшилъ ее изреченіемъ, что предопредѣленія Всевышняго непостижимы и что безъ воли Божьей ни у кого ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы.

— Смиритесь передъ волей Божьей, — сказалъ онъ.

— Я вѣдь смиряюсь, — простонала Лаура, разразившись судорожными рыданіями.

Отчаяніе ея было страшное, неподдѣльное, безконечное и бездонное, но вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, что въ этомъ отчаяніи она совершенно естественнымъ теченіемъ обстоятельствъ отдыхаетъ послѣ долгой, мучительной, грустной, тяжелой для нея болѣзни мужа. Жизненные инстинкты стали брать верхъ надъ смертью.

Она должна была ѣсть, должна была пить. На третій день, въ день погребенія, былъ подавъ обѣдъ уже, какъ всегда. Лаура, которой искренняя, великая вѣра и набожный Тенжель помогли успокоиться и покориться судьбѣ, съ невыразимой скорбью выпила чашку бульона и съѣла кусочекъ телячьяго жаркого. Сквозь слезы улыбнулась даже ребенку, который изъ объятій няньки протягивалъ къ ней ручки.

Тѣмъ временемъ Юрій медленно жилъ на катафалкѣ, и это слышалось, несмотря на все новые и новые цвѣты и постоянныя перемѣны льда въ тазахъ. Когда начали заколачивать гробъ, Лаура бросилась на него отъ безмѣрнаго горя, но попятилась назадъ и упала безъ чувствъ, такъ что ее едва успѣли подхватить, раньше чѣмъ она рухнула на землю.

Рдзавичъ не уѣзжалъ изъ Скибовки, развѣ только затѣмъ, чтобы дома умыться и переодѣться. Онъ почти что не спалъ все время. Къ Юрію онъ былъ привязанъ, да, впрочемъ, и Лауру любилъ. Кромѣ того онъ боялся, чтобы въ его отсутствіе не пришла проститься съ тѣломъ Тереза Морская, но она не пришла.

Когда они выходили изъ сѣней за гробомъ, онъ, ведя подъ руку Лауру, молчаливую, точно у нея уже нехватало больше стоновъ въ груди и слезъ въ глазахъ, — зная, что никто не можетъ заглянуть ему въ мозгъ, но все жѣ чувствуя какой-то стыдъ передъ людьми, сознавая, что дѣлаетъ что-то такое, что мало подходитъ къ той роли, которую онъ исполняетъ, онъ окинулъ взглядомъ толпу, но Терезы не увидѣлъ.

Левъ Морскій приходилъ и сидѣлъ долго; Рдзавичъ однако не рѣшался задать какой-нибудь вопросъ, чтобы хоть въ самыхъ общихъ чертахъ узнать о Терезѣ. Онъ былъ увѣренъ, что она придетъ проститься съ тѣломъ, а потомъ, что придетъ на похороны, но она не пришла.

Идя за гробомъ, Рдзавичъ думалъ, что она, можетъ быть, присоединится на пути къ похоронной процессіи и что онъ ее увидитъ на кладбищѣ. И когда засыпали землей гробъ, когда Лаура металась въ рукахъ его и Эли Росенской, онъ искалъ глазами въ толпѣ, но Терезы не было нигдѣ. Тогда его охватилъ страхъ и безпокойство, которое овладѣло его мыслями всецѣло.

Онъ не замѣтилъ, что всѣ стоящіе надъ могилой бросаютъ комочки земли; Тевжель толкнулъ его наконецъ, говоря:

— Опомнись!

Всѣ сочувственно взглянули на Рдзавича. Онъ понималъ, что они думаютъ, будто онъ забылся въ скорби о смерти родственника и о горѣ Лауры. Почувствовалъ потребность убѣжать отсюда, отдохнуть, быть искреннимъ. Въ сравненіи съ мыслью о Терезѣ, смерть Юрія и горе Лауры были для него ничѣмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отлично чувствовалъ чудовищность своего эгоизма, который онъ самъ называлъ по имени. И вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ всю неповинность въ своей натурѣ. Все это создавало въ немъ внутренній мучительный хаосъ.

Когда Лауру, почти безъ сознанія, посадили въ карету, чтобы отвезти домой, Рдзавичъ послалъ цер-

ваго поавнагося парня-горца въ гостиницу справить-ся о графинѣ Морской. Парень явился и заявилъ, что графиня Морская уѣхала съ барышнями въ Щавницы.

— Съ вещами? — спросилъ онъ.

— Совсѣмъ, — швейцаръ сказалъ.

У Рдзавича замерло дыханіе. Онъ сѣлъ въ коляску и велѣлъ везти себя въ Скибовку. Чувствовалъ, что онъ страшно перемѣнился въ лицѣ. Снова встрѣчалъ взгляды, тронутые его впечатлительностью. Онъ не выдержалъ и убѣжалъ въ лѣсъ.

На другой день ему подали письмо въ длинномъ, узкомъ сѣромъ конвертѣ, надписанное англійскимъ размашистымъ почеркомъ. Онъ рванулъ конвертъ, изъ письма вынулъ пучокъ незабудокъ. Письмо было изъ Кракова. Онъ сталъ читать:

«Прежде всего примите отъ меня самое середичное выраженіе моего сочувствія. О смерти вашего кузена мы узнали только въ Щавницѣ, когда уѣзжали оттуда, изъ газетъ. Очень жаль мнѣ васъ, такъ какъ вы, вѣрно, глубоко чувствуете утрату родственника и друга.

«Признаюсь вамъ что я даже колебалась, писать ли вамъ въ эту минуту... Но если это не во-время, то простите. Я не могла вамъ сообщить, что мы уѣзжаемъ, я не знала, какъ... Тетя Вычевская написала мамѣ, что ждетъ ее въ Краковѣ; мама хотѣла увидѣть еще Пенины, въ которыхъ она была давно, еще ребенкомъ, и вотъ мы вдругъ уѣхали. Не могу, не могу выразить, какъ мнѣ досадно, какъ страшно досадно, что я не

простилась съ вами, что не скоро васъ увижу... Вы не сердитесь на меня? Не правда ли? Серьезно, я ни въ чемъ не виновата. Мнѣ такъ страшно досадно, *je ne peux pas exprimer cette tristesse, qui remplit toute mon âme...* Все кажется мнѣ точно сонъ, *un rêve doux et triste, enivrant et qui me rend toute inquiète...* Я положилась во всемъ на Бога и молюсь за васъ, за ваше счастье, за наше счастье... Я не въ первый разъ молюсь за наше счастье.

«*Ne m'en voulez pas, что я пишу такъ по-дѣтски, можетъ быть на видъ холодно, можетъ быть дурно. Я въ первый разъ пишу письмо человѣку, который не принадлежитъ къ моей семьѣ — и такое письмо! И вамъ! Вы вѣдь знаете, что я при васъ чувствую себя такой маленькой, такой робкой, такимъ ничтожествомъ. Вы великій художникъ, всѣ вами увлекаются, восторгаются, а я что? une pauvre fillette, которая довольна, что умѣетъ хоть подписаться. Потомъ обратите еще вниманіе и на то, что я въ первый разъ дѣлаю что-то такое, не то что безъ вѣдома мамы, но вы знаете... Морозъ пробѣгаетъ по кожѣ при одной мысли! Мама съ Целинкой и тетей пошли за покупками; я притворилась, что у меня болитъ голова, чтобы свободно писать тебѣ — ахъ, pardon! вамъ! Я закрыла дверь на ключъ и пишу. И мнѣ кажется, что весь міръ знаетъ, что я пишу и что именно и что всѣ будутъ читать это письмо, хотя я знаю, что читать его будете только вы и что вы его никому не покажете. И все же я ничего, ничего не рѣшаюсь написать о томъ, что чувствую. Je*

suis toute entière какъ парализованная. Mais soyez sûr: votre Thérèse vous aime, vous aime bien, de tout son coeur, de toute son ame, этого мало: elle vous adore!

«Я не знаю, каковы ваши желанія, но допускаю, что вы хотѣли бы имѣть время отъ времени извѣстія обо мнѣ, а какъ бы я о васъ хотѣла. Увы! это невозможно! Это единственное письмо я пишу, чтобы объяснить нашъ отъѣздъ, а больше не могу. Мнѣ кажется, что это не грѣхъ, но во всякомъ случаѣ я объ этомъ скажу своему духовнику. Я не могу также получать писемъ отъ васъ. Мы должны быть терпѣливы и ждать. Въ ноябрѣ мы приѣдемъ въ Варшаву. Вы тоже будете тамъ, не правда ли? вы должны тамъ быть! Простите, простите то, что я скажу, но вы такой благоразумный, такой умный, такой опытный, вы это поймете: вы должны будете въ Варшавѣ «добиваться» моей руки. Отвратительное, глупое слово! Мнѣ кажется, что я оскорбляю себя, употребляя это слово, говоря о васъ, но иначе быть не можетъ. Вы конечно не будете «добиваться» моей руки, вы знаете, но вы будете «добиваться» руки графини Морской. Существуютъ же такія формальности, которыя нельзя обойти. Вы должны даже согласиться на то, что я при постороннихъ должна буду разыгрывать маленькую комедію, даже при родныхъ. Зная васъ, я знаю, насколько это будетъ вамъ тяжело и непріятно, но я постараюсь довести все до минимума, а потомъ я вознагражу васъ, вознагражу, если только вы позволите, если только это вамъ до-

ставить удовольствіе. Je ne vis que pour vous, que par vous... Вы сдѣлаете мнѣ официальное предложеніе и начнется счастье. Видите, какая я смѣлая и предпріимчивая дѣвушка. Чего только я вамъ не предписываю! Mais je vous aime, я люблю васъ съ перваго мгновенія — et vous?.. Должно пройти нѣкоторое время, а то скажутъ, что мы почти не знаемъ другъ друга, да вѣдь это правда, мы дѣйствительно мало знакомы. Mais ensuite... Я не хочу надоѣдать вамъ повтореніями. Jamais je n'aurais supposé, qu'un sentiment pareil existe au monde! C'est quelque chose, qui surpasse les plus audacieuses de mes pensées. Vous avez déjà aimé, pas une fois, mais moi! C'est vous, qui êtes le premier maître de mon coeur... Я знаю, что вы любили не одинъ разъ, знаю, и мнѣ грустно... Но я слышала, что каждая новая любовь обновляетъ сердце. Et vous m'aimez? N'est ce pas?

«Привѣтствую васъ отъ всей души, отъ всего сердца—je vous salue de loin и буду считать дни до нашей встрѣчи. Soyez bien heureux, soyez gai, travaillez beaucoup et faites des chef-d'oeuvres et n'oubliez jamais votre petite Thérèse, que vous aime tant! Bien à vous. T. M.».

У Рдзавича рука съ этимъ письмомъ упала на колѣни.

Въ немъ было все, чего онъ хотѣлъ, но въ немъ не было ничего, чего бы онъ не ожидалъ. Онъ хотѣлъ любви Терезы, и эта любовь была ключомъ въ каждой строчкѣ письма... То, что онъ не можетъ просто взять

ее, что ему придется добиваться ее руки, онъ отлично зналъ. Вообще, если онъ могъ получить письмо, то она лучшаго, болѣе теплаго, хорошаго не могла написать. Рдзавичъ это чувствовалъ, но онъ не поднесъ письма къ губамъ, не прижалъ ихъ къ нему, не поцѣловалъ его, какъ дѣлаютъ обыкновенно и какъ онъ самъ дѣлалъ не разъ.

— Конечно, конечно, — думалъ онъ, — вѣдь я все понимаю... я уменъ, развитъ и опытенъ...

И чего я хочу?

Очень немногаго: того, чтобы графиня Морская захлопнула за собой дверь своей гостиницы, бросилась въ первый попавшійся поѣздъ, идущій въ Закопане, примчалась сюда, прискакала галопомъ къ моему дому, ворвалась ураганомъ въ мою квартиру и бросилась мнѣ на шею съ спазматическимъ крикомъ радости, волненія и упоенія: «Я твоя! Ты мой! Ты мой! я твоя! мы свои, свои!» Этого только я и хочу, и въ сущности это очень немногаго. Вѣдь на то я уменъ, развитъ и опытенъ, чтобы хотѣть такія вещи и обижаться на письмо, которое диктовала любовь и чистота порядочной дѣвушки.

Правда, Эля Росенская, которая была воспитана такъ же, какъ Тереза, пришла къ нему въ мастерскую, когда онъ сидѣлъ съ револьверомъ въ рукѣ, но Эля Росенская пришла точно лунатикъ, ее привело мистическое предчувствіе ну и *nota bene*, она пришла съ Журавьей улицы на Маршалковскую, и хотя это было уже недалеко отъ Мокотова, но все же было гораздо

ближе, чѣмъ изъ гостиницы въ Краковѣ до Закопанаго. Вѣдь я уменъ и развитъ...

И все-таки, и все-таки, вѣдь это самое нѣжное, самое чудное, самое лучшее, самое милое, наиболѣе любимое мною существо!

Ему казалось, что онъ видитъ ее ребенкомъ въ колыбели, съ протянутыми къ нему ручками.

Если бы... если бы я сдѣлалъ такую скульптуру. Ничего подобнаго еще не было...

Я далъ бы ребенку ея лицо и выгнѣилъ свой портретъ.

Ея лицо я сдѣлалъ бы лицомъ ребенка. Вѣрно есть ея фотографія въ дѣтствѣ. Это я сдѣлаю!..

Новая художественная мысль сразу измѣнила его настроеніе.

Рдзавичъ сталъ цѣловать письмо, всталъ со стула и началъ быстро двигаться. Не думая даже, что онъ это дѣлаетъ, весь полный чувства и волненія при одной мысли о новомъ произведеніи, котораго, какъ всегда казалось ему лучшимъ изъ всѣхъ его работъ, онъ надѣлъ шляпу, набросилъ пелерину, взялъ въ руки палку, вскочилъ на извозчика, предчувствуя уже то волненіе и впечатлѣніе, которое вызоветъ въ мірѣ его новая скульптура въ желтоватомъ мраморѣ.

Онъ выскочилъ въ Кузницахъ и двинулся въ лѣсъ.

Быль ранній полдень. Солнце пекло, предсказывая дождь. Рдзавичъ вошелъ въ лѣсъ и пошелъ быстро впередъ. Онъ уже мысленно закончилъ свою скульптуру до мельчайшихъ подробностей, вплоть до швовъ на

подушкѣ ребенка, до пуговицъ на своихъ ботинкахъ. Онъ ушивался, восторгался выраженіемъ своего лица, красотою, которую онъ дастъ личику Терезы... Съ какой вѣжностью онъ это сдѣлаетъ!.. Какъ она будетъ смотрѣть на эту работу и улыбаться!.. Кто не видѣлъ ея улыбки, тотъ ничего не видѣлъ!.. А когда онъ кончитъ эту работу, они будутъ женихомъ и невѣстой...

Прекрасно шумѣлъ зеленымъ шумомъ лѣсъ по дорогѣ въ Калатовки.

Онъ прошелъ мимо избъ.

Его возбужденное воображеніе работало. Еще ни одна форма не выдѣлилась изъ творческаго тумана, но Рдзавичъ чувствовалъ уже, что въ его головѣ рождается что-то, гораздо большее и лучшее, чѣмъ его поза надъ колыбелью Терезы. Изъ творческаго тумана уже грезилась ему гигантская грудь богатыря, уже какіе-то великіе глаза рыцаря мелькнули передъ его душой, когда вдругъ на тропинкѣ передъ собой онъ увидѣлъ молодую дѣвушку изъ туземныхъ горцевъ... Она быстро подымалась по ней, одѣтая попраздничному, какъ одѣваются, идя на танцы, довольно высокаго роста, стройная, съ широкими типичными бедрами. Она была недалеко отъ него. Рдзавича охватило желаніе взглянуть въ лицо этой дѣвушки; онъ прибавилъ шагъ.

Призракъ вооруженнаго рыцаря съ широкой грудью и рыцарскихъ глазъ исчезъ.

Дѣвушка услышала его шаги и оглянулась назадъ; она была красива, пожалуй, даже очень красива. Улыб-

нула и въ улыбкѣ показала бѣлыя, красивыя зубы и зажмурила большіе голубовато-сѣрыя глаза; лицо ея было розовое и породистое. Оглядываясь назадъ, она показала упругую, молодую грудь.

У Рдзавича дрогнули губы.

Онъ еще прибавилъ шагу, но и дѣвушка сдѣлала то же самое.

— Стой! — вскрикнулъ Рдзавичъ. — Пойдемъ вмѣстѣ!

— Не надо! Сама дойду! — откликнулась дѣвушка не слишкомъ вѣжливо, но весело.

Голосъ былъ рѣзкій, свѣжій, дразнящій. Рдзавичъ прыгнулъ съ камня на камень, дѣвушка сдѣлала то же самое.

Казалось ему, что грустная, испуганная, удивленная тѣнь Терезы загородила ему дорогу упрекомъ:

— Что ты дѣлаешь?

«Въ самомъ дѣлѣ, что я дѣлаю?!»

Но дѣвушка, услышавъ, что онъ замедлилъ шагъ, оглянулась, задыхаясь и покраснѣвшия, и бросила на него торжествующій взглядъ, насмѣшливый и вызывающій. Улыбающаяся, покраснѣвшаяся, она напоминала легкую птичку.

Рдзавичъ остановился; остановилась и дѣвушка.

Это лѣсной призракъ.

Картина! Картина!.. Лѣсъ густой, сумрачный лѣсъ, папоротники... Но творческое воображеніе начало заглушать воображеніе чувственное... Ничего, только листочки въ волосахъ...

Грустная, удивленная, испуганная тѣнь Терезы опять загородила ему дорогу.

Но въ эту минуту какая-то волна крови прилила въ грудь Рдзавичу, закинула въ ней, въ глазахъ потемнѣло.

Онъ бросился впередъ. Дѣвушка, какъ испуганная серна, сдѣлала движеніе отъ камней на тропинку.

Въ это время изъ лѣса, снизу, съ лѣвой стороны, раздался какой-то странный, пронзительный, потрясающій нервы не то смѣхъ, не то крикъ.

Изъ чащи на тропинку выскочилъ человѣкъ, одѣтый очень изысканно, въ темной тужуркѣ и свѣтлыхъ брюкахъ, съ соломенной шляпой въ рукѣ, — блондинъ лѣтъ пятидесяти, очень высокій и худой.

На немъ были засученныя брюки, башмаки съ вырѣзомъ; онъ шелъ или, вѣрнѣе, бѣжалъ прямо къ дѣвучкѣ. Дѣвушка вскрикнула отъ испуга и метнулась съ тропинки въ сторону. Мужчина остановился на минуту, взглянулъ на Рдзавича и крикнулъ:

— Хо! Хо! Хо! — и расхохотался такимъ смѣхомъ, что Рдзавичъ сейчасъ же узналъ сумасшедшаго. Онъ вздрогнулъ и сжалъ палку въ рукѣ.

А сумасшедшій провелъ въ воздухѣ рукой полукруглыя линіи, точно моделировалъ выпуклыя формы, снова фыркнулъ и подскочилъ къ дѣвучкѣ; она пронзительно вскрикнула и порывисто бросилась внизъ по горѣ. Рдзавичъ замѣтилъ, что сумасшедшій подражаетъ его движеніямъ, за которыми онъ, должно быть, слѣдилъ, когда бѣжалъ за ними.

— Хо! Хо! Хо! — кричалъ онъ, смѣясь и потряхивая руками.

Онъ производилъ впечатлѣніе скелета, что гонится по лѣсу за женщиной, и скелеть этотъ производилъ, какъ нельзя точнѣе, движенія Рдзавича. Страхъ, тревога, отвращеніе судорожно свели мускулы Рдзавича.

Но вотъ дѣвушка нагнулась и мимо головы сумасшедшаго пролетѣлъ большой камень.

— Хо-хо! — крикнулъ сумасшедшій и, не переставая смѣяться, подражалъ руками какому-то неприличному движенію.

— Свинья! — крикнула дѣвушка, бросая другой камень.

— Хо! Хо! Хо!.... Хо! Хо! Хо!...

Онъ снова помчался вверхъ.

— Не бросай въ него! — крикнулъ Рдзавичъ, боясь, что сумасшедшій впадетъ въ ярость, и побѣжалъ вверхъ по горѣ съ поднятой палкой, на помощь преслѣдуемой.

При звукѣ голоса Рдзавича сумасшедшій остановился; снова сталъ выводить руками полукруглыя линіи, расхохотался и крикнулъ:

— Эротоманъ! Эротоманъ! Хо! Хо! Хо!...

Онъ вдругъ сдѣлалъ шагъ къ Рдзавичу. Рдзавичъ почти безсознательно прыгнулъ выше, въ сторону дѣвушки, которая уже, задыхаясь, остановилась подъ деревомъ съ какой-то найденной по дорогѣ толстой палкой въ рукѣ.

— Это дурачокъ! Бѣги, баринъ, а то достанется тебѣ! — крикнула она.

Сумасшедшій приближался, подпрыгивая въ какихъ-то судорогахъ во всемя тѣлѣ, не переставая при этомъ подражать движеніямъ Рдзавича.

Вдругъ онъ остановился и крикнулъ съ уродливымъ взрывомъ хохота:

— Эротоманъ! Эротоманъ! — повернулся къ нему спиной и, подпрыгивая и подскакивая, началъ спускаться въ лѣсъ. Изъ чащи лѣса еще донеслось до нихъ:

— Хо! Хо! Хо!..

Рдзавичъ стоялъ рядомъ съ дѣвушкой, которая тяжело дышала.

— Боже мой! Какъ я испугалась! — шепнула она. — Царица Небесная!..

— Сумасшедшій, — шепнулъ Рдзавичъ, задыхаясь.

— Сумасшедшій, — повторила дѣвушка, — Царица Небесная!..

— Ты куда идешь?

— Въ Кондратово къ сестрѣ. Но я не пойду, боюсь.

— Я пойду съ тобою.

— О! туда не пойду! И внизъ не пойду на Калатовки, а побѣгу въ Закопане и оттуда домой. Боюсь.

— Откуда ты?

— Изъ Поронина.

— Боишься?

— Какъ не бояться?

— Ну, такъ иди со мной!

Онъ ее обнялъ, она не сопротивлялась.

— Онъ еще, пожалуй, побѣжитъ за нами?

— Да, пожалуй, — изрочно сказалъ Рдзавичъ.

Тогда дѣвушка стала карабкаться на горы, далеко отъ дороги.

— Какъ тебя зовутъ?

— Марисей.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Восемнадцать. Не слышно его?

— Нѣтъ?!

— Господи Боже мой! Какъ я испугалась!..

Они опять поднимались на гору. Рдзавичъ повѣсилъ палку на локоть и одной рукой обнималъ дѣвушку, а другой держалъ ее за руку.

— Ты изъ Варшавы или откуда? — спросила дѣвушка, глядя ему въ глаза.

— Нѣтъ.

— Изъ Кракова?

— Нѣтъ. Сядемъ немного.

— Хорошо; какъ я запыхалась, просто диво!

Рдзавичъ сѣлъ рядомъ съ дѣвушкой и началъ ее тихо и нѣжно ласкать. Дѣвушка смѣялась, сердилась и защищалась. Рдзавича все больше охватывала глухая и нѣмая страсть, въ которой ничего не слышишь, ничего не говоришь, а дыханіе въ груди и все тѣло становятся страшно тяжелыми.

Испуганная, удивленная, грустная тѣнь Терезы опять загородила ему дорогу...

Но Рдзавичъ уже не думалъ, не чувствовалъ, не видѣлъ. Онъ слышалъ только отрывистое и свистящее

въ ноздрахъ дыханіе Мариси, видѣлъ ея розовое лицо и чувствовалъ ее около себя.

Пальцы руки Рдзавича блуждали по длиннымъ, тонкимъ волосамъ дѣвушки, а самъ онъ лежалъ навзничъ, обезсиленный и глядѣлъ въ небо, которое жгло своимъ огнемъ.

— Хо! Хо! Хо! — гоготало у него въ ушахъ.

Но вѣдь это было у него такъ естественно, какъ бессознательная воля жизни у Лауры послѣ смерти мужа. Жизнь, пока она есть, исполняетъ свои законы безусловно, какъ исполняетъ свои законы природа. Какое дѣло наводненію до церквей и хижинъ, какое дѣло физическимъ порывамъ, силамъ и инстинктамъ въ человѣкѣ до мыслей и чувствъ души? Они такъ же ищутъ выхода, какъ наводненіе своего русла.

Конечно... наводненія задерживаютъ высокіе берега, инстинктами управляетъ разумъ... да, но тѣмъ не менѣе наводненіе рвется впередъ и рвутся впередъ инстинкты.

Впрочемъ, что именно Тереза теряетъ отъ этого? Но... но... если бы она видѣла эту убѣгающую дѣвушку и за ней его... а за нимъ этотъ человѣческій скелетъ, подражающій его движеніямъ и кричащій ему вслѣдъ:

— Хо! Хо! Эротоманъ!.. — Если бы Тереза это видѣла!.. Ахъ!..

— Пойдемъ, — сказала дѣвушка мягко.

— Съ тобой ужъ ничего не случится. Внизу въ долину толпа людей — ты слышишь? Эхо раздается!

— Слышу. Останешься тутъ?

— Останусь!

Дѣвушка потянулась и взглянула на него пристально, ласкающе.

Но у Рдзавича уже застыла кровь.

— Не идешь?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ оставайся съ Богомъ!

Она подала ему руку.

— Бѣги скорѣй.

Дѣвушка отошла нѣсколько шаговъ внизъ, остановилась и оглянулась на него.

Но Рдзавичъ крикнулъ:

— Бѣги! Бѣги!

И она отвернулась, уходя съ поникшей головой въ чащу молодыхъ сосенъ, — и скоро оттуда раздалось острое, пронзительное пѣніе только раздраженной женщины.

Рдзавичъ лежалъ навзничь, глядя на небо. Онъ отпустилъ дѣвушку оттого, что любилъ Терезу, или оттого, что на этотъ разъ Марися была ему больше не нужна... Онъ всталъ съ земли и, ударяя палкой о камни, началъ подыматься въ горы. Эротоманомъ назвала его недавно Камилла Наборовская, и въ голосѣ ея была грусть и брезгливость. «Эротоманъ!» — кричалъ ему и этотъ сумасшедшій, подражая его движеніямъ. И Рдзавичъ шелъ впередъ въ лѣсную чащу,

точно желая скрыться, думая, что есть такія проклятыя натуры, которыя должны бѣжать отъ людей и словно отъ самихъ себя, а между тѣмъ онѣ только такія, какими онѣ созданы.

V.

...Но я чувствовалъ ее здѣсь на своихъ рукахъ бѣлой, съ бьющимся сердцемъ, съ брилліантами въ глазахъ....

Тереза заломила руки за голову, опираясь плечами о спинку кресла, въ которомъ она сидитъ за письменнымъ столомъ въ своей комнатѣ, — въ гостиницѣ, въ Краковѣ, — и думаетъ. Поздній вечеръ; мама, тетя Вычеславская и Целинка пошли въ театръ, а у нея постоянно «болитъ голова». Отъ розовой лампы въ комнатѣ царитъ полумракъ.

...Но я чувствовалъ ее на своихъ рукахъ... бѣлой...

Странныя чувства овладѣваютъ Терезой. Тѣло ея охватываетъ какое-то безсиліе, она хочетъ вытянуться, хочетъ чего-то, чего ни вообразить, ни назвать не умѣетъ. Чего-то такого, что ея обхватило бы, обняло... Чего-то такого, что заслонило бы собою это гостиное зеркало, этотъ потолокъ съ голубымъ карнизомъ, свѣтъ этой розовой лампы...

Чего-то такого, что заглушило бы уличный грохотъ... Чего-то такого, что затмило бы эту луну, которая вид-

на на шторахъ... Чего-то такого, что отодвинуло бы собой весь міръ...

...Съ бьющимся сердцемъ, съ брилліантами въ глазахъ...

Тереза откидываетъ назадъ голову, распустившіеся волосы свѣшиваются на полъ. Сладости, сладости какой-то жаждетъ ея грудь, жаждутъ ея губы, все ея тѣло. Какого-то трепета, который проникаетъ въ ея жилы, въ кровь, въ каждый нервъ. Ей кажется, что она засыпаетъ съ шопотомъ: сладости... сладости...

Она ничего не знаетъ, но все предчувствуетъ. Это не пластическій образъ, который рисуется ея глазамъ, это не воспроизведеніе видѣннаго, это неопредѣленное видѣніе, дѣло чистаго воображенія, необычайно мощное и сильное

«Сладости... сладости»... начинаютъ на самомъ дѣлѣ шептать уста Терезы.

Вотъ тамъ, въ горахъ, ночью... Что было въ горахъ, ночью?.. Сонъ?.. Они шли вмѣстѣ, рука объ руку, чуть не прижавшись головой другъ къ другу... Тише!.. Что было въ горахъ ночью? Черная бездна... Бездна подъ ногами, невѣдомая, страшная... Его рука, сильная, вѣрная... Я люблю... Люблю...

Потомъ утро, ясное, лазурное... Ясное, лазурное утро надъ озеромъ. Клянусь быть женой твоей, клянусь этими горами, этимъ свѣтомъ, клянусь...

Да, она отлично помнить, она не кончила своей клятвы...

Она хотѣла дать страшную, страшную клятву: клянусь Богомъ, но у нея сжалось горло...

Какой-то страхъ, какой-то ужасъ сжалъ ей горло.

Но все же! да, да, клялась она Богомъ, клялась Богомъ быть его женой!..

Она не произнесла этого слова, но произносить его теперь, громко, ясно: клянусь Богомъ, что буду женой Романа Рдзавича... Это та же мысль, но выраженная громко, ясно.

Затѣмъ, — что случилось?

Затѣмъ они долго шли вдвоемъ, сколько можно было идти, не обращая на себя вниманія людей, ахъ! но на самомъ дѣлѣ это было такъ мало! На самомъ дѣлѣ они шли вдвоемъ на обратномъ пути въ Закопанэ недолго, и не долго могли говорить другъ съ другомъ. Но все жъ-таки они сказали все другъ другу и все объяснили. Они думали другъ о другѣ съ тѣхъ поръ, какъ только встрѣтились!.. Они признались другъ другу въ любви послѣ того, какъ сами въ ней убѣдились. Они говорили, объясняя другъ другу все, и по мѣрѣ того, какъ открывали душу другъ другу, Тереза все больше восхищалась Рдзавичемъ и чувствовала, что онъ ею восхищается. Это совершенно ошьяняло ее. Все стало ясно и просто. О танцѣ съ пьяной уличной женщиной подъ ея окномъ Рдзавичъ, конечно, не вспоминалъ, а ей это даже начало нравиться, — такое легкомысліе, вѣтренность въ великомъ и геніальномъ человѣкѣ. Она читала, что Байронъ, Гейне и Мюссе многое себѣ позволяли, что не мѣшало имъ быть геніями; Рафаэль

былъ извѣстный развратникъ, такъ же какъ и Гротгеръ. Они доказывали другъ другу, что все должно было довести ихъ до того, чтобы они признались другъ другу въ любви.

И это произошло такимъ чудеснымъ образомъ, такъ славно, такъ необыкновенно, такъ упоительно... И собственные ихъ голоса, эта мягкая музыка ихъ собственныхъ голосовъ...

Пусть другіе объясняются барышнямъ во время танца, во время ужина, во время верховой ѣзды, — Романъ Рдзавичъ объяснился въ горахъ, въ черную ночь...

Нѣтъ ли въ этомъ чего-то театральнаго и лубочнаго?

О, нѣтъ! Ни въ томъ, что случилось, ни въ томъ, какъ она объ этомъ думаетъ, нѣтъ никакой театральности. Такъ могло бы казаться другимъ, но не имъ. Это было вѣдь такъ просто, такъ естественно, это было вызвано само собою, было неизбежно.

Ахъ! какъ грустно, какъ грустно онъ сказалъ: «и это все?»..

О, нѣтъ! не все! не все! Вотъ теперь она его навсегда, на-вѣки...

Отчего онъ сказалъ: «и это все?»

Оттого, что онъ не зналъ, не зналъ, что она любитъ его...

И какими бездонно-грустными были его слова: «теперь пусть придетъ смерть!»

Тогда она поняла, вся прониклась тѣмъ, что онъ ее любитъ, и какъ онъ ее любитъ. Онъ не предчувство-

валъ, что она скажетъ «да», и поэтому хотѣлъ умереть.

О, дорогое, единственное, любимое солнце мое! О, дорогой, единственный, любимый мой!..

Тереза задумалась.

Да, препятствія будутъ, вѣрно... Несомнѣнно, онъ уменъ и опытенъ и предвидитъ это такъ же, какъ и она, приготовленъ къ этому и на каждое «противъ» у него есть свое неотразимое, абсолютно неопровержимое «за». Прежде всего эта новость и мысль о ней застанетъ родителей врасплохъ. Никому никогда не приходило въ голову даже, какъ и ей самой, чтобы она могла вытти замужъ за человѣка изъ какой-либо другой сферы, чѣмъ та, къ которой она принадлежитъ по своему происхожденію. Потомъ, и это совершенно понятно, родители желали бы для нея какъ можно лучшей партіи. Однако, въ данномъ случаѣ, исключеніе изъ общаго правила совершенно необыкновенное. Искусство, извѣстное въ мірѣ искусства имя, имѣетъ свои исключительныя преимущества. Карлъ V поднялъ Тиціану кисть. Родители очень дорожатъ блескомъ. Конечно, если бы она вышла замужъ за одного изъ графовъ Тенчинскихъ, князей Заславскихъ или Збарацкихъ, то это бы прибавило много блеску ихъ дому, но имя Рдзавича прославить его иначе, это вѣрно, но зато шире, громче и оригинальнѣе. Тенчинскіе, Заславскіе имѣются дюжинами, а такой скульпторъ, какъ Рдзавичъ, одинъ во всей странѣ. О Тенчинскихъ и Заславскихъ кое-что знаетъ аристократія въ Россіи, Австріи и Франціи, и то

немного, а имя Рдзавича извѣстно вездѣ, гдѣ только процвѣтаетъ искусство.

Средства — безъ сомнѣнія средства вещь очень важная, и только очень неблагоразумный человѣкъ можетъ пренебрегать этимъ вопросомъ при замужествѣ. Но у нея вѣдь есть столько, что это во всякомъ случаѣ можетъ служить средствомъ для существованія, притомъ онъ зарабатываетъ; и въ сравненіи съ тѣмъ счастьемъ, которое даетъ любовь двумъ любящимъ сердцамъ, что значитъ богатство, хотя бы самое большое?

Семейныя отношенія Рдзавича? Онъ давно сирота, у него нѣтъ близкихъ родныхъ. А если у него есть дальніе родственники, если даже это маленькіе помѣщики, или арендаторы, врачи или адвокаты, даже какіе-нибудь мелкіе чиновники или купцы, такъ вѣдь какъ много прелести въ такомъ низенькомъ помѣщичьемъ домикѣ въ деревнѣ, въ родѣ того, какъ у Конколевецкихъ въ Пшемшевѣ, или у Уствичевъ въ Кораловѣ или въ какой-либо скромной, уютной квартиркѣ изъ четырехъ комнатъ, гдѣ къ столу подаетъ дѣвушка въ чистенькой голубой блузѣ, гдѣ время отъ времени приглашаютъ на чашку чаю съ холодной телятиной. Мило должно быть тамъ въ рождественскіе вечера, мило на Свѣтлые праздники. Что-то въ родѣ того, какъ въ англійскихъ разсказахъ. Развѣ можетъ быть гдѣ-либо милѣе, чѣмъ въ этихъ нѣсколькихъ тихихъ комнатахъ бѣдной м-съ Марчъ въ повѣстяхъ «Маленькія женщины» и «Добрыя жены»?

Впрочемъ, домъ у нихъ будетъ во всякомъ случаѣ

богаче, и они будутъ дѣлать подарки въ сочельникъ, къ именинамъ, къ крестинамъ. У родныхъ Рдзавича вѣрно найдутся дѣти, милыя, розовыя, застѣчивыя. Въ ней, графинѣ по рожденію, будетъ своя особенная прелесть. Ну, конечно, такихъ манеръ, такой находчивости, такого такта, такого изящества не можетъ быть у какой-нибудь жены адвоката Женецкой или у какой-нибудь Подрейской. Ею непременно будутъ восхищаться, восторгаться, ее будутъ любить. Она постарается быть доброй, привлекательной, предупредительной ко всѣмъ. Она втянетъ въ эти отношенія родителей, пожалуй, и родныхъ.

Можетъ быть, ихъ домъ такимъ образомъ соединить разныя, чуждыя другъ другу сферы. Это можетъ даже имѣть общественное значеніе. А своего положенія она не потеряетъ: во-первыхъ, она всегда будетъ урожденной графиней Морской, во-вторыхъ, для жены Романа Рдзавича двери всюду открыты, для нея открыты даже такія двери, которыхъ не открыло бы ни блестящее имя Тепчинскихъ, ни корона Заславскихъ, если они сами по умственному уровню не выше толпы.

Мысль Терезы летитъ дальше и погружается въ сладкія грезы.

Дѣти — его дѣти... Какъ она бы ихъ любила, какъ скоро она обратила бы вниманіе на то, не перелился ли въ нихъ геній отца, не унаслѣдовали ли они его? Какое было бы блаженство для нея, для дѣдушки и бабушки, для тетокъ и дядей слѣдить за развитіемъ дѣтей такого человѣка!.. Каждый ребенокъ — счастье,

по его ребенокъ!.. Ахъ! и его ласка, его ласка!.. Это не то, что даетъ обыкновенная, будничная любовь... Это, должно быть, что-то такое, чего даже и вообразить нельзя... И жизнь съ нимъ, въ постоянномъ восторгѣ, въ постоянномъ жертвованіи своимъ маленькимъ «я» великому духу этого человѣка, передъ которымъ мраморъ гнется и дробится...

Нѣтъ! Нѣтъ!

Родителей застанетъ врасплохъ эта новость, но потомъ, когда они успокоятся, когда они привыкнутъ къ ней, видя счастье дочери и такъ желая ей счастья, какъ они желаютъ его, — они несомнѣнно будутъ счастливы. Не во всемъ хотѣла бы она имъ подражать: отецъ, напримѣръ, пожалуй, слишкомъ высокомеренъ по отношенію ко всѣмъ и, пожалуй, слишкомъ вѣжливъ и предупредителенъ по отношенію къ знатымъ и должностнымъ лицамъ, а мама, пожалуй, слишкомъ осуждаетъ все то, что не одобрено духовными лицами, особенно іезуитами. Но они такіе добрые, такіе честные и благородные!.. Что подѣлать — вѣдь каждый дитя своего вѣка.

Тереза чувствуетъ, что она разсуждаетъ очень благоразумно и умно.

Какъ хорошо, что она написала это письмо Рдзавичу, что у нея хватило на это храбрости! Теперь у него документъ въ рукахъ. Она была бы скомпрометирована, если бы послѣ такого письма ее заставили бы отказаться отъ него. Впрочемъ, она поклялась. — Никто на свѣтѣ безъ смертельнаго грѣха не

можетъ требовать нарушенія клятвеннаго обѣщанія, а тѣмъ менѣе принуждать къ этому... Но зачѣмъ я думаю объ этомъ, разъ ничего подобнаго не будетъ и случиться не можетъ?..

Это письмо! Это письмо! Сколько словъ тѣснилось подъ ея перомъ, сколько чувствъ, сколько мыслей! Но она боялась. Она сдерживала себя, насколько могла. Ей было стыдно. Все ея тѣло, все ея существо охватилъ какой-то стыдъ.

Да, правда, въ такомъ дѣвственномъ стыдѣ должна быть своя прелесть... Это чувствуется...

Боже...

И какъ же это будетъ звучать тогда? Тогда...

Тереза опять беретъ перо и на клочкѣ бумаги пишетъ:

Тереза Рдзавичъ, урожденная Морская.

Или такъ: Тереза Рдзавичъ, урожденная графиня Морская.

Или совсѣмъ просто, проще всего: Тереза Рдзавичъ.

Да, да, такъ лучше всего: развѣ не довольно быть Терезой Рдзавичъ? Вѣдь его имя, его фамилія...

И Тереза чувствуетъ какое-то желаніе, нѣтъ, попросту какую-то потребность раствориться, исчезнуть въ этомъ человѣкѣ и потерять свое собственное существо въ существѣ любимаго человѣка, утонуть своей женственностью въ мужчинѣ, потребность прекратить свое самостоятельное существованіе и начать жизнь жизнью любимаго мужа.

Все съ нимъ, все — для него. Развѣ можетъ быть

что-нибудь слаще, чѣмъ рабство въ любви, чѣмъ то рабство, которое люди добровольно налагаютъ на себя и переносятъ, какъ раствореніе своего существа въ другомъ?

Они будутъ такъ любить другъ друга, такъ любить! Онъ ее, какъ солнце любить землю, она его, какъ земля любить солнце.

За дверью раздаются голоса: мама съ тетей Вычевской и Целинкой возвращаются изъ театра. Ахъ! Вотъ и дядя Левъ! Такой милый человѣкъ и поклонникъ Рдзавича.

...Онъ, видно, пріѣхалъ изъ Закопанаго...

...Пожалуй, онъ скажетъ что-нибудь о Романѣ...
О Романѣ...

Тереза быстро прячетъ въ папку свои стихи и клочокъ бумаги съ фамиліями ея и Рдзавича и спѣшитъ въ сосѣднюю комнату. Въ дверяхъ она встрѣчаетъ Целинку, которая приходитъ, чтобы снять накидку и шляпу, и вынимаетъ шпильки изъ шляпы. Снявъ шляпу и повѣсивъ накидку, Целинка подходитъ къ зеркалу надъ письменнымъ столомъ, чтобы поправить прическу. Она замѣчаетъ высунутый кончикъ бумаги со словами: «страдалъ, дорогой»... Это ее заинтересовываетъ, она открываетъ папку и читаетъ стихи: «О, мое золото, о, моя любовь...

Она переворачиваетъ листъ и читаетъ дальше: «Тереза Рдзавичъ, урожденная графиня Морская».

Что?! Это что такое?!

Она читаетъ дальше.

Потомъ закрываетъ папку, высовывая кончикъ бумаги со словами: «страдалъ, дорогой!» точно такъ же, какъ это было раньше, поправляетъ свою прическу и выходитъ въ гостиную, которая отдѣляетъ ихъ комнату отъ комнаты мамы и тети Вычевской.

Дядя Левъ, пріѣхавшій изъ Закопанаго рассказываетъ Терезѣ о смерти Юрія, при чемъ онъ иногда вставляетъ фамилію Рдзавича. Целинка зорко наблюдаетъ за Терезой и замѣчаетъ, что эта фамилія вызываетъ на ея лицѣ какой-то блѣдный румянецъ, такъ какъ ея матовое лицо почти не краснѣетъ. Она рѣшаетъ никому больше ничего не говорить, а наблюдать. Она не скажетъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что открыла чужую папку, чего не должна была дѣлать, во-вторыхъ, потому, что испытываетъ удовольствіе, зная какія-нибудь тайны вообще, а чужія тайны въ особенности. Что же говорить про тайны Терезы, да еще такія тайны. Тереза, конечно, для Целинки, которая моложе ея на пять лѣтъ — предметъ постоянного, внимательнаго наблюденія. Она наблюдаетъ за тѣмъ, какъ округляются и наполняются ея формы, какъ она становится «взрослой», слѣдитъ за выраженіемъ ея лица, за ея движеніями, особенно когда она въ обществѣ мужчинъ, слѣдитъ и за выраженіемъ ихъ лицъ, за ихъ движеніями. Старается угадать, что въ Терезѣ можетъ нравиться мужчинамъ и что въ мужчинахъ можетъ нравиться Терезѣ. Наблюдаетъ за ея танцами и знаетъ, что сама она танцуетъ лучше. А вопросъ о замужествѣ Терезы, о которомъ уже нѣсколько

лѣтъ говорятъ въ домѣ, интересусть ее больше всего со всѣхъ сторонъ. Тереза является для нея прообразомъ жизненнаго опыта, примѣръ того, что и какъ надо дѣлать и чего и какъ не надо дѣлать. И такъ, прежде всего, надо сдѣлать хорошую партію и не надо дѣлать дурной партіи. Это то, о чемъ въ домѣ даже не говорятъ. Это впиталось и въ людей, и въ стѣны, и въ мебель.

Чтобы графиня Морская печатала карточки съ фамиліей Рдзавича, это прямо-таки неслыханная вещь. Слово «mesalliance», которое часто повторяли въ домѣ, звучало въ маленькихъ, тонкихъ, розовыхъ ушахъ Целинки. Тереза или играетъ, или же она глупа, какъ сапогъ, т. - е., какъ каждый, кто устраиваетъ такой мезалліансъ.

Целинка слѣдила за Рдзавичемъ и Терезой въ Аббаціи; она видѣла, что они сначала относились другъ къ другу хорошо, а потомъ дурно. Она наблюдала за ними и въ Законопомѣ, но больше того, что они предпочитаютъ разговаривать другъ съ другомъ, чѣмъ съ остальными, она ничего не выслѣдила. Она думала, что Рдзавичу вѣрно льститъ графскій титулъ Терезы, а Терезѣ слава Рдзавича, и поэтому они отличаютъ другъ друга и нравятся другъ другу.

Нѣтъ, Тереза играетъ.... И эти стихи и эти карточки — это игра, правда, намекаютъ иногда на то, что Тереза не особенно умна, но и не настолько глупа, чтобы влюбиться въ Рдзавича и выйти за него замужъ.

Во всякомъ случаѣ Целинка, которая только и слышала о себѣ, что она будетъ дѣйствительно умной женщиной, и которая сама чувствуетъ какое-то умственное превосходство надъ Терезой, чувствуетъ въ себѣ больше душевнаго спокойствія, больше благоразумія и больше «расовыхъ чертъ», какъ выражается отецъ, рѣшаетъ слѣдить за Терезой. У нея даже языкъ не чешется разболтать подъ секретомъ хотя брату Игнатию о томъ, что она читала; она знаетъ, что у нея есть «расовая сдержанность», и цѣнить ее въ себѣ. Идеаль Целинки теть Вычевская, сестра ея матери, а она не разъ говорила, что нельзя знать напередъ, что изъ чего выйдетъ и на что можетъ пригодиться. Говорила, что человѣкъ, который знаетъ тайну другого, до нѣкоторой степени получаетъ власть надъ другимъ. Говорила, что хорошо воспитанная женщина не должна горячиться и съ каждой новостью летѣть сейчасъ же къ кумушкѣ-пріятельницѣ, точно жена какого-нибудь шляхтича или аптекаря.

Тереза не была въ Опольѣ больше десяти мѣсяцевъ. Она всему была рада и все привѣтствовала. Большой паркъ, полный старыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ, зеленого кустарника, шпалерниковъ и цвѣтниковъ, съ большимъ прудомъ, полнымъ водяныхъ лилій и лебедей, большой фруктовый садъ, огородъ, птичникъ, конюшня, овчарня — все это она обѣжала сейчасъ же въ первое утро. За ней бѣжали собаки, молодая, старая; ля-

гавья суки и лягавые псы представляли ей своихъ длинноухихъ, крикливыхъ, глухихъ и забавныхъ щенковъ; коты, боясь собакъ, ласково глядѣли на нее изъ кухонныхъ оконъ и съ высокихъ заборовъ. Радостно встрѣчала ее прислуга и каждый, кто попадался ей навстрѣчу; чудная улыбка не сходила съ ея губъ. Она не переставала улыбаться и Опольскому небу и воздуху, которымъ дышала.

Въ первый же полдень она вмѣстѣ съ Целинкой пошла къ старому священнику, литвину, отцу Грымайтису, который вѣчно повторялъ: «Не приведи Богъ, дай Богъ», и былъ поклонникомъ Наполеона.

И вотъ на стѣнахъ Тереза увидѣла опять давно знакомыя ей гравюры съ изображеніемъ битвъ и придворныхъ празнествъ: Наполеонъ на мосту подъ Арколемъ съ штандартомъ въ рукѣ. Раненый Наполеонъ садится на коня; гренадеры предлагаютъ ему титулъ капрала. Въ его палатку входитъ со шляпой въ рукѣ австрійскій императоръ. Бесѣда Наполеона съ Меттернихомъ передъ битвой подъ Лейпцигомъ. Портретъ Наполеона на одной гравюрѣ en face и въ профиль. Портретъ императора и императрицы, императора и короля римскаго. Наполеонъ подъ Ватерлоо. Наполеонъ и маршалы, требующіе отреченія. Наполеонъ на островѣ св. Елены въ шляпѣ плантатора и Наполеонъ на смертномъ одрѣ съ вѣрнымъ маршаломъ Бертраномъ, рыдающимъ у его ногъ, наконецъ, гробница великаго императора въ Парижѣ.

Отецъ Грымайтисъ, кругленькій, толстенькій, ру-

мянный старичокъ въ очкахъ, ясный и тихій, игралъ по обыкновенію въ шахматы передъ обѣдомъ со своимъ викаріемъ, худощавымъ, желтымъ, сморщеннымъ и немного грязнымъ отцомъ Стшалковскимъ. Отецъ Грымайтисъ безконечно обрадовался приѣзду графинь, которыхъ онъ крестилъ и подготовилъ къ первому причастію, и когда онѣ вошли, воскликнулъ:

— О, вотъ, вотъ, отецъ викарій, смотри-ка, какъ онѣ выросли! Не приведи Богъ, дай Богъ! Вотъ то-то! Здравствуйте, дѣти, здравствуйте!...

И онъ, по очереди, обнялъ графинь, поцѣловалъ ихъ въ лобъ и въ щеки. Потомъ угостилъ ихъ конфетами и нюхательнымъ табакомъ. Ловкая Целинка притворилась, будто бы понюхала, а Тереза втянула въ носъ и чихнула три раза, такъ что раздалось по всему дому, къ великой радости отца Грымайтиса, который, не допуская обмана со стороны Целинки, взглянулъ на нее недоувѣрчиво и съ соболѣзнованіемъ. Не бывало еще того, чтобы послѣ этого табаку не чихали... Онъ все-таки не рѣшился угостить Целинку второй разъ, боясь, чтобы она не осрамилась снова. «Не чихнула, не чихнула, скажите, — думалъ онъ, — не чихнула... Чего-то недостаетъ, или чего-то слишкомъ много... О, я скажу аптекарю, какъ только онъ придетъ въ карты играть, — скажу ему!... Охъ... А другая чихнула... Она всегда была мягче, мягче»...

Думая объ этомъ, онъ взялъ со стола номеръ иллюстрированнаго журнала и сказалъ:

— Я покажу вамъ копію гипсового эскиза, сдѣлан-

наго какимъ-то великимъ скульпторомъ, никакъ не могу припомнить его фамиліи; меня это очень сильно обрадовало,—я вижу, что память о Наполеонѣ не гибнетъ, когда его еще высѣкаютъ изъ мрамора и пишутъ въ краскахъ. Смотрите, дѣти!

Гравюра представляла тѣло Наполеона, прикрытое плащомъ, надъ нимъ какія-то фуріи, сражающіяся съ исполинской женской фигурой, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; надъ ними спокойная, неподвижная смерть. Тереза взглянула на гравюру и вся вспыхнула. Гравюра эта была копіей съ эскиза Рдзавича.

Отецъ Грымайтисъ замѣтилъ румянецъ на лицѣ Терезы и спросилъ:

— Отчего тебѣ такъ жарко, Тереза?

Целинка посмотрѣла на нее исподлобья и сказала, сжимая губы:

— Тереза знаетъ этого скульптора.

— Знаетъ?! — воскликнулъ изумленный отецъ Грымайтисъ.

— О! Ну, поблагодари его, поблагодари отъ моего имени, отъ имени стараго Опольскаго священника, поблагодари его и попроси, чтобы онъ это кончилъ. Въ описаніи говорится, что это только гипсовый эскизъ, стало-быть, это цѣликомъ еще не вылѣплено. Попроси его окончить, было бы жаль, о, да, жаль, очень жаль.

Затѣмъ онъ велѣлъ своей хозяйкѣ приготовить кофе, а самъ сталъ тѣмъ временемъ водить барышень по своей оранжереѣ, показывать рѣдкую гвоздику, широколистные пальмы, разныя заморскія растенія,—потомъ по-

велъ ихъ въ птичникъ, гдѣ разноцвѣтныя, радужныя колибри висѣли въ клѣткахъ рядомъ съ красными кардиналами, оранжевыми и зелеными попугаями и сѣрыми, чудно поющими пѣвчими горными дроздами.

Два дня спустя, второй братъ Терезы, графъ Стефанъ Морскій, полный брюнетъ высокаго роста съ рыжеватымъ оттѣнкомъ бороды, лѣтъ около двадцати трехъ, ворвался вечеромъ въ гостиную, какъ бомба, какъ былъ, въ охотничьемъ костюмѣ, крича:

— Знаете, съ кѣмъ я познакомился? Знаете, съ кѣмъ я познакомился въ Топоровѣ у Вычевскихъ? Съ владѣльцемъ маіората княземъ Самуиломъ Висновецкимъ! Во всемъ околоткѣ только о немъ и говорятъ. Онъ пріѣхалъ къ Тадѣ Вычевскому на куропатокъ, такъ какъ это его школьный товарищъ, и они встрѣтились гдѣ-то за границей. Онъ стрѣляетъ, какъ король!

Эта новость наэлектризовала всѣхъ. Графиня Ольга Кмита, крестница графини Вычевской, которая гостила въ Ополѣ, пока ея родители лѣчили на курортѣ минеральныхъ водъ, и въ которую былъ влюбленъ старшій братъ Терезы, Здиславъ, красивая, стройная шатенка, оживленно воскликнула:

— Расскажи, каковъ онъ изъ себя?

Со Стефаномъ Морскимъ, съ которымъ она была знакома съ дѣтства и одного возраста, она была на ты.

— Онъ красивый, высокаго роста, темный шатенъ, почти брюнетъ.

— Какимъ образомъ онъ попалъ сюда? — спросилъ графъ Морскій.

— Я вамъ говорю, что онъ пріѣхалъ къ Тадѣ. Какія ружья онъ привезъ! Впрочемъ, онъ въ куропатокъ стрѣляетъ, какъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, пулями изъ штутцера.

— Ну, а что дѣлается съ Вычевскими съ его пріѣзда?

— Aux anges! Таютъ!

— Надо завтра поѣхать туда, — сказала, подымая глаза отъ вышиванья, графиня Вычевская, бездѣтная вдова, особа, полная честолюбія и плановъ, особенно семейныхъ.

Графиня Морская вопросительно взглянула на нее.

— Онъ долго пробудетъ? — спросилъ Здиславъ.

— Говорить, что еще не знаетъ, но вѣрно нѣсколько недѣль.

Здиславъ Морскій быстрымъ взглядомъ оцѣнилъ фигуру сестры, потомъ спокойно взглянулъ на Ольгу Кмита и, наконецъ, обратился къ отцу.

— Что вы думаете, папа, не пригласить ли его и къ намъ на куропатокъ?

Въ окрестностяхъ Топорова, а потомъ и вообще во всемъ околоткѣ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о князѣ Самуилѣ Висновецкомъ. Этотъ молодой человекъ, наследникъ громаднаго состоянія, закрылъ однажды книжку Гервинуса или Шлоссера, которую онъ держалъ въ рукѣ, провелъ рукой по черняющимъ усикамъ и заявилъ окружающимъ:

— J'en ai assez. Баста! Прошу укладывать мнѣ вещи. Завтра ѣду.

Уѣхалъ и не возвращался шесть лѣтъ. Вернулся двадцативосьмилѣтнимъ мужчиной, красивымъ и стройнымъ. Обѣздилъ весь мѣръ и истратилъ неслыханную массу денегъ. Доходили вѣсти о немъ изъ Парижа, изъ Лондона, изъ Монте-Карло, изъ Алжира, изъ Египта. Потомъ менѣе точныя изъ штата Техасъ. Затѣмъ еще менѣе точныя изъ Бомбея. Вдругъ услышали, что онъ организуетъ экспедицію внутрь Африки, что для этой цѣли онъ взялъ изъ виѣмаіоратныхъ капиталовъ три милліона гульденовъ. Оказалось, что это неправда.

Послѣ этого нѣкоторое время о немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ однажды въ замокъ Висновецкаго прибыли громадныя тюки шкуръ тѣхъ звѣрей, которыхъ онъ убилъ во всѣхъ частяхъ свѣта: львовъ, тигровъ, американскихъ сѣрыхъ медвѣдей и австралійскихъ кенгуру. Онъ появился вдругъ опять на горизонтѣ. Пожаловалъ въ Парижъ. Рассказывали, что въ Брюсселѣ онъ дрался на дуэли изъ-за какой-то дѣвицы и раздробилъ своему противнику, какому-то испанскому гранду, пистолетъ въ рукѣ. Но это оказалось неправдой. Онъ уѣхалъ опять. Его называли «Летучимъ Голландцемъ». Вдругъ пришли вѣсти, что онъ женился, на необыкновенной красавицѣ, индійской или аравійской царевнѣ, и что везетъ ее въ Европу. Но онъ привезъ лишь трехъ арабовъ и двухъ обезьянъ. У массы матерей и тетусекъ забилось сердце. О князѣ Самуилѣ Висновецкомъ почти не смѣли меч-

тать, но все-таки мечтали. Врядъ ли нашлась бы хоть одна мать, которая могла бы думать о своей дочери, какъ о подходящей партіи для Висновецкаго, но каждая разсуждала, что ея нисколько не хуже другихъ. Ни одна не посмѣла бы навязывать свою дочь, но каждая стала бы работать локтями, чтобы проложить ей дорогу, если бы навязывались другія. Всѣ великосвѣтскія матери стояли со своими дочерьми, какъ жокеи на скачкахъ, наблюдая одна за другой. Всѣ были готовы броситься во весь опоръ, лишь только тронется одна. А дочери, какъ кто-то выразился довольно вульгарно, били копытомъ землю и жевали удила...

У князя Самуила Висновецкаго уже не было отца, у него была только мать, княгиня Маргарита, урожденная княжна Корецкая; кромѣ того онъ былъ единственнымъ сыномъ и наслѣдникомъ въ родѣ.

Княгиня Маргарита пріѣхала къ Вычевскимъ вслѣдъ за сыномъ въ тотъ же день, когда туда прибыла изъ Ополя графиня Ефимія Вычевская. Эти дамы, которыя очень давно и хорошо были знакомы, поздоровались очень сердечно.

Князь Самуиль привелъ въ восторгъ графиню Ефимию.

— Что вы думаете теперь дѣлать, князь? — спросила его графиня Вычевская, когда они послѣ чаю вышли втроемъ въ Топоровскій паркъ.

— Говори ему «ты», — перебила ее княгиня Висновецкая. — Ты мнѣ говоришь «ты», и станешь титуловать его?

— Ну, такъ что ты думаешь, Самуиль? — повторила съ блаженной гордостью графиня Вычевская.

— Теперь? Я прежде всего хочу жениться и имѣть сына. Стоитъ мнѣ подумать, что нашъ маіоратъ долженъ перейти къ этому дураку, Висѣ, какъ у меня волосы становятся дыбомъ! Когда я развяжусь съ этой заботой, я стану думать, что мнѣ дѣлать.

— Ну, тебѣ жениться будетъ легко. Ты, съ твоимъ положеніемъ, съ твоимъ именемъ, съ твоимъ богатствомъ, ты...

— Не такъ легко, какъ вы думаете, — прервалъ князь Самуиль скучную и длинную молитву: «ты» и «твое», — не такъ легко. Я не хочу жениться на первой попавшейся.

— У кого же есть право не жениться на первой попавшейся, какъ не у тебя. Ты можешь выбирать чуть ли не какъ король.

Госпожа Вычевская подчеркнула слово «король», такъ какъ Самуиль Висновецкій происходилъ изъ того же самаго рода, что и король Михаилъ, хотя изъ побочной линіи.

— Ну, конечно, — сказала княгиня Маргарита, — нѣтъ такого дома въ Польшѣ, гдѣ не были бы горды и счастливы отъ твоего предложенія.

Князь Самуиль покачалъ головой.

— Я не хочу такихъ княженъ, какъ, на примѣръ, обѣ мои двоюродныя сестры Корецкія. У одной нѣтъ нѣба и лѣваго бедра, а у другой нѣтъ волосъ и ради разнообразія совсѣмъ нѣтъ бедеръ; или, на примѣръ,

Тенчинской, которая на каждого таращитъ глаза, такъ какъ ей кажется, что ей все позволительно, разъ она Тенчинская. Я прежде всего хочу имѣть сына, а затѣмъ хочу знать, что этотъ сынъ мой. Я женился бы даже на простой дворянкѣ, лишь бы она была красива, здорова, порядочна и изъ хорошаго дома!

У графини Евфиміи Вычевской, особы, исполненной плановъ, и семейнаго честолюбія, задрожало сердце. Какой-то добрый рокъ сдѣлалъ ее крестной матерью Ольги Кмита, на которой она хотѣла женить Здислава, тотъ же добрый рокъ привелъ княгиню Висновецкую съ сыномъ въ Топоровъ... Графиня Вычевская знала, что можетъ подразумѣвать князь Самуиль подъ «простой дворянкой изъ хорошаго дома», а потому, хотя и чувствовала себя задѣтой въ гордости графовъ Морскихъ и графовъ Выческихъ, она подумала, что если бы такой князь женился на Терезѣ, то эти дома поднялись бы на тѣ три сажени, которыхъ имъ какъ разъ недоставало.

— Мама вѣдь не будетъ противъ меня?—ласково спросилъ Висновецкій у матери.

Княгиня слегка покачала головой, говоря:

— Я прежде всего дорожу твоимъ счастьемъ. Приданнаго тебѣ не нужно, лишь бы ты не женился внѣ своей сферы. Интересуйся больше дѣвушками, чѣмъ кѣмъ-нибудь другимъ.

Затѣмъ князь Самуиль легъ спать, утомленный охотой, а дамы долго бесѣдовали еще въ саду, такъ какъ вечеръ былъ прекрасный и теплый.

На другой день утромъ результатомъ этой длинной бесѣды было то, что княгиня Маргарита сказала сыну, который собирался на прогулку верхомъ :

— Знаешь что, ты могъ бы уже и перестать все хлопать изъ этихъ двуствольныхъ ружей... Довольно тебѣ удивлять здѣшнихъ помѣщиковъ тѣмъ, что ты стрѣляешь, какъ въ циркѣ; ты могъ бы познакомиться съ людьми.

— Съ кѣмъ, напримѣръ?

— Ты могъ бы куда-нибудь поѣхать. Вотъ тутъ недалеко живутъ Морскіе; она сестра Евфиміи Вычевской. У нихъ милая барышня, тамъ гоститъ и дочь Иды Кми-та. Говорятъ, что и сыновья Морскіе очень милы. Они собираются на будущей недѣлѣ пригласить тебя на охоту. Не жди этого, а поѣзжай самъ запросто.

— Хорошо. Я могу сейчасъ поѣхать. Валекъ! Лошадь готова?

— Подана, ваше сіятельство.

— Ну, такъ я поѣду.

— Неужели такъ? Съ первымъ визитомъ? Въ курткѣ и высокихъ сапогахъ?...

— Эхъ, мама...

Они улыбнулись другъ другу. Княгиня Маргарита слегка снисходительно и слегка презрительно надула кончикъ своей нижней Габсбургской губы.

Самуилъ сѣлъ на лошадь.

— Adieu, мама! — онъ нагнулся въ сѣдлѣ и поцѣловалъ руку матери.

— Adieu!

Княгиня Маргарита съ гордостью глядѣла на стройную фигуру сына, который, крутя одной рукой по-испански папиросу, пустился съ мѣста галономъ, небрежно покачиваясь въ сѣдлѣ.

Онъ вернулся только вечеромъ

— Ну что? — спросила его княгиня.

— Дьявольски красивы обѣ, — и Тереза Морская, и Ольга Кмита.

— Которая же тебѣ больше понравилась?

— Кмита живѣе. Морская интереснѣе. Можно было бы жениться на той и на другой, если бы пришлось.

— Кмита—это домъ.

— Нѣтъ, мама, оставимъ это. Мнѣ кажется, что маленькая Морская была бы гораздо лучшей женой, чѣмъ большая Кмита. Хотя, что касается красоты, выборъ трудень.

— Какъ же они тебя приняли?

— А какъ вы думаете?

— Какъ короля?

— Во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, какъ удѣльнаго князя.

— Твои сапоги?

— Да что же мнѣ верхомъ въ туфляхъ ѣздить, что ли? Они сами извинялись за себя, — смѣялся князь Самуилъ.

— Но и сидѣлъ же ты тамъ! Весь день.

— Не отпускали меня. Мы немного охотились. Они недурно стрѣляютъ. Пригласили меня на большую охоту и балъ, устроенный специально для меня. По-

спѣшили прибавить, что какъ только узнали о моемъ прїѣздѣ, то охота для меня была уже вещь рѣшенная. Самъ графъ Морскій со старшимъ сыномъ долженъ былъ прїѣхать и пригласить меня. Но знаете что, мама? Миѣ кажется, этотъ старшій сынъ, Здиславъ, влюбленъ въ Кмита. Онъ смотрѣлъ на меня лѣвымъ глазомъ, какъ на Эйфелеву башню, а правымъ, точно хотѣлъ съѣсть.

— Ну, а барышни?

— Эта Тереза какая-то твердая штука.

— Миѣ кажется, что все-таки Морская тебѣ больше была по душѣ, чѣмъ Кмита?

— Говорю вамъ, мама, что она интереснѣе. Но, должно быть, твердая.

— Я думаю, что въ данномъ случаѣ она бы смягчилась.

— И я такъ думаю, — отвѣтилъ князь Самуилъ, подымаясь по лѣстницѣ въ свою комнату.

Въ этотъ вечеръ прислуга графини Вычевской, Магдалина, замѣтила, что графиня молилась на десять минутъ больше, чѣмъ всегда.

Графъ Здиславъ Морскій, рыжеватый, двадцатишестилѣтній молодой человѣкъ, курилъ въ своей комнатѣ трубку «бурша», наслѣдіе Гейдельбергскаго университета, пилъ, какъ всегда передъ сномъ, пиво и думалъ, — да и было о чемъ думать! Прежде всего у Ольги Кмита былъ милліонъ приданаго, затѣмъ ему чрезвычайно импонировала ея ягеллонская фамилія, наконецъ, онъ дѣйствительно былъ влюбленъ въ нее.

Ему казалось, и онъ даже былъ убѣжденъ, что и она расположена къ нему, но отлично понималъ, что онъ для нея, какъ въ смыслѣ средствъ, такъ и по семейному положенію, слишкомъ плохая партія. Флиртъ продолжался уже три года, но честолюбивый и осторожный графъ Здиславъ боялся слишкомъ подвигаться впередъ, чувствуя, что только какой-нибудь небывалый случай можетъ склонить сомнительную чашу вѣсовъ въ его сторону. Графы Кмита были прежде всего слишкомъ горды, почти никого не считали равными себѣ, а такъ какъ они, кромѣ того, были богаты, то имъ нечего было сбавлять съ тону. «Если бы хоть одинъ гетманъ, пусть измѣнникъ, но гетманъ!.. Если бъ хоть одинъ канцлеръ, мошенникъ, но канцлеръ!.. — думалъ графъ Здиславъ, — Ничего и ничего!.. Есть три кастеляна, есть одинъ епископъ... Урожденная Кмита, графиня Морская... Я бы самъ не хотѣлъ быть на ея мѣстѣ»...

Графъ Здиславъ много разсчитывалъ на красоту и привлекательность Терезы и на то, что если ее удастся выдать замужъ хорошо, то и ему легче будетъ добиться Ольги. Но надо было торопиться. Положимъ, Ольга говорила еще: «У меня есть время, я могу и ждать», — но ей шель двадцать второй годъ, и она говорила это все рѣже. О какомъ-нибудь блестящемъ замужествѣ Терезы графъ Здиславъ думалъ не разъ, а потому, когда онъ узналъ отъ Степана новость о приѣздѣ Самуила Висновецкаго въ Познань, сердце у него забилося, какъ у Вычевской, но, увы, забилося вдвойнѣ, такъ какъ онъ испугался за Ольгу, которая была прямо-таки создана

для такой партіи, какъ владѣлецъ Висновскаго майората.

Урожденная Кмита, княгиня Висновецкая — и урожденная Морская... Pfiui Teufel!

Графъ Здиславъ чаще всего ругался по-нѣмецки. Но надо было попробовать игру. Графъ Здиславъ хорошо зналъ, что кто не рискуетъ, тотъ не выигрываетъ. И онъ кромѣ какъ за Ольгой, въ которую былъ влюбленъ, не ухаживалъ ни за одной болѣе доступной ему, чѣмъ Кмита, барышней. Надо было убѣдиться: primo, могутъ ли вообще барышни въ Ополѣ нравиться князю? Secundo, понравится ли ему Тереза? При мысли объ Ольгѣ онъ сжималъ зубы, но зналъ, что кто не рискуетъ, тотъ не выигрываетъ, а кромѣ того онъ допускалъ, что если его зять Висновецкій попроситъ для него руки Ольги, то старикъ Герономъ Кмита не откажетъ ему, — онъ даже могъ быть увѣренъ въ согласіи.

Наконецъ, онъ думалъ еще, что если Ольга случайно понравится князю, какъ и онъ ей, то, въ виду абсолютной невозможности соперничать, онъ быстро рѣшится жениться или на Янинѣ Бѣдской изъ Попелева, съ приданнымъ въ семьдесятъ тысячъ марокъ, или на Лелѣ Баухгольдъ изъ Вршавы, съ приданнымъ въ восемьдесятъ тысячъ рублей. А каждая изъ нихъ охотно вышла бы за него замужъ.

Что касается Терезы, то онъ надъ ней совсѣмъ не задумывался. Онъ представлялъ себѣ, что сдѣлалъ бы онъ, если бы онъ былъ на ея мѣстѣ и если бы вла-

дѣлецъ маіората, князь Висновецкій, оказалъ ему вниманіе, — а этого ему было совершенно достаточно.

Однако, графъ Здиславъ Морскій отлично понялъ, что тутъ не надо оставлять поле открытымъ для дѣйствій судьбы, что необходимо помочь ей сдѣлать то, что онъ отъ нея хочетъ, т.-е. что нужно толкать впередъ Терезу.

Покуривая трубку «бурша» и попивая пиво, графъ Здиславъ Морскій думалъ такъ на основаніи записочки съ подробностями взглядовъ Висновецкаго на бракъ, которую добрая тетьа Вычевская прислала съ нарочнымъ изъ Топорова въ Ополь. Когда князь Самуиль ѣхалъ туда въ своихъ лосиныхъ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ, онъ встрѣтилъ уже парня, который возвращался изъ Ополя съ порошками отъ мигрени для графини Вычевской.

Первый визитъ князя далъ только понять графу Здиславу, что онъ ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ грошъ не ставитъ, пріѣзжая съ первымъ визитомъ въ 11 часовъ утра въ лосиныхъ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ. Кромѣ того въ началѣ, помимо великосвѣтской вѣжливости со всѣми, князь довольно ясно подчеркнул, что единственное лицо, которое онъ считаетъ лицомъ своего круга, это Кмита. Но, несмотря на то, что это порядочно кольнуло графа Здислава, онъ относился къ этому такъ, какъ слѣдовало. Такъ къ этому отнеслась вся семья, смиренно склоняя голову передъ Провидѣніемъ, которое сдѣлало ихъ только графами Морскими.

Однако, вскорѣ послѣ прогулки князя съ Терезой послѣ ранняго обѣда, графъ Здиславъ замѣтилъ, что князь пересталъ подчеркивать разницу. Правда, Тереза обошлась съ нимъ по-царски! Какое величіе!.. какой холодъ!.. какое достоинство!.. Вотъ умная шельма! Обдумай она все за четыре недѣли впередъ, она бы лучшей дороги не могла выбрать. Въ концѣ концовъ не Висновецкій ей, а она импонировала Висновецкому. Шельма! *Potz tausend Sakrament!*..

Ольга, которая была шалуномъ, шалила съ нимъ, какъ со всѣми. Что онѣ обѣ ему понравились, не подлежало сомнѣнію; понравился ли онъ имъ? Трудно было узнать. Тереза была, какъ всегда, бѣлая, Ольга, какъ всегда — розовая. На его вопросъ по этому поводу, послѣ отъѣзда князя, Ольга отвѣтила: «я влюблена», — и пошла спать, Тереза отвѣтила, что она устала. Графъ Здиславъ предчувствовалъ, что начнется кампанія, но ничего не могъ предвидѣть. Онъ чувствовалъ себя на высотѣ положенія, насколько дѣло касалось того, чтобы толкнуть Терезу въ руки Висновецкаго, вплоть до того даже, чтобы скомпрометировать ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ морозъ пробѣгалъ у него по кожѣ при мысли о томъ, что ему, пожалуй, придется соперничать съ княземъ изъ-за Кмита.

«Чортъ возми!.. — думалъ онъ. — Будь онъ предатель, будь онъ измѣнникъ, будь висѣльникъ — но гетманъ»...

Передъ охотой Морскіе, отецъ и оба старшихъ сына, отдали визитъ князю въ Топоровѣ, при чемъ были

представлены княгинѣ и приняты чрезвычайно ласково и любезно. Княгиня выразила желаніе познакомиться съ дамами и обѣщала пріѣхать на балъ. Графы Морскіе уѣхали домой такими счастливыми и ослѣпленными, что на обратномъ пути не могли даже разговаривать другъ съ другомъ.

Время охоты подошло, и князь пріѣхалъ à quatre épingles съ такимъ жемчугомъ въ галстукѣ, который стоилъ больше, чѣмъ опольскій фольваркъ, и просилъ извиненія за то, что онъ въ первый разъ осмѣлился пріѣхать «такъ по-сосѣдски», верхомъ. Онъ употребилъ слово: осмѣлился. Графъ Здиславъ замѣтилъ при этомъ нѣкоторую легкую улыбку на губахъ князя, но притворился, что не видитъ ея.

Потомъ князь переодѣлся въ охотничій костюмъ, какого не видѣли никогда ни мѣръ, ни Польша, и въ немъ имѣлъ видъ шотландскаго лорда.

Затѣмъ отъ времени до времени нарочно промахивался несмотря на то, что стрѣлялъ отлично, повидимому изъ вѣжливости къ графу Морскому, который былъ честолюбивъ, но дурно стрѣлялъ. Онъ хвалилъ псовъ и мѣсто охоты, но о томъ, какъ охотился самъ, говорилъ мало, чтобы своими карпатскими оленями и кабанами не затмить опольскихъ оленей и лисицъ, и приглашалъ къ себѣ въ Висновець на медвѣдя.

— И вы намъ окажете эту честь? Мама сама васъ попроситъ, — обратился онъ къ Терезѣ во время завтрака, къ которому Тереза вмѣстѣ съ остальными дамами пріѣхала въ поле.

Тереза подняла на него удивленные глаза.

— Конечно, я думаю, что весь вашъ домъ удостоитъ своимъ посѣщеніемъ Висновець? — быстро поправился Висновецкій.

Она отвѣтила сухо: «благодарю васъ», — а графъ Здиславъ щелкнулъ пальцемъ надъ горячей тарелкой зразъ и подумалъ: «Расцѣловать тебя, шельма ты моя единственная!»

Князь странно посмотрѣлъ на Терезу; это былъ въ одно и то же время взглядъ быстрый, пристальный, пыливый и вмѣстѣ съ тѣмъ наглый, нѣсколько презрительный и вызывающій.

«Начинается», подумалъ графъ Здиславъ.

— А вы? — спросилъ князь Ольгу Кмита.

— А я съ удовольствіемъ, — сказала Кмита, которая стрѣляла и послѣ обѣда должна была принимать участіе въ охотѣ, — я охотно возьму себѣ нѣсколько паръ роговъ прозапасъ.

— Къ вашимъ услугамъ, сколько прикажете... но какъ это: прозапасъ?

— Вѣдь выйду же я когда-нибудь замужъ, — разсмѣялась Кмита.

Князь чуть замѣтно поморщился, но все же съ явнымъ неудовольствіемъ.

«Браво, Оля!» подумалъ графъ Здиславъ. «Браво. Продолжай только въ этомъ духѣ!»

Кмита замѣтила, что ея острога не удалась, и сконфузилась. Сконфуженная, она опрокинула ложечкой чашку съ чернымъ кофе, которую держала въ рукахъ,

и облила свой охотничій костюмъ и брызнула на чудесное платье князя. Къ несчастью ложка и чашка упали въ блюдо съ кашей. Кмита покраснѣла, какъ свекла, что поражало тѣмъ болѣе, что она стояла рядомъ съ очень блѣдной Терезой. Она въ эту минуту была прямо безобразна. Князь, брюки котораго вытирали салфеткой, съ окуркомъ папирасы въ зубахъ, смотрѣлъ на обѣихъ поочередно.

«Я выигралъ! Выигралъ, по крайней мѣрѣ, на одномъ полѣ и скорѣе, чѣмъ кто-либо могъ бы подумать, выигралъ и самымъ неожиданнымъ образомъ. Благодаря такимъ пустякамъ!» думалъ графъ Здиславъ. «Пусть же мнѣ теперь кто-нибудь скажетъ, что Наполеонъ не обязанъ половиной своей карьеры случайностямъ?»

Дѣйствительно, графъ Здиславъ на этомъ полѣ выигралъ, по крайней мѣрѣ то, что князь пересталъ, повидимому, колебаться въ отдачѣ пальмы первенства Терезѣ. Но онъ пересталъ также искать съ ней сближенія, обиженный той формой, въ какой она приняла приглашеніе въ Висновець. Онъ, повидимому, и разсердился, потому что ни разу не промахнулся больше и началъ рассказывать о своихъ псахъ и объ охотахъ въ Карнатахъ. Онъ рассказывалъ также, что у него въ имѣніи во время одной охоты убито было двѣ тысячи триста фазановъ, между тѣмъ какъ во всемъ Ополѣ ихъ было, пожалуй, всѣхъ штукъ четыреста. Онъ началъ что-то бормотать о томъ, что утомленъ и что по возвращеніи, пожалуй, уѣдетъ отдыхать.

— Что съ княземъ? — тревожно спросилъ графа Здислава отецъ.

— Тереза его раздражаетъ, — отвѣтилъ графъ Здиславъ.

— Тереза? Какимъ образомъ?

— Она выбрала отличную и мудрую методу холодной любезности, но она можетъ перетянуть струны. Надо обратить на это ея вниманіе. Замѣтили ли вы, папа, какъ Оля отличилась? Не мѣшало бы толкать его къ Терезѣ.

— Ты думаешь? — оживленно спросилъ графъ Морскій — Вычевская говорила...

— Кто знаетъ?.. Я только одного боюсь: если она будетъ артачиться, то заартачится, пожалуй, и онъ, и можетъ выйти плохо; а она думаетъ, что этимъ возьметъ его...

Графъ Морскій покачалъ головой.

— Знаешь, Здиславъ, мнѣ кажется, что Тереза совсѣмъ не способна на такія мысли.

— Эхъ, папа, вы старый романтикъ, не нашего поколѣнія, — и графъ Здиславъ слегка потрепалъ отца по плечу.

Вечеромъ князь изрѣдка обращался къ Кмита, а къ Терезѣ почти совсѣмъ не обращался, и вмѣсто этого съ непринужденностью маркиза двора Людовика XV ухаживалъ за госпожей Леской, которая пріѣхала вдругъ на ужинъ. Но черезъ нѣкоторое время князь лукаво прижмурилъ глаза, закрутилъ усы и самоувѣренно подошелъ къ Терезѣ. Графъ Здиславъ наблюдалъ издали.

— Вы недовольны, что я здѣсь? — началъ князь.

Тереза удивленно подняла глаза.

— Я говорю прямо и просто. Между американскими трапперами я отвыкъ отъ вашей польской тактичности, — утрировалъ князь.

— Да? Но почему же вы думаете, что я недовольна вашимъ пребываніемъ у насъ?

— Потому что вы невнимательны ко мнѣ.

— Я? — искренно удивилась Тереза.

— Вы. Пани Леская иначе со мной говоритъ, чѣмъ вы.

— Но и вы, князь, съ ней иначе говорите, чѣмъ со мной.

— За ней я только ухаживаю, а съ вами я «говорю».

— Благодарю васъ.

— «Благодарю васъ» — только «благодарю васъ», — сказалъ князь, слегка подражая ей и обезоруживая ее противъ этой смѣлости восхитительной улыбкой.

— А какъ, по-вашему, я должна отвѣтить за такое любезное отличіе? Впрочемъ, мнѣ слѣдовало бы обидѣться за пани Лескую, которая въ настоящее время наша гостья.

— Только этого бы недоставало для полноты впечатлѣнія.

— Для полноты впечатлѣнія?

— Вы меня же не любите и вдобавокъ обижаетесь.

Тереза считала, что онъ при ихъ короткомъ знакомствѣ слишкомъ фамильяренъ. Она хотѣла уйти, но

не желала отступить. И она, ничего не отвѣтивъ, опустила глаза на столъ, на который опиралась.

Князь понялъ, но что-то толкало его впередъ. Онъ привыкъ дѣлать всегда все, что хотѣлъ и какъ хотѣлъ.

— Вы мнѣ не отвѣтите?

— Мнѣ нечего въ сущности отвѣтить. Я не могу васъ ни любить, ни не любить, такъ какъ я васъ слишкомъ мало знаю.

— Вы хотите ближе познакомиться со мной?

— Это отъ васъ зависитъ, князь, — сказала Тереза съ явнымъ негодованіемъ и ушла.

Князь нахмурилъ брови, бросилъ ей вслѣдъ сверкающій взглядъ и ушелъ въ другую комнату. Графъ Здиславъ понялъ, что Тереза «перетянула струны» и подбѣжалъ къ ней, шепча взволнованно:

— Тереза! Что случилось?

— Онъ слишкомъ фамильяренъ. Вообрази себѣ, онъ ни съ того, ни съ сего спросилъ меня: не хочу ли я ближе познакомиться съ нимъ? Что онъ себѣ воображаетъ?

— А ты ему что отвѣтила?

— Очень ясно, что онъ плохо воспитанъ.

— Эй! Не слишкомъ ли рѣзко?

— Въ самую мѣру.

— Онъ обидится...

— Ну, и пусть...

Графъ Здиславъ посмотрѣлъ на сестру пристально и серьезно и, подчеркивая слова, сказалъ:

— Нѣтъ, не пусть...

— Для меня — да!

— Но не для меня.

— Какое тебѣ дѣло до него?

Графъ Здиславъ рассчиталъ, что рано еще говорить, особенно въ виду того, что Тереза раздражена противъ Висновецкаго, и сказалъ только дипломатически, но убѣдительно:

— Мнѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ важно быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ княземъ.

— У тебя съ нимъ дѣла?

— Да!

— Интересно знать, какія? Какія у тебя могутъ быть съ нимъ дѣла?

— Компания... Я тебѣ потомъ расскажу...

— Компания? Финансовая?

— Что-то въ этомъ родѣ. Поэтому не отталкивай его отъ насъ.

Тереза нагнулась и поцѣловала брата въ щеку. Графъ Здиславъ зналъ сестру, и онъ сейчасъ же, пользуясь минутой, быстро продолжалъ:

— Вотъ видишь, Тереза, съ тѣми средствами, которыя у меня есть, я не могу быть увѣреннымъ въ успѣхѣ у такой магнатки, какъ Ольга; если же при милліонахъ Висновецкаго, при его рудникахъ, фабрикахъ, сахарныхъ заводахъ я увеличилъ бы свои средства, или хотя бы только обезпечилъ ихъ ростъ, то дѣло представится совсѣмъ иначе. А вѣдь ты знаешь, что я безъ этой дѣвушки жить не могу.

— Мой бѣдный Здись, — сказала Тереза, обнимая

его шею, тронутая, впрочемъ, его искреннимъ голо-
сомъ, такъ какъ онъ дѣйствительно былъ влюбленъ, —
мой бѣдный Здисъ, я сдѣлаю все, лишь бы тебѣ помочь.

— Такъ вотъ, если онъ тебѣ не симпатиченъ, то
будь съ нимъ холодна, но не отталкивай его отъ насъ, —
сказалъ ловко графъ Здиславъ.

— Хорошо, — отвѣтила Тереза, — а въ доказатель-
ство того, какъ я доброжелательна къ тебѣ, я пойду
и извинюсь передъ нимъ.

Но графъ Здиславъ зналъ людей и свѣтъ и удер-
жалъ ее за руку. Извиниться передъ княземъ и сдѣ-
латься мягкой, значить перестать быть интересной, воз-
буждающей и привлекательной.

— Погоди. Извинись, но такъ, чтобы онъ чувство-
валъ, что ты это дѣлаешь только изъ вѣжливости,
ради нашего дома. А затѣмъ будь такой, какой ты
была до сихъ поръ. Ты была прелестна.

— Какъ это? Неужели ты думаешь, что я могу быть
такой или другой? Я была такой, какая я есть... Миѣ
и въ умъ не приходило драпироваться во что-нибудь.

Она говорила и глядѣла такъ искренно, что графъ
Здиславъ, несмотря на свой умъ, долженъ былъ ей
повѣрить.

«Я воображалъ, что она умная шельма, но она та-
кая отъ природы!» подумалъ онъ. «Но, впрочемъ, это
все равно. Пожалуй, отецъ относительно нея правъ».

Затѣмъ онъ поцѣловалъ руку сестры, она опять
поцѣловала его въ щеку, и они разстались.

Тереза отыскала князя. Онъ сидѣлъ въ гостиной

за столомъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и перелистывалъ иллюстрированную Библию. На Терезу, когда она вошла, онъ бросилъ взглядъ и продолжалъ разсматривать книгу.

«Пошлѣе и глупѣе кокетство», подумала Тереза, приближаясь къ нему и сказала:

— Какъ же мнѣ быть довольной вашимъ пребываніемъ у насъ, когда я вижу, что вы скучаете?

Князь взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

«Продолженіе кокетства слѣдуетъ», подумала Тереза и сказала громко:

— Такое ощущеніе должно же быть непріятно для хозяевъ.

— Я дѣйствительно скучаю, но только теперь, — отвѣтилъ князь, закрывая книгу.

«Конецъ перваго тома. Я сейчасъ сострою по-институтски» подумала Тереза и отвѣчала:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами говорю, князь?

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы перестали говорить со мной, — сказалъ князь серьезно.

«Шутъ!» подумала Тереза и улыбнулась, хорошо скрывъ принужденіе.

— А знаете, зачѣмъ я пришла?

Принужденная улыбка была такъ искусно скрыта, что князь не замѣтилъ ничего и взглянулъ на нее вопросительно.

— Я пришла извиниться передъ вами.

— О, — покровительственно сказалъ Висновецкій;

слова Терезы произвели на него сильное впечатлѣніе, — онъ былъ неловокъ.

— Итакъ, я извиняюсь, — и Тереза, придерживаясь инструкцій Здислава, слегка поклонилась шутливо.

Князь старался не выходить изъ роли; онъ поднялся со стула и также поклонился слегка, но принужденно.

— Клюеть, — бормоталъ графъ Здиславъ, разговаривая съ Ольгой, но наблюдая издали за обоими.

— Между нами миръ? — сказала Тереза, которой доставляло удовольствіе «побѣдить смѣльчака».

— Это зависитъ отъ васъ, — настаивалъ князь.

— То-есть, буду ли я хорошо воспитанной или нѣтъ. Я буду хорошо воспитанной.

Князь старался не терять самообладанія, но онъ не могъ овладѣть какимъ-то волненіемъ, охватившимъ его при видѣ этой дѣвушки, которая стояла передъ нимъ такая прелестная, о которой онъ не зналъ, издѣвается ли она надъ нимъ, или говоритъ искренно.

Второй день охоты прошелъ безъ особенныхъ приключеній; на третій день охотились только до полудня, чтобы отдохнуть передъ баломъ. Князь очень настаивалъ на этомъ, впрочемъ, онъ уже и вчера уѣхалъ раньше съ охоты, объясняя это зубной болью. На самомъ дѣлѣ онъ спѣшилъ къ Терезѣ, которая отлично примѣняла систему, указанную ей Здиславомъ. Она была холодна, но не такъ, чтобы этотъ холодъ морозилъ, отталкивалъ, или былъ неприятнымъ. Притомъ она отъ начала до конца импонировала ему. Князь пробовалъ на всѣ лады: онъ былъ Донъ-Жуаномъ и дикимъ,

американскимъ охотникомъ, спортсменомъ и сантиментальнымъ пастушкомъ, «добрымъ княземъ» и гордымъ гидальго, простымъ человѣкомъ и человѣкомъ утонченнымъ, политико-экономомъ, литераторомъ и членомъ Верхней Палаты, другомъ принца Уэльскаго и деревенскаго шляхтича Задоры Останкевича, основателемъ госпиталей и декадентовъ, поклонникомъ Словацкаго и Марка Твэна. Онъ мечталъ о путешествіи на сѣверный полюсъ и о тихомъ домикѣ на берегу озера, ѣздилъ верхомъ, какъ аравитянинъ, и боялся лягушекъ, обладалъ высокомѣрной грубостью перваго французскаго гренадера и привлекательностью молодой женщины, стрѣлялъ изъ лука, какъ древній персіянинъ, и игралъ въ теннисъ, какъ древній грекъ, держалъ клубокъ г-жи Вычевской и поднималъ пяти-пудовыя гири, предпочиталъ ясное солнце, когда свѣтила туманная луна — и туманную луну, когда свѣтило ясное солнце, былъ завоевателемъ и завоеваннымъ, воплощеніемъ чувствительности и чувственности, — и все это не помогло: не придвинуло Терезы ни на шагъ; не онъ интересовалъ ее, а она его, не онъ импонировалъ ей, а она ему, не она была очарована, а онъ, — и, что хуже всего, онъ чувствовалъ и видѣлъ, что она это чувствуетъ и видитъ.

И на вопросъ княгини: «ну, что же?» онъ отвѣтилъ:

— Она покорила меня и знаетъ это.

— Кмита? — спросила княгиня.

— Нѣтъ, Морская.

Княгиня нахмурилась недовольная, но сгладила это выраженіе лица раньше, чѣмъ сынъ успѣлъ замѣтить.

— Ты любишь ее?

— Еще нѣтъ, но я на пути къ этому.

Княгиня начала разсматривать въ лорнетъ семью графовъ Морскихъ, сидящихъ на балконѣ, глазомъ знатока всевозможныхъ расъ и человѣческой, и собачьей, и лошадиной. Общій результатъ осмотра былъ хорошъ. Она осмотрѣла всѣхъ внимательно, ихъ глаза, уши, носы, бороды, плечи, руки ноги и вернулась опять къ Терезѣ, безцеремонно ее осматривая.

Терезу обжигалъ продолжительный взглядъ княгини... Она угадала, не отдавая даже отчета себѣ, угадала инстинктомъ, цѣль и причину этого осмотра всей ея семьи и осмотра ея самой... Она отвернула голову въ сторону, а потомъ встала со скамейки. Возмущенная, взволнованная, убѣждала она въ свою комнату въ лѣвомъ флигелѣ дворца.

«Они отнимаютъ у меня мысль о тебѣ, о тебѣ!» думала она, закрывая на ключъ дверь и вынимая изъ шкатулки вѣточку, единственную память о Рдзавичѣ. Она прижала ее къ губамъ и съ закрытыми глазами остановилась у окна.

Кто-то постучался въ дверь и хотѣлъ войти; дверь была закрыта. Тереза спрятала вѣточку и побѣждала открыть дверь. Въ дверяхъ стояла тетя Вычевская.

— Что ты тутъ дѣлаешь, зачѣмъ ты запираешься на ключъ? — спросила она подозрительно и довольно рѣз-

ко. — Княгиня удивилась, что ты такъ вдругъ ушла. Прежде всего надо быть воспитанной.

— Но вѣдь, тетя... пробормотала Тереза.

— Для хорошо воспитанной дѣвушки не существуетъ даже желудокъ, — сказала графиня Вычевская, чувствуя серьезность своихъ совѣтовъ.

Такъ какъ графиня Морская рекомендовала Терезѣ одѣться какъ можно старательнѣе, то Тереза одѣла все, что у нея было лучшаго. Кромѣ того, это былъ удачный для нея день. Среди множества дамъ, прѣхавшихъ на балъ въ Ополье, она была самая красивая.

Графы Морскіе превратили княгиню Маргариту въ какую-то царствующую особу, а князя Самуила въ принца. Гости приняли этотъ порядокъ тѣмъ охотнѣе, что они, за исключеніемъ очень немногихъ, никогда не были, да не имѣли и малѣйшей надежды быть при какомъ-нибудь настоящемъ дворѣ въ обществѣ настоящихъ царствующихъ особъ. Нѣкоторые спрашивали, не нужно ли титуловать княгиню *votre altesse* или даже *votre altesse royale*, принимая во вниманіе короля Михаила. Въ концѣ-концовъ, *altesse royale* никто не говорилъ, но *altesse* говорили многіе. Иногда обращались съ титуломъ *votre altesse* и къ князю Самуилу. Всѣ выросли въ собственныхъ глазахъ и имѣли необыкновенно торжественный видъ. Графиня Морская, по совѣту сестры, велѣла камердинеру доложить, что ужинъ поданъ, не ей, а княгинѣ Висновецкой. Это должно было покорить ихъ обоихъ и завоевать для Ополя.

А князь Самуилъ тѣмъ временемъ рѣшилъ сначала

плѣнить Терезу своимъ искусствомъ танцора, а потомъ предпринять смѣлый штурмъ на подминированную, такимъ образомъ крѣпость. Онъ открылъ съ ней балъ. Онъ танцевалъ, какъ балетмейстеръ. Мало-по-малу, точно по общему соглашенію и по желанію всѣхъ, другія пары уступили, и они остались одни на серединѣ залы. Впрочемъ, это длилось очень недолго, такъ какъ нѣкоторые смѣльчаки изъ молодыхъ людей и нѣсколько завистливыхъ барышень выступили за ними.

Князь посадилъ Терезу и началъ танцевать съ другими. Онъ не танцевалъ, а плылъ по паркету. И опять его оставили одного съ Целинкой, которая танцевала лучше Терезы и кромѣ того, какъ это вообще рѣдко на балахъ, была въ своемъ коротенькомъ бѣломъ платьѣ.

Сначала раздалось нѣсколько отдѣльныхъ хлопковъ, а затѣмъ всѣ стали хлопать. Князь наконецъ кончилъ, удовлетворенный, и сталъ искать глазами Терезу, но она стояла спиной къ танцующимъ, разговаривая съ какимъ-то старикомъ.

Онъ пришелъ въ ярость.

— Вы видѣли, мама? — шепнулъ онъ матери, къ которой подошелъ.

— Это кокетство, — отвѣтила спокойно княгиня. — Чѣмъ же такая дѣвушка, будь она даже очень красива, будетъ воевать съ тобою, если не такими фокусами.

Но князь Самуилъ былъ до того раздраженъ, что полетѣлъ къ Терезѣ.

— Вы меня игнорируете, — сказалъ онъ взволнованно.

Тереза нахмурила брови, не сдержалась, скрывая чувство нерасположенія, и сказала просто:

— Но, князь, вѣдь вы же не знаменитость и въ настоящую минуту ничего особеннаго не дѣлаете... Такъ въ чемъ же дѣло?

— Вы меня мучаете, — сказалъ Висновецкій съ гримасой.

Тереза старалась не забыть о его рудникахъ, фабрикахъ и сахарныхъ заводахъ.

— Я никогда бы этого не желала. Вы устали съ охоты и...

— Можетъ быть, вы хотите, чтобы я вообще вычеркнулъ себя изъ вашего «сarnet», — перебилъ ее князь, который уже овладѣлъ собой и притворился холодно-раздраженнымъ, зная, что ему это больше къ лицу.

Тереза, впрочемъ, искренно удивившись, отвѣтила въ духѣ наставленій графа Здислава:

— Вы избалованный ребенокъ! Этимъ вы сдѣлаете мнѣ большую непріятность.

— А вамъ пріятно, что я записался тамъ?

Тереза заставила себя отвѣтить короткимъ: да.

Висновецкій притворился тронутымъ и въ самомъ дѣлѣ былъ тронутъ.

— Вы говорите, что... — началъ онъ.

Но Терезу предупредилъ какой-то инстинктъ; она* невольно взглянула на него такъ, что онъ замаялся.

— Почему ты такъ раздраженъ опять? — спросила его княгиня нѣкоторое время спустя.

— Мама, она изволить строить мнѣ кислыя мины! — вспыхнулъ князь.

Княгиня разсмѣялась.

— Какой ты глупый, — сказала она. — Каждая самка должна назначить за себя возможно большую цѣну.

— Ну, что, что? — лихорадочно спросилъ Терезу графъ Здиславъ, котораго опьянялъ танецъ съ Кмитой и ея туалетъ, самый дорогой на всемъ балу.

— Я сдѣлаю все, что могу, право, даже больше, чѣмъ могу, — для тебя, мой дорогой.

— А онъ самъ, развѣ онъ тебѣ не нравится? Вѣдь это же настоящій «сказочный царевичъ».

— Вотъ именно. Я хочу другихъ людей изъ сказки.

— Какихъ?

— Царей духа!

Графъ Здиславъ съ удивленіемъ взглянулъ на сестру. «Это декламація къ именинамъ мамы, что ли?...» Онъ сказалъ:

— Изъ какого учебника эта фраза? — пожалъ плечами и ушелъ.

Тереза съ досадою посмотрѣла ему влѣдъ.

«Гмъ плохо», думалъ графъ Здиславъ, вышивая за буфетомъ шиво. «Плохо... Онъ не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія... Что тутъ дѣлать? Разъ меня выручили оленье рога, откуда, чортъ возми, мнѣ взять другую пару? Плохо... Это не выдумка, онъ ей попросту не нравится. Глупое животное! Неужели она

можетъ желать большаго и лучшаго?! Это первая партія въ странѣ. Вотъ скотина! Dummes Vieh!.. Но она должна выйти за него, — и выйдеть»...

Тутъ послѣдовала торжественная сцена. Двери столовой открыли настежь два лакея въ ливреяхъ, и въ большую залу вошелъ торжественнымъ шагомъ метрдотель въ черномъ фракѣ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ княгинѣ Висновецкой и, поклонившись какъ можно ниже, сказалъ громко, какъ ему было приказано:

— Ваше высочество, ужинать подано.

Водворилась глухая тишина — можно было слышать собственное дыханіе.

На блѣдномъ лицѣ княгини Маргариты выступилъ сильный румянецъ, а ея габсбургская губа слегка задрожала. Графиня Вычевская, которая была съ княгиней на «ты», взглянула на присутствующихъ взглядомъ Агамемнона. Княгиня встала. Графъ Морскій, слѣдуя соотвѣтствующей или несоотвѣтствующей уже инструкціи графини Вычевской, выступилъ съ правой ноги и съ глубочайшимъ почтеніемъ подаль ей руку.

Княгиня, величественная и гордая, прошла между согнувшимися до пояса лакеями въ двери столовой, гдѣ хозяинъ довелъ ее, все выступая правой ногой впередъ, къ предназначенному ей мѣсту по срединѣ стола. Такъ какъ престола не было въ Ополѣ, то для княгини было приготовлено находящееся тамъ по счастливой случайности кресло, крытое краснымъ бархатомъ.

Графъ Морскій отошелъ съ низкимъ поклономъ, а

княгиня сѣла; по правую руку ея находился первый кавалеръ общества, а по лѣвую первая дама, оба они занимали ее разговоромъ. По предложенію хозяевъ, князь Самуиль подалъ руку Терезѣ и очутился vis-à-vis матери.

Настроеніе было церковно-торжественнымъ, и эта торжественность увеличивалась съ каждой остротой князя, съ которой онъ обращался къ Терезѣ, наклоня къ ней голову и фигуру. Эта торжественность настроенія, неизмѣнно сохраняя свой внѣшній готическій видъ, очень быстро преобразилась внутри въ горчичную фабрику, въ которой должности поставщиковъ горчицы и уксуса исполняли господа во фракахъ и дамы въ бальныхъ платьяхъ. Всѣ восторгались Терезой, которая «покоряла Висновецкаго» вѣжливымъ равнодушіемъ. Это лучший методъ.

А князь, который блисталъ въ танцахъ своими прекрасными движеніями, захотѣлъ блеснуть и за столомъ, но видѣлъ, что дѣло принимаетъ другой оборотъ и что торжествуетъ Тереза; онъ началъ бѣситься въ душѣ, а потомъ со всей эластичностью своей натуры, свернулся, «какъ каучуковый человѣкъ» въ циркѣ. И вдругъ удивленные гости въ Ополѣ увидѣли предъ собою принца, настоящаго чужеземнаго принца, который влюбился не въ прекрасную дочь мельника, положимъ, но все-таки не больше, чѣмъ въ внучку кастеляна, и который, несмотря на то, что можетъ прямо выразить свою волю, предпочитаетъ просить...

Князь вошелъ въ свою роль съ такимъ изяществомъ,

что публика была очарована имъ, и холодная вѣжливость или вѣжливый холодъ Терезы началъ вызывать не только удивленіе, а уже нѣкоторое порицаніе и негодованіе. Если на кого-нибудь падаетъ золотой дождь, а онъ не хочетъ быть Данаей... Глупое животное! Чего же ей надо больше?.. Князь Самуиль-Михаиль-Іеремія-Корыбутъ Висновецкій, владѣтель Висновецкаго маіората, трехсотъ деревень, тридцати городовъ и тридцати милліоновъ гульденовъ въ англійскомъ банкѣ! Глупое животное!..

Князь Самуиль-Михаиль-Іеремія-Корыбутъ Висновецкій послѣ бала, возвращаясь съ матерью въ каретѣ въ Топоровъ, жеваль пуговку отъ перчатки и молчалъ. Молчала и княгиня. Каждый былъ занятъ своими впечатлѣніями. Она думала о пурпурномъ креслѣ, онъ о Терезѣ.

— Милые люди, — сказала, наконецъ, княгиня.

— Чортъ ихъ всѣхъ побери, — отвѣтилъ князь.

— Неужели нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Это маневръ!

— Чортъ ее знаетъ.

— А ты что?

— До сихъ поръ! — и князь провелъ перчаткой по шеѣ.

— Эхъ? Неужели?

— Какъ люблю васъ.

— А она?

— Говорю вамъ: чортъ ее знаетъ. Эй! — прибавилъ

онъ черезъ нѣкоторое время, — если бы это въ преж-
нее время! Послалъ бы сотню казаковъ, и дѣло съ
концомъ.

— Гертруда Коморовская?

— Ты не велѣла бы утопить ее, мама?

Княгиня разсмѣялась.

— Ну, я влюбленъ, влюбленъ, влюбленъ, — гово-
рилъ лихорадочно князь.

— Ты хочешь сдѣлать предложеніе?

Князь молчалъ.

— А если она меня не приметъ? — сказалъ онъ неу-
вѣренно.

— Кажется, ты бредишь? — холодно произнесла
княгиня.

— Конечно. Меня! Морская!... Но вдругъ...

— Ну, такъ слушай и не будь глупъ, — перебила
нетерпѣливо княгиня. — Дѣвушка хитритъ оттого, что
она умна, или оттого, что ее научили. Боятся, какъ
бы она тебѣ сразу не надоѣла, если не станеть доро-
жить своими прелестями. Все то, что ты говорилъ
о женитьбѣ, Вычевская не замедлила туда передать. А
эта шляхта, конечно, тоже должна показать, что и у
нея есть свое достоинство, что и она изъ себя кое-что
представляетъ безъ твоего титула и состоянія. Пока
ты не сдѣлаешь предложенія, они будутъ дорожиться,
а только ты сдѣлаешь предложеніе, и они будутъ въ
этомъ увѣрены, ну, тогда ты ихъ увидишь въ домашней
обстановкѣ.

— Мама, — сказалъ Висновецкій, — все-таки...
если... Она вѣжлива, но такъ холодна...

— Я пригласила ихъ въ Висновець.

— Хорошо. Благодарю васъ. Я одного боюсь: какъ бы не осрамиться отказомъ. Мнѣ можетъ вздуматься влюбиться и даже показывать это публично; я это могу, такъ какъ я — я. Но сдѣлать предложеніе какой-то графинѣ Мореккой и не быть принятымъ!..

— Я говорю тебѣ, ты бредишь.

Они замолчали и дальше ѣхали въ молчаніи.

Князь Самуиль на другой же день полетѣлъ въ Ополь. Онъ не выдержалъ. Онъ, впрочемъ, и такъ ни съ чѣмъ не считался и ни на что не обращалъ вниманія. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ открылъ глаза, онъ видѣлъ, что передъ нимъ ницъ лежатъ аристократія и демократія, другіе князья, графы, шляхта, профессора, доктора, духовенство, чиновники, мужчины и женщины, хотѣлъ ли онъ этого или не хотѣлъ. Онъ сталъ выѣзжать въ свѣтъ, и тамъ было почти то же самое, благодаря его громадному состоянію и мотовству, благодаря усердно разглашаемой легендѣ о королѣ Михаилѣ и его женѣ, австрійской эрцгерцогинѣ. Аристократія всего міра узнала, что при гордомъ дворцѣ эрцгерцоговъ князь Самуиль былъ на правахъ кузена и что австрійское Золотое Руно и вмѣстѣ съ тѣмъ родственные поцѣлуи императора, обращеніе къ нему какъ къ «mon cousin» были только вопросомъ времени. И онъ имѣлъ полное право ни съ чѣмъ не считаться и ни на что не обращать вниманія. А дома, въ Польшѣ, за исключеніемъ немногихъ, онъ могъ смотрѣть на всѣхъ, какъ на болѣе или менѣе богатую «шляхту».

Ему вздумалось немедленно, на другой же день, поѣхать въ Ополь, вотъ онъ и поѣхалъ; все могло притти ему въ голову, не могло только одно — начать свою карьеру въ родной странѣ отказомъ графини Морской.

— Люди изъ такой семьи, какъ мы, — говорилъ отецъ князя Самуила, котораго тотъ хорошо помнилъ, — всегда дѣйствительно идутъ напроломъ, но они никогда не должны забывать о дипломатіи, — она также одна изъ отличительныхъ чертъ расы.

Князь Самуиль чувствовалъ, что онъ совершенно, такъ-таки совершенно влюбленъ въ Терезу и что онъ долженъ покорить эту дѣвственную землю. Онъ не чувствовалъ въ себѣ крови князя Іереміи въ прямой линіи, но, во всякомъ случаѣ, ощущалъ въ себѣ кровь какого-то общаго прадѣда и двинулся въ походъ. Но раньше, чѣмъ выпустить гусаровъ и драгунъ въ желтыхъ колетахъ съ кликомъ: «бей! убей!», онъ рѣшилъ подгото- вить почву дипломатическимъ образомъ и началъ это очень ловко съ того, что съ Здиславомъ и даже съ Стефаномъ Морскими выпилъ «Bruderschaft». Когда на другой день послѣ своего трехдневнаго пребыванія тамъ онъ опять пріѣхалъ въ Ополь, его приняли чрезвычайно любезно, радушно и радостно, но дали понять: «значить, дѣйствительно»... — и такъ далѣе.

Но князь, который не хотѣлъ подвергаться опасности и которому «могло притти въ голову вчера быть влюбленнымъ, а сегодня нѣтъ», заявилъ очень вѣжливо, что собирается навѣстить дальнѣйшихъ сосѣдей

и хотѣлъ бы просить графовъ Морскихъ, чтобы они любезно составили ему компанію.

Затѣмъ онъ фамиллярно схватилъ Здислава подъ руку и послѣ нѣсколькихъ словъ спросилъ его:

— Послушай, Здисъ, если бы ты спросилъ дѣвушку, будетъ ли ей досадно, если ты вычеркнешь свое имя изъ ея carnet, а она отвѣтила бы тебѣ, что да — что бы ты подумалъ?

Интеллигентный и знающій свѣтъ графъ Здиславъ затянулся папирсой, чтобы имѣть время подумать, и, подумавши, отвѣтилъ:

— Если бы она мнѣ правилась, я былъ бы доволенъ.

— А ты бы на это могъ положиться?

Графъ Здиславъ глубокомысленно покачалъ головой.

— Видишь ли, — сказалъ онъ, — съ тобой говорятъ иначе, чѣмъ съ другими людьми... Какъ при дворѣ... Тебѣ никто не скажетъ что-нибудь такъ, лишь бы сказать....

Князь Самуилъ удвоилъ любезность съ Здиславомъ.

— Ну, а ты на основаніи этого не сдѣлалъ бы никакихъ предположеній?

— Это зависитъ... Пожалуй, и сдѣлалъ бы.

«Да ну же, ну!» мысленно подталкивалъ графъ Здиславъ машину впередъ.

Князь Самуилъ почувствовалъ себя Висновецкимъ и вышалилъ прямо:

— А если бы это была твоя сестра Тереза?

Графъ Здиславъ не былъ приготовленъ къ такому

скорому натиску, но онъ былъ ловокъ и зналъ, что послѣ всего, что дѣлалъ до сихъ поръ Самуиль, онъ долженъ принять это какъ давно жданную вѣсть. И душу его переполнила такая радость, что онъ опять затянулся папирской, чтобы захватить немного воздуха, затѣмъ проговорилъ спокойно и не слѣша, чтобы совершенно притти въ себя:

— Если бы это была моя сестра Тереза?.. (онъ испугался)... Гм... Если бы это была моя сестра Тереза?.. (онъ замѣтилъ опасность). Ну, тогда я предпочелъ бы имѣть въ рукахъ что-нибудь болѣе вѣрное.

— Ты такъ думаешь? — спросилъ немного неприятно задѣтый Висновецкій.

«Кто не рискуетъ, тотъ не выигрываетъ, но кто слишкомъ рискуетъ, тотъ можетъ проиграть», — пронеслось быстро въ умѣ графа Здислава, и онъ повторилъ:

— Да, я предпочелъ бы имѣть вѣрный козырь. Но неужели ты серьезно думаешь о моей сестрѣ?

— Я люблю ее.

Графъ Здиславъ былъ тронутъ вдвойнѣ: искренно и порасчету — и бросился на шею Висновецкому.

Они поцѣловались.

— Послушай, — сказалъ тронутый, влюбленный князь, — я говорю тебѣ подъ честнымъ словомъ, — ты думаешь, что она приметъ мое предложеніе?

— *Qui risque trop*, — чуть громко не вырвалось у Здислава. — Ухъ, трудная игра!

— Видишь ли, она должна была бы, прямо должна

(это слово графъ Здиславъ подчеркнулъ) отвѣтитъ, что знаетъ тебя слишкомъ мало. Иначе было бы даже неприлично (онъ подчеркнулъ и это слово). Ты понимаешь?..

«Умень я», — подумалъ онъ.

— Да, я понимаю, — отвѣтилъ князь Самуилъ, грустно срубая хлыстомъ цвѣты въ газонѣ.

VI.

Князь Самуилъ къ сосѣдямъ не поѣхалъ и продолжалъ «осаждать крѣпость», но крѣпость была попрежнему неприступна. Онъ рѣшилъ употребить давно испробованную и рекомендованную величайшими мастерами хитрость. Онъ заупрямился, и хотя обгрызалъ голову хлыстка, перчатки, одѣяло, все, что понадало ему въ зубы, но въ теченіе двухъ дней не ѣздилъ въ Ополь.

На третій день отсутствіе князя серьезно обезпокоило графовъ Морскихъ. Графъ отецъ, высокій сѣдой старикъ, представительный и одѣтый, и причесанный, и подстриженный, и говорящій à la Вильгельмъ Гогенлоэ, который подражалъ одному изъ великихъ герцоговъ баденскихъ, принявшему въ свою очередь за образецъ короля англійскаго Эдуарда, нервно курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ, графиня дѣлала ошибки въ пасьянсѣ, а тетка Вычевская порола то, что вышивала. Графъ Здиславъ враждебно посматривалъ на Те-

резу, такъ какъ Ольга начала поговаривать объ отъздѣ.

Вдругъ поздно вечеромъ открылись двери, и въ нихъ показался блѣдный, взволнованный князь Самуиль. Его запекшіяся губы дрожали. Онъ пріѣхалъ верхомъ и, вѣроятно, упалъ по дорогѣ вмѣстѣ съ лошадью, или же свалился съ нея, такъ какъ былъ запачканъ грязью, и лицо около праваго глаза было исцарапано.

Всѣ вскочили съ мѣстъ.

— Что случилось, князь?! Бога ради! — воскликнулъ графъ Морскій.

Князь хотѣлъ улыбнуться, но не могъ. Теперь онъ уже совсѣмъ не притворялся.

— Я упалъ вмѣстѣ съ лошадью. Темно въ лѣсу.

— Вы ушиблись, князь, да?

— Пустяки, это ничего. Три дня я не былъ у васъ, — онъ взглянулъ на Терезу влажными глазами.

Три дня онъ не былъ и хотѣлъ выдержать, но не выдержалъ. Сѣлъ на лошадь и думалъ, скача галопомъ: «Не буду ждать! Не буду ждать! Чортъ меня побери! Я долженъ ее имѣть! долженъ! долженъ! долженъ!» Онъ забылъ о дипломатіи, которая одна изъ отличительныхъ чертъ породы, понукалъ лошадь шпорами, стегалъ ее хлыстомъ и шелъ напроломъ, пока не свалился въ лѣсу, споткнувшись о корни.

— Воды, скорѣй! — крикнула графиня Вычевская, подбѣгая съ платкомъ къ князю, по лицу котораго текла кровь. Князю удалось, наконецъ, выказать нѣкоторое спокойствіе и даже улыбнуться.

— Благодарю васъ! Ничего, ничего, пустяки!

Онъ взглянулъ на Терезу. Она стояла, опираясь рукой на столъ, спокойная, какъ всегда, но показалась ему блѣднѣе.

Князь взглянулъ на нее, потомъ обвелъ какимъ-то умоляющимъ взглядомъ присутствующихъ. Случилось такъ, что онъ могъ къ ней тихо обратиться:

— Я не выдержалъ.... я затосковалъ о...

— А!.. — вырвалось у Терезы, и она отступила къ самовару.

Князь не владѣлъ собой; онъ тяжело опустился на стулъ.

— Тебѣ дурно? — бросился къ нему Здиславъ, который не видѣлъ этой сцены, такъ какъ вышелъ къ подъѣзду присмотрѣть за лошадыю.

— Лошадь... я ушибся, — простоналъ князь на своемъ стулѣ

— Прилягте, князь, — просила графиня Морская.

Князь ничего не отвѣтилъ. Онъ закрылъ глаза и сидѣлъ на стулѣ

«Безумецъ я! безумецъ!» — повторилъ онъ въ душѣ. «Развѣ я не могъ просить мать, чтобы она узнала чрезъ Вычевскую мнѣніе Терезы... Я ворвался сюда, какъ безумный Густавъ изъ «Дѣдовъ» *). Не достаетъ мнѣ только кипарисовой вѣтки... Что же мнѣ теперь дѣлать?»...

Онъ метался на стулѣ

*) Драматическая поэма Мицкевича „Dziady“. (Помины).

— Вамъ больно? — тревожно спросила графиня Вычевская.

Князь молчалъ и продолжалъ думать :

«Да что же это?! Чтобы я, владѣтельный князь Висновецкій, пользовался какимъ-то бабьимъ посредничествомъ и ради кого, ради графини Морской!? Раз-узнавать, спрашивать!.. Что она Орлеанка, или Бур-бонка, что ли, чортъ возьми! Графиня Морская! *Voilà tout!* Эхъ!»

Онъ вдругъ вскочилъ со стула въ лихорадкѣ, ко-торая его трясла, раскрылъ глаза и сказалъ громко, порывисто, чуть не дерзко, обращаясь какъ бы ко всей семьѣ, собравшейся вокругъ него :

— Я прошу руки графини Терезы!

И въ ту же минуту, какъ отпарированный ударъ, раздался твердый, холодный, но не менѣе порывистый и рѣзкій голосъ Терезы :

— А я отказываю вамъ въ этой рукѣ.

Водворилось глухое молчаніе. Ольга Кмита вышла. Князь смертельно поблѣднѣлъ и оперся рукой о спинку кресла. Въ его глазахъ засверкали молніи, онъ поднялъ плечи, нагнулъ голову, вытянулъ нижнюю че-люсть, и казалось, что онъ бросится на Терезу. Но вдругъ лицо его судорожно измѣнилось, глаза забле-стѣли слезами, онъ упалъ на колѣни и, протягивая руки къ Терезѣ, простоналъ умоляюще :

— Прошу васъ!

— Нѣтъ! — чуть не съ отвращеніемъ отвѣтила Те-реза и вышла изъ комнаты.

Вся семья ошмѣла и въ остолбенѣніи стояла кругомъ.

Князь продолжалъ еще одну минуту стоять на колѣняхъ; Здислава, который хотѣлъ схватить его подъ руку, онъ оттолкнулъ, поднялся собственными силами и, шатаясь, отодвинулся къ стѣнѣ.

— Нѣтъ?! Миѣ, Висновецкому, — Нѣтъ?! — прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы. — Нѣтъ?!

— Самуилъ, — робко проговорилъ Здиславъ Морскій, снова протягивая къ нему руку.

Висновецкій оттолкнулъ его и выбѣжалъ изъ комнаты.

— Лошадь! — крикнулъ онъ въ сѣняхъ.

— Твоя лошадь не можетъ идти, она хромаетъ, — отозвался сконфуженный Стефанъ, который вмѣстѣ съ другими поспѣшилъ за Висновецкимъ.

— Князь, ради Бога, — пробовалъ его убѣдить графъ Морскій.

— Дайте же миѣ лошадь!... — кричалъ Висновецкій.

— Темно... ночь...

— Я прошу лошадь, говорятъ вамъ?.. — кричалъ Самуилъ.

— Не пускай его! ни за что! — шепталъ на ухо графъ Здиславъ.

Старикъ Морскій быстро подошелъ къ Висновецкому и обнялъ его.

— Князь, прошу васъ... прошу сдѣлать миѣ это одол-

женіе... оставайтесь... князь... княгиня намъ никогда не простила бы... вы больны, князь... пожалуйста....

Сердечный, до глубины души сердечный голосъ напуганнаго графа Морскаго подѣйствовалъ на князя Самуила; онъ бросился ему, рыдая, на шею.

— Такъ что?! Что?! Что теперь?!

Онъ позволилъ взять его подъ руку, провести въ комнату, раздѣть и уложить въ постель.

Онъ чувствовалъ лихорадочное состояніе, но превеличивалъ его, и уже вполнѣ ориентировался. «Святой Михаилъ, покровитель короля, имѣлъ попеченіе о немъ». Въ данномъ случаѣ, все безуміе и весь позоръ можно свалить на горячку... Онъ успокоился настолько, что могъ думать. Постарался поскорѣе потерять сознаніе и бредить, но бредилъ исключительно о львахъ, тиграхъ, о Димитріи, Іереміи и Михаилѣ Вишневецкихъ и тому подобномъ. Онъ совсѣмъ не упоминалъ о Терезѣ... «Онъ шелъ напроломъ», влекомый страстью и истиннымъ чувствомъ и, кажется, шелъ или слишкомъ рано или вообще нелѣпо. И онъ рѣшилъ спастись дипломатическимъ путемъ. Онъ потерялъ сознаніе, но его горячка была очень благоразумной.

«Чортъ возьми!» — думалъ онъ. — «Во мнѣ такъ перемѣшалась холодная кровь Корецкихъ съ горячей Вишневецкихъ, что меня черти берутъ!.. Ахъ ты дѣвка!.. Погоди!.. Ты еще будешь моей!.. Куплю тебя, если даже придется золотомъ засыпать! Люблю тебя, и ты должна быть моей, шляхтянка!»

И думая такъ, онъ вскрикивалъ, точно въ безпамятствѣ :

— Пясть! Пясть! Да здравствуетъ король Михайль!..

Въ концѣ-концовъ, онъ соскучился и замучился криками. Кромѣ того, ему страшно хотѣлось плакать о Терезѣ. Онъ стиснулъ зубы и притворился спящимъ.

Тогда взволнованная и испуганная семья графовъ Морскихъ выскользнула изъ его комнаты.

Они вопросительно глядѣли другъ на друга.

О томъ, что князю даже очень нравилась Тереза, они давно хорошо знали. Они надѣялись на предложеніе, но не думали, что оно будетъ такъ неожиданно черезъ двѣнадцать дней послѣ первой встрѣчи. Съ Терезой никто даже объ этомъ не говорилъ. Они знали, что князь на нее не производитъ впечатлѣнія, и предпочитали поговорить съ ней только тогда, когда онъ ей понравится, а что это, въ концѣ-концовъ, должно было случиться, въ этомъ они были увѣрены.

Все несчастье было въ томъ, что Тереза была не такая, но они думали о благосклонности Висновецкаго такъ же, какъ и Здиславъ. Впрочемъ, говорить было некогда: охота, балъ, визиты изъ Топорова, приемы въ Топоровѣ, а кромѣ того было обращено напряженное вниманіе и въ другую сторону, на Ольгу Кмита, такъ какъ этого брака графъ и графиня Морскіе желали не менѣе, чѣмъ брака Терезы съ княземъ Самуиломъ. Висновецкій держалъ себя такъ, что въ немъ были болѣе увѣрены, тогда какъ изъ капризной Ольги Кмита ничего положительнаго нельзя было выжать. И вотъ

они работали въ потѣ лица, осторожно, дипломатично, прямо-таки захлебываясь перспективами: тутъ дворецъ опольскій съ домомъ въ миллионъ рублей, тамъ въ Висновцѣ владѣтельная княгиня... Было чѣмъ захлебнуться.

Когда они опомнились послѣ сцены съ княземъ, графиня Морская спросила у прислуги, гдѣ Тереза, и узнала, что она у себя наверху.

Весь домъ испытывалъ странное чувство: съ одной стороны, бѣсился на нее за то, что она отказала, а съ другой — гордились этимъ.

— Знаешь, — сказалъ черезъ нѣкоторое время графъ Морскій своей женѣ, — пожалуй, лучше, что она сперва отказала. Никто не скажетъ, что она съ перваго же слова бросилась къ княжеской коронѣ и миллионамъ, и, вообще, дѣвушка подымается въ цѣнѣ.

— Да, лишь бы онъ не оскорбился, — отвѣтила Морская.

— Онъ, повидимому, страшно влюбленъ.

— Хорошо, хорошо, а я тебѣ скажу, что надо ковать желѣзо, пока оно горячо. Пусть только Висновецкая узнаетъ, что она отказала! Вы его увидите тогда здѣсь! Вы думаете, что онъ первый встрѣчный? Тереза должна его принять завтра утромъ, иначе я ни за что не ручаюсь, — сказала графиня Вычевская.

Графъ Морскій испугался, а графиня отозвалась:

— Но какъ, если она не хочетъ? Надо ее уговорить.

— Такъ пусть захочетъ. Она должна захотѣть. Развѣ мы могли мечтать о чемъ-нибудь подобномъ? Повѣрьте

мнѣ, мои дорогіе, тутъ нужно дѣйствовать буквально съ молніеюсною быстротой, — отвѣтила графиня Вычевская.

— Прежде всего, — продолжала она, — владѣтельнаго князя Висновецкаго любить съ перваго взгляда, а во-вторыхъ, почему его не любить? Онъ молодой, красивый, стройный, здоровый, интеллигентный, образованный, свѣтскій человѣкъ — князь и милліонеръ! и какой еще милліонеръ! Назови мнѣ барышню въ нашемъ краѣ, которая бы отказала ему?

— Конечно.

— Такъ пойдете, пойдете скорѣе къ Терезѣ. Я не ее боюсь и не его, а Висновецкую. Она выбьетъ ему этотъ романъ изъ головы, и что тогда? Вѣдь тутъ все только на романической подкладкѣ.

Вслѣдъ за родителями въ комнату Терезы вошли графъ Здиславъ и краснорѣчивая тетя Вычевская, которая опиралась на руку Стефана, такъ какъ ей трудно было подыматься по лѣстницѣ.

Графиня Морская открыла дверь и застала Терезу лежащей навзничь на кровати.

— Ты здѣсь?

— Да, мама, — сказала Тереза, вставая.

— Что же ты скажешь? — спросила графиня Морская, садясь въ кресло.

— Что? Ничего, мама! — отвѣтила Тереза.

— Какъ ничего? Вѣдь онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе... Правда, довольно странно и не такъ, какъ принято, но большимъ барамъ все можно. Такъ что ты скажешь?

Тереза гордо подняла голову:

— Вѣдь я дала отвѣтъ.

— И ты считаешь это своимъ окончательнымъ отвѣтомъ? — отозвалась тетушка Вычевская съ другого кресла.

— Да, тетя.

— Да-а-а?

Водворилось молчаніе.

— Какъ же это такъ? — прервалъ это молчаніе Здиславъ, на шагъ приближаясь къ сестрѣ.

— Мой милый Здись, — оживленно сказала Тереза, — мой милый Здись, если тебя Ольга любитъ, она не должна обращать вниманіе на то, увеличишь ли ты свое состояніе фабриками, сахарными заводами и рудниками Висновецкаго, тѣмъ болѣе, что она сама богата и ты будешь состоятеленъ. Если бы только это было для нея поводомъ вытти за тебя замужъ, то я первая отказалась бы содѣйствовать такому браку. Это можетъ быть для тебя подспорьемъ, но не должно быть условіемъ. Она знаетъ, что ты ее любишь, и должна понимать, отчего ты воздерживаешься отъ формальнаго предложенія. Если она тебя любитъ, то сама доведетъ тебя къ нему въ четверть часа; а если не любитъ, тогда и ты самъ, я думаю, не захочешь.

— Идіотка! — смялъ въ зубахъ графъ Здиславъ.

— Впрочемъ, — продолжала Тереза, — ты хотѣлъ, чтобы я была внимательна къ нему, и я была внимательна. Въ чемъ ты можешь меня упрекать? Но, что

ему придетъ въ голову сдѣлать мнѣ предложеніе, этого ни ты, ни я не могли представить.

— Напротивъ, я это предвидѣлъ, — сказалъ Здиславъ.

— Почему? Потому что онъ вертѣлся около меня?

— Потому что онъ имѣлъ право вертѣться.

— Какое? Пожалуйста!

— Слова о томъ, что вычеркнуть его изъ своего «сagnet» тебѣ будетъ непріятно.

Тереза удивилась:

— Это?! только?! Впрочемъ, кто тебѣ это сказалъ?

— Онъ самъ.

— Значить, вы говорили обо мнѣ?

Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу Терезы.

— Какое «сagnet»? — спросила графиня Морская.

— У насъ на балу. Онъ сталъ капризничать и хотѣлъ вычеркнуть свое имя. Спросилъ меня, причинило ли бы мнѣ это непріятность, и я сказала: да; Здисъ меня просилъ не обижать его и не отталкивать.

— Ну, моя дорогая, — отозвалась тетка Вычевская, — если порядочная дѣвушка, которая требуетъ къ себѣ уваженія, скажетъ что-либо подобное молодому человѣку, въ особенности, если этотъ молодой человѣкъ оказываетъ ей болѣе живую, чѣмъ обыкновенно, симпатію, то...

— Но это было сказано такъ невинно, тетя, — защищалась Тереза.

— Какъ бы это ни было сказано, это все-таки могло, даже должно было, дать поводъ призадуматься.

— Но, въ такомъ случаѣ, нельзя подать и стакана воды, — это тоже можетъ дать поводъ задуматься.

— Если ты не уважаешь тетки, то избавь хоть человека, который старше тебя, отъ дерзостей, пожалуйста! — сказала обиженная тетка Вычевская.

— Простите меня, тетя, я ничего дурного не хотѣла сказать. Боже мой! Чего же вы хотите отъ меня дорогіе? Вы смотрите на меня такъ, точно я сдѣлала что-то дурное? Онъ сдѣлалъ предложеніе, будучи почти не въ своемъ умѣ, а я отказала ему, такъ какъ не люблю его. Что же еще во всей этой исторіи?

На это графъ Морскій, стряхивая пепелъ со своей сигары, отвѣтилъ:

— Моя милая Тереза, ты дѣйствительно глупа, или только притворяешься?

Тереза обидѣлась.

— Что вы говорите, папа?

— Я спрашиваю тебя, притворяешься ли ты глупой, или ты дѣйствительно глупа? Если тебѣ, напримѣръ, Висновецкій не нравится, то это твое дѣло, но издѣваться надъ нами тебѣ все-таки нельзя.

— А что? — пробовала перебить его Тереза.

— Что? — повторилъ графъ Морскій, — то, что ты хорошо знаешь, кто Висновецкій, и что эта первая партія въ странѣ.

— Папа! Будь онъ королемъ, но если я его не люблю...

— Да, но благоразумная дѣвушка въ твоемъ возрастѣ, — не забудь, что тебѣ стукнетъ двадцать лѣтъ

уже недѣли черезъ три, — призадумается, прежде чѣмъ отвергнетъ такую партію. А ты сказала ему «нѣтъ», какъ первому попавшемуся мелкому помѣщику.

Тереза выпрямилась.

— Потому что мнѣ, папа, это все равно. Я выйду за того, кого люблю.

Она хотѣла сказать — люблю, но испугалась.

Вся семья, пораженная рѣшительнымъ тономъ Терезы, на нѣкоторое время умолкла. Графъ Морскій съ недовольнымъ лицомъ закигалъ потухшую сигару, Здиславъ, повидимому, очень раздраженный, понурилъ голову; Тереза среди нихъ чувствовала себя одинокой и покинутой.

Всѣ ее любили, всѣ хорошо къ ней относились, и, между тѣмъ, она чувствовала себя среди нихъ такой чужой, такой одинокой. Въ эту минуту, точно нарочно, изъ сосѣдней комнаты вышла Целинка. Тереза взглянула на нее; на губахъ Целинки блуждала какая-то таинственная коварная улыбка.

— Уходи, — сказала Целинкѣ графиня Морская, — У насъ серьезный разговоръ.

Целинка быстро взглянула на Терезу и удалилась.

— Значить, ты рѣшительно не хочешь быть владѣтельной княгиней Висновецкой? — началъ графъ Морскій на этотъ разъ ласково.

— Нѣтъ, папа, безъ любви я не выйду замужъ.

— Очень мило, очень мило. Но любовь можетъ притти даже потомъ, послѣ свадьбы. Въ нашемъ кругу составляется много партій, такъ сказать, изъ расчета,

а потомъ приходитъ и любовь и все. Я не сомнѣваюсь, что Висновецкій можетъ тебѣ поправиться, такъ какъ у него всѣ данныя для этого. Онъ поступилъ, какъ сумасшедшій, слишкомъ необдуманно, какъ безумецъ, но знаешь, что это доказываетъ? То, что онъ искренно и сильно тебя любитъ. Я ручаюсь, если бы онъ хотѣлъ жениться на какой-нибудь княжнѣ Шварценбергъ или Лихтенштейнъ, ради ихъ высокаго положенія, онъ не ворвался бы верхомъ, чуть ли не ночью, не выглядѣлъ бы, не говорилъ, не велъ бы себя, какъ сумасшедшій. Разъ на тебѣ, съ твоимъ приданымъ, хочеть жениться онъ, который, пожалуй, въ мѣсяць тратитъ больше твоего приданаго, человѣкъ, для котораго въ Европѣ, кромѣ царствующихъ лицъ, нѣтъ слишкомъ высокой партіи, то онъ долженъ любить тебя дѣйствительно и искренно. Не надо топтать человѣческихъ чувствъ.

— О, да, папа, — быстро отвѣтила Тереза, — не надо топтать человѣческихъ чувствъ! Точно такъ же вы стали бы топтать мои чувства, если бы припудили меня къ браку съ Висновецкимъ, котораго я не люблю и о которомъ, впрочемъ, не можетъ быть и рѣчи.

Графъ Морскій на минуту прищурилъ глаза и продолжалъ медленно и ласково:

— Никто тебя не принуждаетъ и не станетъ принуждать. Но нельзя оспаривать, что ты до известной степени дала Висновецкому поводъ такъ поступать. Тебѣ это справедливо замѣтила тетя Евфимія. Я только полагаю, что, пожалуй, лучше и благоразумнѣе было бы,

вмѣсто рѣшительнаго нѣтъ отложить до болѣе близкаго знакомства. Не такъ ли?

— Мой отвѣтъ всегда будетъ тотъ же.

— Онъ тебѣ очень не нравится?

— Онъ мнѣ ни нравится, ни не нравится; онъ не существуетъ для меня.

Графъ Морскій былъ недоволенъ, но сдерживался.

— Однако, обрати вниманіе еще и на то, дитя мое— сказалъ онъ снова, — что ты не одна на свѣтѣ и что нельзя жить исключительно своимъ эгоизмомъ. Существуютъ также извѣстныя обязательства относительно дома, относительно семьи, родителей, братьевъ, сестеръ. Иной разъ приходится жертвовать собой ради другихъ. И религія этому учитъ, и это одинъ изъ завѣтовъ Спасителя. Точно такъ же и мы, являясь до нѣкоторой степени династическимъ родомъ, должны помнить о томъ, что сохраненіе блеска этого рода наша обязанность, а поднять его блескъ наша слава и заслуга. Здисъ любить Ольгу Кмита, но онъ также отлично помнить, что этотъ бракъ поднялъ бы блескъ нашего имени. Ты вѣдь любишь Здися, не правда ли?

— Развѣ можно спрашивать?

— Вотъ, бракъ Здися съ Ольгой очень зависитъ отъ твоего брака съ Висновецкимъ. Ухаживанье Висновецкаго за тобой подвинуло этотъ вопросъ въ десять или двѣнадцать дней больше, чѣмъ три года тихаго ухаживанія Здися.

— Папа! — перебила Тереза.

Графъ Морскій не замѣтилъ или притворился, что не замѣчаетъ интонаціи дочери, и продолжалъ:

— Если бы тебя всѣ собравшіеся здѣсь: мама, тетя Евфимія, я, братья твои попросили: подумай только, подумай только, не отказывай, отложи время своего отвѣта на недѣлю, даже на двѣ недѣли, пусть онъ формально добивается твоей руки; неужели ты намъ въ этомъ откажешь? Неужели мнѣ нужно объяснять тебѣ, какъ сильно, какъ горячо вся наша семья жаждетъ этого брака? Подумай только! Владѣтельный князь Вишневецкій! Какое положеніе! Милліоны!

— И честный, дѣльный, молодой, красивый, умный человѣкъ, — прибавила графиня Морская, замѣчая, что мужъ плохо кончилъ то, что хорошо началъ.

Тереза слышала слова отца, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ ужасомъ и презрѣніемъ смотрѣла въ свою душу. Зачѣмъ она не говоритъ открыто, громко, что любитъ Рдзавича и что онъ любитъ ее, что она дала ему слово быть его женой... Зачѣмъ она не говоритъ этого и не прекращаетъ однимъ словомъ ненужный и непріятный разговоръ?.. Зачѣмъ она чувствуетъ, что парализовано все ея мужество, вся ея гордость, все ея достоинство и уваженіе къ собственнымъ чувствамъ?.. Развѣ это не подло, стоять тутъ, выслушивать, что они говорятъ, и не крикнуть: вѣдь я люблю!.. это подло, низко!

Тереза съ ужасомъ видѣла эту свою подлость и низость. Она въ первый разъ видѣла въ себѣ нѣчто подобное, она и не допускала, что въ ея душѣ есть такія стороны...

— Князь заболѣлъ, у него горячка, онъ спитъ, — говорилъ графъ Морскій. — Позволь мнѣ, когда онъ проснется, сказать ему, что онъ вчера попросту тебя перепугалъ и что...

— Нѣтъ, папа, ничего, ничего! — перебила отца Тереза. — Ничего. Я ничего не могу сказать князю Висновецкому кромѣ того, что уже сказала.

«Ты обманываешь себя, подло себя обманываешь! кричала душа Терезы. — Ты боишься! Ужъ не стыдишься ли ты Рдзавича?»

У нея темнѣетъ въ глазахъ.

Графъ Морскій мѣняетъ тонъ, онъ заявляетъ твердо и такъ, словно у него есть право:

— Въ такомъ случаѣ, я, какъ отецъ, дамъ ему отвѣтъ за тебя...

— Папа!..

— И дамъ другой отвѣтъ, — продолжаетъ графъ Морскій.

— Папа!..

— Какъ отецъ, который не только по законному праву, но и по обязанности, по святѣйшей обязанности долженъ заботиться о счастьѣ своихъ дѣтей.

— Но вѣдь это мое несчастье!

— Ты слишкомъ молода, чтобы разсуждать о такихъ дѣлахъ.

Тереза сжимаетъ пальцы рукъ. Одно слово, одно слово... и она не можетъ собраться съ духомъ!

— Дорогая, ты грѣшишь передъ Богомъ, — отозвалась тетка Вычевская со своего кресла. — Такой дѣ-

вушкѣ, какъ ты, хоть бы даже такой красавицѣ, сдѣлаться первой дамой въ Польшѣ! Тебѣ бы слѣдовало на колѣняхъ ползти въ Ченстохово благодарить Богоматерь.

Графы Морскіе съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ взглянули на графиню Вычевскую.

— Тетуська преувеличиваетъ, — прошипѣлъ сквозь зубы графъ Стефанъ.

Тереза не отвѣтила. Ее охватило отчаяніе, отчаяніе изъ-за собственной низости души. Неужели она до того подла, что ничего не скажетъ, ничего!..

Графъ Морскій началъ опять болѣе ласково:

— Въ твоихъ рукахъ судьба семьи. Во-первыхъ, ты осчастливишь своихъ стариковъ родителей, которые тебя очень любятъ, ты повліяешь на судьбу трехъ своихъ братьевъ и младшей сестры, которымъ послѣ твоего замужества съ Висновецкимъ будетъ очень легко сдѣлать самыя блестящія партіи. А вѣдь это задача человѣческой жизни; я не говорю, что нѣтъ еще другихъ задачъ, какъ, на примѣръ, добиться хорошаго общественнаго положенія.

Графиня Морская слегка кашлянула.

— Итакъ, дѣло рѣшенное, — отозвался съ окна въ первый разъ графъ Стефанъ, который все время молча слушалъ, — папа завтра заявитъ князю, что Тереза отсрочиваетъ свой отвѣтъ и подумаетъ. Иначе онъ самъ могъ бы предположить, что на нее произвели давленіе.

— Тереза въ отчаяніи молчитъ. Къ ней подходитъ братъ Здиславъ, беретъ ее за подбородокъ и говоритъ:

— Я поблагодарю тебя за свое счастье, сестра!

Тереза чувствует къ этому брату невольное отвращеніе, отвращеніе, которое сильнѣе всего другого. Она пятится назадъ, отвѣчая:

— И это ты хочешь назвать счастьемъ? За что ты хочешь благодарить меня? Я не буду княгиней Висновецкой!

Графъ Морскій сдерживается.

— Предоставимъ это времени, — говоритъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, ты не отвѣтишь князю «нѣтъ». Объ этомъ тебя проситъ твой отецъ, который имѣлъ бы право приказать тебѣ.

Тереза склоняетъ голову и до того сжимаетъ пальцы, что чуть не ломаетъ ихъ.

— Я только въ одномъ съ грустью убѣдился, — продолжаетъ графъ Морскій, — я всегда видѣлъ, что у тебя мало привязанности къ намъ обоимъ и къ семьѣ.

— Папа, — пробуетъ отозваться Тереза, и сердце ся наполняетъ боль, а глаза наливаются полными упрека слезами.

Графъ Морскій продолжаетъ:

— А теперь я убѣдился, и это меня особенно мучаетъ и огорчаетъ, что ты еще не созрѣла и не поумнѣла.

— А за такую дочь и думаютъ и дѣйствуютъ родители, — прибавляетъ рѣшительнымъ тономъ графиня Морская.

— И это ихъ святѣйшая обязанность, — говоритъ въ заключеніе тетя Вычевская.

— А у глупыхъ дѣвушекъ вообще не стоитъ спрашивать мнѣнія въ серьезныхъ вопросахъ, — добавляетъ графъ Стефанъ.

— Ну, ты самъ еще ребенокъ, — отвѣчаетъ ему справедливый, какъ король Эдуардъ, графъ Морскій.

А она молчитъ! Она молчитъ! Неужели слово «люблю» кусокъ желѣза, который воткнули ей въ горло?! Неужели имя: Рдзавичъ — кусокъ стали, который воткнуть ей въ горло?! И вотъ она напрягаетъ всѣ силы, рвется всей душой, вырываетъ изъ себя эти два слова, вырываетъ кровавыми руками изъ окровавленной груди и не можетъ ихъ вырвать и бросить имъ въ глаза. О, какъ она оскорбляетъ свою любовь! Какъ она оскорбляетъ этого человѣка, который ее любитъ, котораго она любитъ! Такого человѣка! Великаго человѣка!.. Вдругъ ее спасаетъ мысль: назвать его здѣсь было бы профанаціей, и въ ту же самую минуту ее охватываютъ страшныя угрызения совѣсти: какъ же такъ? профанация передъ родителями?! Тереза! Что ты подумала?! Ты должна бы пыль сметать передъ ногами родителей, ты, которая ежедневно утромъ и вечеромъ повторяешь: «Чти отца своего и мать свою»... Тереза!

— Итакъ, покойной ночи, Тереза, — говоритъ мать, вставая съ кресла. — И если, подумавъ, до завтрашняго утра рѣшишь, то приди ко мнѣ пораньше и сообщи.

— Мама... — начинаетъ Тереза, но обрываетъ.

— Что ты хочешь сказать? — спрашиваетъ графиня Морская.

Нѣтъ! Нѣтъ! Это не выйдетъ изъ ея усть! Это не выйдетъ изъ усть!..

Въ дверяхъ показалась Целинка съ конвертомъ въ рукѣ.

— Ты еще не спишь, дитя? — спросила графиня Морская. — Что у тебя?

— Записка отъ князя. Карлъ не хотѣлъ тутъ мѣшать и передалъ ее мнѣ. Для Здися.

— Отъ князя? Что это? Дай! — быстро воскликнулъ графъ Здиславъ.

Князь Самуилъ, притворяясь спящимъ, дѣйствительно уснулъ, спалъ съ полчаса, выспался и, значительно подкрѣпившись, проснулся. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой только лакея.

Нѣкоторое время онъ думалъ и соображалъ, но вдругъ его охватила страшная тоска по Терезѣ. Всегда упрямый и рѣшительный, онъ рѣшилъ дѣйствовать. Ему пришла вдругъ въ голову одна мысль и не безъ нѣкоторой мимолетной искренности. Вся семья обсуждаетъ теперь съ Терезой его дѣло, въ этомъ онъ былъ увѣренъ, иначе они были бы около него.

Притворяясь полубезсознательнымъ, онъ спросилъ лакея:

— Гдѣ господа?

— У графини Терезы! — отвѣтилъ лакей, которому это передала горничная.

«Если подѣйствуетъ, — думалъ князь, — хорошо; не подѣйствуетъ — я былъ въ горячкѣ и ничего не помню.»

— Бумаги, конвертъ, — пробормоталъ онъ.

Лакей подалъ.

Князь написалъ, вѣриѣе, намаралъ, выводя невозможныя буквы, криво, внизъ, вверхъ, однѣ маленькія, другія громадныя. Онъ былъ ловокъ и хотя впервые фабриковалъ письмо человѣка, потерявшаго сознаніе, но выполнилъ это очень хорошо.

Онъ написалъ: «Я застрѣлюсь. В.», запечаталъ конвертъ руками, которыя дѣйствительно дрожали отъ волненія, такъ какъ онъ пыталъ счастье и былъ дѣйствительно близокъ къ отчаянію, отдалъ лакею, говоря:

— Графу Здиславу.

Лакей, не желая мѣшать, передавалъ записку Целинкѣ.

Графъ Здиславъ разорвалъ конвертъ, прочелъ и передалъ матери.

Графиня Вычевская нагнулась изъ своего кресла и прочла вмѣстѣ съ ней.

— Господи Боже! — воскликнула она. — Несчастливая Маргарита!

— Что случилось? — подскочилъ отъ окна Стефанъ.

Целинка открыла ротъ.

— Смотри! Вотъ тебѣ! — сказалъ графъ Здиславъ съ пафосомъ, хватая письмо изъ рукъ матери и подсовывая его къ глазамъ Терезы.

Она прочла.

— Бѣдная Маргарита! — застонала опять графиня Вычевская, гордясь тѣмъ, что у нея тутъ наибольшее право такъ стонать.

— Что же ты на это скажешь? — спросилъ, глядя на Терезу, графъ Морскій.

Тереза прочла, и слова эти не произвели на нее никакого впечатлѣнія.

— Вретъ, — сказала она.

— Висновецкіе не врутъ! — заступился за новаго пріятеля молодой графъ Стефанъ.

И какъ она почувствовала недавно невольное отвращеніе къ Здиславу, такъ и теперь почувствовала какое-то невольное презрѣніе къ Стефану.

— Будь увѣренъ, что онъ теперь вретъ, — сказала она холодно.

— Тереза! Ты играешь жизнью человѣка, — напомнила ей тетя Вычевская.

— И жизнью, которая дорога всей странѣ! — прибавилъ взволнованно графъ Морскій.

— А вы играете моей жизнью, которая видно вамъ не такъ дорога! — выплила Тереза.

Графъ Морскій выпрямился и топнулъ ногой.

— Ты забываешься! — крикнулъ онъ.

— Развѣ все еще о князѣ идетъ рѣчь, мама? — шепнула графинѣ Морской Целинка.

— Да, но ты иди спать. Этотъ разговоръ не для тебя, — отвѣтила графиня.

— А я, мама, что-то знаю, — шепнула Целинка.

— Ты? Что ты знаешь? — спросила, улыбаясь, графиня, глядя ее по головѣ.

— Тереза влюблена.

— Что? Въ кого? Что ты говоришь?

— Я не скажу. Но скажите, мама, чтобы Тереза показала вамъ свой бюварь.

— Бюварь? Что тамъ можетъ быть?

— Я не скажу, но пусть Тереза покажетъ. Я что-то читала.

— Тереза, — сказала громко обезпокоенная графиня Морская, — что у тебя въ бюварѣ, тутъ Целинка что-то говорить.

На лицѣ Терезы выступилъ густой румянецъ, а въ глазахъ ея отразились боль, стыдъ, негодованіе. Графиня Морская даже поднялась съ кресла, пораженная впечатлѣніемъ, которое она замѣтила на лицѣ дочери.

— Покажи, пожалуйста, — сказала она взволнованно.

Тереза стояла неподвижно, вся пылая.

— Но покажи же, — настаивала графиня.

— Ты развѣ не слышишь, что мать просить? — отозвался графъ Морскій.

Тереза взглянула на Целинку; та отвѣтила ей проницательнымъ и нахальнымъ взглядомъ.

— Ну, покажи-ка намъ этотъ бюварь, — полюбопытствовала графиня Вычевская.

Тереза не тронулась съ мѣста, и графъ Морскій крикнулъ нетерпѣливо:

— Чортъ знаетъ! Долго мы станемъ тебя просить? Покажи сію минуту!

Тогда Тереза, сжавъ губы, выдвинула ящикъ своего письменнаго стола и подала свой бюварь. Кровь такъ же быстро, какъ появилась на лицѣ, отлила отъ него.

Графъ Морскій сталъ перебирать бумаги.

— Гдѣ? Что?

— Тамъ стихи и клочокъ бумаги, — объяснила Целинка.

— Уходи теперь, — сказала графиня Морская.

Целинка направилась къ дверямъ.

— Гдѣ? — сказалъ грозно графъ Морскій Терезѣ, подавая ей бюваръ.

Тереза, вся дрожа, вынула изъ прочихъ бумагъ стихи и подала ихъ отцу. Графъ Морскій надѣлъ ринсе-пез и сталъ громко читать:

— О, ты мое золото, о любовь моя!

— Что это? — спросилъ онъ, снимая ринсе-пез.

Тереза подняла руку къ горлу, она задыхалась.

Графъ Морскій снова надѣлъ ринсе-пез и прочелъ стихи до конца.

— Прекрасно, — издѣвался графъ Стефанъ.

— Не шути. Не время шутить, — сказалъ графъ Морскій голосомъ раздраженнаго инспектора полиціи. — Дальше! Что это за клочокъ, о которомъ говоритъ Целинка?

Тереза отшатнулась.

— Безъ глупостей! Ну?

Тереза, какъ человѣкъ, который все потерялъ и больше ничего терять не можетъ, вынула клочокъ бумаги съ образцами ея будущихъ визитныхъ карточекъ и передала отцу.

Графъ Морскій прочелъ вполголоса и спросилъ съ

такимъ удивленіемъ, что тонъ его голоса былъ совершенно обыченъ.

— Во имя Отца и Сына! Что это значитъ?

Опъ подалъ бумажку женѣ.

— Смотри!

Графиня прочла громко:

— Тереза Рдзавичъ, урожденная графиня Морская.

Она перекрестилась, и ея тонкое лицо съ лошадинымъ профилемъ выразило самое сильное удивленіе, которое только доступно человѣку.

— Эти стихи къ нему? — спросилъ графъ Морскій съ *rinse-nez* на носу.

Тереза не отвѣтила.

Графъ Морскій снялъ *rinse-nez* и посмотрѣлъ на жену, она на него. Всѣ вообще смотрѣли другъ на друга, не будучи въ состояніи опомниться отъ удивленія и притти въ себя.

Первымъ опомнился графъ Здиславъ.

— Ты съ ума сошла, что ли?

И всѣ опомнились.

— Такъ это причина отказа Висновецкому? — наивно спросила графиня Вычевская.

Тогда трехъ графовъ Морскихъ, а главнымъ образомъ графа Стефана отхватилъ странный, нервно-гомерическій смѣхъ, который длился нѣкоторое время.

— Да ты въ самомъ дѣлѣ съ ума сошла? — повторилъ слова сына графъ Морскій, когда пересталъ смѣяться.

Но графиня Морская почувствовала, что теперь очередь за ней.

— У тебя есть что-нибудь и отъ него? — спросила она строго.

Тереза шевельнула губами и вынула изъ шкатулки сухую вѣточку.

— Аркадія! — воскликнулъ графъ Стефанъ. — Ей Богу! — Аркадія! Что это такое? Кедръ ливанскій, или что?

— Вы говорили другъ съ другомъ? — допрашивала графиня.

— Да, — шепнула Тереза.

— И что?

— Что мы обвѣнчаемся.

Графъ Морскій рванулся какъ звѣрь.

— Безумная! Ты съ ума сошла?..

Онъ оборвалъ, такъ какъ языкъ его отъ негодованія заплетался.

— Онъ объяснялся тебѣ въ любви? — воскликнула графиня.

— Да.

Графъ Стефанъ поблѣднѣлъ, поднялъ оба кулака и закричалъ:

— Что?! Посмѣлъ?! Какой-то Рдзавичъ?! Какой-то художникъ?! Посмѣлъ?! Нѣтъ! Такое безстыдство превосходить все! А!

— Скажи лучше: наглость! — вторилъ ему графъ Здиславъ.

Тереза искала словъ для защиты, но голосъ отказался служить ей.

— Захотѣлось ему графини Морской! — кричалъ графъ Стефанъ.

— И ста пятидесяти тысячъ марокъ! — крикнулъ графъ Здиславъ.

— У тебя будетъ тетушка Перниковичъ!

— И дядя Кордупельскій.

Перестаньте, мальчики, — гордо сказалъ графъ Морскій. — Мнѣ кажется, что не случилось ничего такого, о чемъ стоило бы говорить. Теперь пойдѣмъ спать, а завтра утромъ князь Самуиль Висновецкій уѣдетъ отсюда женихомъ Терезы.

Тереза покачала головой.

Это было слишкомъ для графа Морскаго.

— Нѣтъ?! — воскликнулъ онъ. — Не уѣдетъ? Теперь мы иначе поговоримъ, сударыня! Я тутъ хозяинъ, ты слышишь?! Вмѣсто того, чтобы упасть къ ногамъ родителей, вмѣсто того, чтобы молить ихъ о прощеніи, за то, что ты запятнала наше имя романомъ съ какимъ-то бродягой, хотя о немъ газеты, даже французскія, кричали, — ты надменно качаешь головой! У тебя своя воля! Бредни! Клянусь честью! Вмѣсто того, чтобы броситься къ ногамъ матери за то, что ты затѣяла за ея спиной романъ! Ужъ не цѣловалъ ли онъ тебя? Что? Не обнималъ ли? Какъ любую дѣвку? Что??! Какой-то прохвостъ! Какой-то проходимецъ!

Тереза упала на свою постель, стоявшую около письменнаго стола.

Графомъ Морскимъ овладѣвалъ все болѣе большой гнѣвъ. Онъ подскочилъ къ ней чуть ли не съ кулаками.

— Говори! Что было!? Сейчасъ говори! Ты цѣловалась съ нимъ? Что? Онъ обнималъ тебя? Говори или...

— Болеславъ, — успокаивала его графиня.

Но тетка Вычевская сдѣлала знакъ ей рукой, чтобы она не мѣшала. Ей было ужасно интересно, цѣловались ли Рдзавичъ Терезу.

— Говори! Вы цѣловались? — пицаль дискантомъ графъ Морскій. — Ты обезчестила мой домъ, и мое имя, и мой родъ, и мою сѣдину? Что?!

— Нѣтъ, — простонала Тереза.

Графъ Морскій почувствовалъ облегченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сожалѣніе, что онъ лишился повода къ своему бѣшенству; романъ дочери съ Рдзавичемъ взволновалъ его въ высшей степени.

— Твое счастье! — крикнулъ онъ еще дискантомъ.

— Иначе его надо было бы вызвать на дуэль, — сказалъ графъ Здиславъ.

— И такъ нужно, — сказалъ графъ Стефанъ.

— Вы дураки! — безцеремонно крикнулъ графъ Морскій. — Такихъ господъ не вызываютъ на дуэль, ихъ палкой бьютъ! Чтобы такая каналья посмѣла...

— И кто могъ ожидать отъ него этого? — отозвалась графиня Морская. — Миѣ онъ даже очень правился.

— Ты всегда такъ! — обратился къ женѣ сильно раздраженный графъ Морскій.

— Это вѣрно, тутъ ты во многомъ виновата, — сказала графиня Вычевская.

— О, мама не разборчива относительно общества, — прибавилъ графъ Здиславъ.

— Но вѣдь я встрѣчала его въ свѣтѣ, — старалась оправдаться графиня.

На это графъ Стефанъ сказалъ:

— Развѣ вы не знаете, мама, что этими господами декоративную гостиную или столовую, а засимъ до свиданія! Сбродъ! На то они существуютъ, чтобы тѣшить насъ, какъ шуты. Исполнилъ свое и вонъ!

Тѣмъ временемъ графъ Здиславъ вынулъ изъ папки Терезы листъ почтовой бумаги, сѣлъ за письменный столъ и сталъ писать. Онъ кончилъ и обратился къ отцу:

— Папа, слушайте, пожалуйста, хорошо ли такъ?

Милостивый государь, господинъ

Рдзавичъ!

Я только что узналъ отъ своей сестры, что вы питали относительно ея извѣстныя надежды. Имѣю честь сообщить, что сестра моя обручена съ владѣтельнымъ княземъ Висновецкимъ.

Съ почтеніемъ

Графъ Здиславъ Морской.

— Хорошо?

— Что? Писать?! — негодовалъ графъ Стефанъ. —

Чтобы онъ потомъ хвастался передъ всѣмъ свѣтомъ, что Морскіе съ нимъ въ перепискѣ?

— Я даже не понимаю, что у васъ за охота не игнорировать всю эту исторію, — сказала, пожимая плечами, графиня Вычевская. — Онъ вѣдь узнаетъ о фактѣ изъ газетъ.

— Да, предоставимъ это газетѣ, — сказалъ графъ Морскій. — А ты можешь считать себя невѣстой князя. Впрочемъ, это очень просто. Здись, иди внизъ, и если онъ не спитъ, то передай ему, что приносишь ему слово Терезы.

Графъ Здиславъ вышелъ изъ комнаты.

Наконецъ изъ груди Терезы вырвалась жизнь; она вскочила съ кровати, на которой сидѣла, и бросилась къ ногамъ отца съ крикомъ:

— Ради Бога! Не убивайте меня!

Графъ Морскій понялся назадъ съ отвращеніемъ.

— Трагедія?

— Я люблю его! Я поклялась ему! — стонала Тереза.

— О первомъ не говорятъ, а второе въ данномъ случаѣ большая глупость — была, есть и будетъ, глупостью и ничѣмъ другимъ не будетъ, — сказалъ Морскій, страхнувъ пыль съ отворотовъ своего сюртука.

— Я поклялась Богомъ!

— Для успокоенія твоей совѣсти тебя освободятъ отъ клятвы тѣ, которые имѣютъ на это право.

— Я люблю его!

— Молчи! Довольно! — рѣзко сказалъ графъ Мор-

скій. — Всему есть предѣлъ. Мы уже узнали объ этомъ и приняли къ свѣдѣнію. Стефанъ, посыльнаго верхомъ съ депешей въ газеты — «Курьеръ» и «Познанскій Дневникъ», «Время», «Слово», «Курьеръ Варшавскій», «Край»: «Владѣтельный князь Самуилъ Висновецкій обручился съ графиней Терезой Морской, дочерью графа Болеслава и Евгени, урожденной графини Вычевской. Формальное обрученіе и свадьба состоятся въ ближайшемъ будущемъ».

Графъ Стефанъ встрѣтился въ дверяхъ съ братомъ.

— Ну, что?! — спросилъ онъ.

— Князь одѣвается и слѣшитъ сюда.

— Сюда вѣдь ему нельзя! Онъ съ ума сошелъ?! — сказалъ изъ вниманія къ своему авторитету и обстановкѣ, скрывая улыбку счастья, графъ Морскій.

— Пойдемъ всѣ внизъ. Что такое опять?!

Тереза, стоявшая на колѣняхъ на полу, лишилась чувствъ.

— Воды! Скорѣй! — крикнула графиня Морская.

— Ступай! — приказалъ графъ Морскій Стефану. — Приведи ее въ чувство, а мы со Здиславомъ сойдемъ внизъ къ князю.

Они ушли.

Князь бѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ въ брюкахъ Здислава и въ его туфляхъ.

— Нельзя, нельзя! — важно улыбнулся графъ Морскій. — Комната барышень! Вотъ горячая аравійская кровь!

Графъ Морскій отлично зналъ, что въ жилахъ кня-

зя Самуила не течеть аравійская кровь, но она текла въ жилахъ князя Іереміи.

Князь хваталъ ихъ по очереди въ свои объятія и подымалъ на воздухъ.

— Ты силенъ, какъ зубръ, — сказалъ графъ Здиславъ.

— Я теперь коня бы поднялъ! — вскричалъ князь. — Нельзя ее видѣть?

— Нѣтъ... она устала, легла. Вы, князь, такъ вра-сплохъ на нее напали по-висновецкому — дѣвушка испугалась и заболѣла со страха.

— И потому она отказала сначала?

— Да!

— А я хотѣлъ уже пулю въ лобъ себѣ пустить

— Мы выстрѣлимъ, но изъ чего-нибудь другого. Карлъ, шампанскаго въ гостиную!

А наверху съ большимъ трудомъ приводили Терезу въ чувство. Она лежала нѣкоторое время съ открытыми глазами, потомъ сказала матери тихо, но ясно:

— Мама, вы можете убить меня, но не можете меня заставить перестать любить или нарушить свою клятву.

— Отецъ уже сообщилъ князю.

Тереза закрыла глаза.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ. Теперь отдохни, чтобы завтра имѣть человѣческій видъ.

— Я не сойду внизъ.

— Въ такомъ случаѣ мы скажемъ князю, что ты очень извиняешься и что ты больна. Зато пошлешь ему это, — графиня прошла въ комнату Целинки и при-

несла оттуда рамку съ фотографіей Терезы, которую она вынула.

— Напиши сегодняшнее число.

— Мама! — вскрикнула Тереза.

— Въ такомъ случаѣ я напишу.

И графиня Морская преспокойно написала число. Тереза разрыдалась.

— Вотъ глупость вышла, — пробормотала графиня Морская, обращаясь къ Вычевской.

— Дѣвичьи бредни. Я сама была влюблена въ учителя музыки, помнишь? — отвѣтила графиня Вычевская.

Графиня Морская съ улыбкой закусила губы и сказала многозначительно.

— Помню.

Онѣ обѣ улынулись, немного смутившись. Тереза рыдала. Графиня Морская, которая любила дѣтей, съѣла около нея на кровати, начала гладить рукой ея волосы и говорила.

— Мы это сдѣлали для твоего блага.

— Я люблю его, — зарыдала Тереза.

Графиня Морская притворилась, что не слышитъ:

— Намъ нужно раскинуть умомъ за Терезу, Тереза свой умишко гдѣ-то потеряла.

— Я люблю его! — простонала опять Тереза.

Графиня Морская опять не услышала.

— Тереза будетъ большой дамой, первой дамой въ странѣ, — продолжала она, — Тереза будетъ одной изъ первыхъ дамъ въ Европѣ... Будетъ жить лѣтомъ въ

преlestномъ замкѣ, а зимой въ Парижѣ... У нея будутъ прекраснѣйшіе брилліанты и прекраснѣйшіе жемчуга... Экипажи и лошади... Будетъ первый салонъ въ Польшѣ... Всѣ...

— Мама! Ты жестока!... — стонала Тереза.

Но графиня Морская, глядя мягкой рукой ея волосы, не слушала и продолжала говорить:

— Всѣ будутъ завидовать Терезѣ, будутъ ей кланяться... Она будетъ свѣтлѣйшей княгиней Висновецкой, владѣтельной княгиней... Она будетъ занимать первое мѣсто въ свѣтѣ... Тереза завтра пойдетъ къ исповѣди, но не къ приходскому священнику, а къ отцу Стршалковскому... Я его увѣдомлю. А—а... Два кота... Господи!.. Опять обморокъ?!

Тереза опять упала навзничь безъ чувствъ.

— Ужасъ, что съ этой дѣвушкой! — воскликнула графиня Морская, совсѣмъ выбиваясь изъ силъ, и достала бутылку съ эфиромъ.

— Тереза, перестань шалить, а то мать можетъ разболѣться, — сказала графиня Вычевская строго.

— Тебѣ лучше? — спросила графиня Морская.

Тереза кивнула головой, глотая слезы.

— Спи!

Графиня Морская расчувствовалась и прибавила, цѣлуя Терезу въ лобъ:

— Бѣдное дитя!

Тереза разрыдалась, прижимая голову къ груди матери. Графиня Морская взглянула вопросительно на сестру, которая пожала плечами. Потомъ обняла и по-

цѣловала Терезу, встала съ кровати съ полными слезъ глазами. Тетя Вычевская нагнулась и поцѣловала Терезу въ лобъ.

— Мама, не уходи! — просила Тереза.

— Мамѣ нездоровится, не задерживай ее. Покойной ночи! — отвѣтила тетка Вычевская, выпроваживая быстро изъ комнаты графиню Морскую, которая сейчасъ же за дверью искренно расплакалась.

— *Taisez-vous!* — прошипѣла графиня Вычевская. — Она услышитъ.

Графиня Морская сжала платокъ зубами и начала быстро спускаться по лѣстницѣ.

Рушьяся, рушьяся, гибни весь мѣръ!..

Вотъ они оскорбляли его, порочили, оплевывали, а она не произнесла ни единого слова...

Вотъ они оскорбляли ея любовь, порочили, оплевывали, а она не произнесла ни единого слова..

Вотъ они оскорбляли его любовь...

Его любовь!..

Своей святотатственной, подлой, жалкой головой сжавъ виски кулаками, Тереза бьется о подушки. Алтарь этотъ — эта церковь, въ которую она вошла, дрожащая и тревожная, испуганная...

Храмъ, полный чудесъ, сумрачныхъ каплицъ и оконныхъ стеколъ, черезъ которыхъ разноцвѣтной, золотистой мозаикой вливается блескъ огромнаго солнца... Храмъ, въ которомъ бытутъ колокола, точно морскіе вихри и морскія волны...

Отчаяніе, Отчаяніе!

Рушьяся, гбни мїръ!

Разъяренныя, безумныя огни уничтоженія, бѣгите по немъ!

Спасенія! Освобожденія!

Стадо чудовищъ толпится надъ ней, стадо гарпій и страшныхъ призраковъ, и у всѣхъ дорогія любимыя лица — матери, отца, братьевъ, сестры...

О Боже! Не карай! Не карай!

Голова свѣшивается съ кровати.

Надъ кроватью виситъ образъ Богородицы съ Младенцемъ въ рукахъ. Темно, но образъ свѣтится; серебрянымъ, прозрачнымъ блескомъ сіяетъ онъ. Тереза видитъ въ темнотѣ кроткое, спокойное лицо Младенца. Она соскальзываетъ съ кровати и становится на колѣни.

— Царица, Царица Ангельская! Матерь скорбящая и милосердная! Святая и Пречистая! Спаси!

Серебряный блескъ погасъ.

Тереза хочетъ призвать Богоматерь, но не можетъ, и невольно начинаетъ шептать:

— Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобой, благословенна Ты въ женахъ, благословенъ плодъ чрева Твоего...

Она не можетъ молиться: голова ея склоняется къ краю кровати. Она садится на корточки.

О, стыдъ!

Значить, для того, чтобы эта любовь, эта великая, глубокая, святая любовь ея сказала мїру: «я существую» — нужень былъ ребяческой, смѣшной фактъ;

нужно было, чтобы любопытный ребенокъ заглянулъ въ чужую папку, нужна была глава изъ повѣсти о «Любопытной Цесѣ»... О, стыдъ!

Если бы теперь явился Рдзавичъ и спросилъ о ея любви!

Если бы Целинка не заглянула въ ея папку или если бы эта папка была спрятана подъ ключъ, никто никогда не узналъ бы о ея любви?

Да! Никогда, никто! О, стыдъ! О, отчаяніе! Она недостойна любить, недостойна быть любимой! Она достойна только презрѣнія, страшнаго презрѣнія!

Она потеряла всякія мысли, всякія чувства..

Домъ, комнаты, — между комнатами, посерединѣ, прудъ, въ пруду цвѣтутъ розы... Крыши нѣтъ, солнце сверху льется во внутрь.

Баронесса Леветцау ведетъ ее за руку...

Толпа людей, дамы, мужчины...

На какихъ-то ступенькахъ, въ длинной галлерей, по которой онѣ идутъ, подъ пальмами, онъ, Романъ Рдзавичъ; съ одной стороны отъ него мать, съ другой — отецъ, за ними Здиславъ, Стефанъ, Целинка, Игнатій и Висновецкій. Всѣ улыбаются и счастливы. Много, много людей...

Баронесса Леветцау ведетъ ее за руку медленно, медленно. Платье Терезы становится вдругъ очень длиннымъ, а шлейфъ ея несетъ, танцуя, какая-то пьяная дѣвушка. Онѣ идутъ такъ, идутъ и не могутъ дойти. Идутъ, все идутъ, и все ясно, все радостно, она все

видить передъ собою Рдзавича подъ пальмами, среди своей семьи, а дойти онѣ не могутъ...

Вдругъ выступаетъ изъ толпы одѣтый въ бѣлый полотняный саванъ Гупески, трогаетъ ее рукой за плечи...

— Ты спишь, стоя на колѣняхъ? — говоритъ ей графиня Морская.

Тереза подъ такимъ сильнымъ впечатлѣніемъ сна такъ ясно видитъ одѣтаго въ бѣлый полотняный саванъ перваго мужа баронессы Леветцау, что вздрагиваетъ и вскрикиваетъ:

— Ахъ!

Графиня Морская цѣлуетъ ее въ лобъ.

— Не бойся, это я!

— Это ты, мама? — говоритъ почти безсознательно Тереза.

Графиня Морская озабоченно смотритъ на дочь и торопливо прикладываетъ руку къ ея лбу.

Тереза вся въ огнѣ, у нея лихорадка.

— Тебѣ нехорошо? — спрашиваетъ графиня.

Тереза не чувствуетъ себя плохо, но никакъ не можетъ собраться съ мыслями.

— Что это? Что это, мама? Что случилось? — спрашиваетъ она.

— Ничего, ты уснула во время молитвы. Ложись. Еще очень рано: пятый часъ.

— Пятый?.. Зачѣмъ ты пришла такъ рано, мама?

— Я хотѣла заглянуть къ тебѣ, хорошо ли ты спишь.

Тереза приходитъ въ себя. Она бросается на грудь матери, и страшный, душу раздирающій, переходящій въ вопли плачь разрываетъ ей грудь. Въ дверяхъ показывается личико самаго младшаго брата Терезы, десятилѣтняго Игнася, съ монтекристо въ рукѣ, въ охотничьемъ костюмѣ, розоваго и красиваго. Онъ услышалъ плачь и открылъ дверь. При видѣ сестры, которую онъ любилъ больше всѣхъ, въ такомъ отчаяніи, на полу, у ногъ матери, онъ испуганно вскрикиваетъ:

— Мама! Что случилось съ Терезой?

Графиня Морская тоже плачетъ. Игнась начинаетъ нервно всхлипывать.

— Что случилось, мама?

Открывается сосѣдняя дверь, и въ ней показывается Целинка, въ ночной рубашкѣ. Графиня Морская, не будучи въ состояніи говорить, дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы они ушли. Игнась послушно идетъ въ комнату Целинки, которая садится на кровати.

— Целя? Что случилось?

— Тереза глуна, — отвѣчаетъ Целинка.

— Какъ такъ?

— На ней хочетъ жениться князь Висновецкій, а она хочетъ выйти за Рдзавича, скульптора.

— Ну такъ какъ же князь можетъ хотѣть жениться на ней?

— Такой князь можетъ все, что захочетъ.

— А почему ты сказала, что Тереза глуна?

— Надо же быть глупой, чтобы ревѣть оттого, что будешь княгиней и милліонершей.

— А если она любитъ этого скульптора?

Целинка надуваетъ губки à la тетья.

— *Fi donc!* Вѣдь не хотѣлъ же бы ты *mesalliance*'а въ семьѣ?

Игнатій не знаетъ, что отвѣтить. Ему приходитъ въ голову что-то, о чемъ когда-то говорилъ дядя Левъ; онъ начинаетъ:

— А дядя Левъ...

Целинка перебиваетъ его, повторяя общее мнѣніе:

— Дядя Левъ глупъ!

— Ты сама глупа, — сердится за дядю Игнатій.

Сердится и Целинка и кричитъ:

— Убирайся отсюда!

— Убирайся ты! — отвѣчаетъ Игнатій.

— Я въ своей комнатѣ!

— А я мужчина!

— Хорошъ мужчина, который оскорбляетъ женщину. Кромѣ того у тебя ружье, а я въ рубашкѣ...

— Мама! — шептала Тереза. — Мама моя!

— Дитя дорогое! — отвѣтила, рыдая, графиня Морская. — Успокойся. Никто вѣдь тебя не заставитъ, хотя, если бы ты согласилась, я дала бы обѣтъ поститься по пятницамъ до конца жизни и до конца жизни служить каждое воскресенье три обѣдни. Но неужели ты думаешь, что если бы Висновецкій совсѣмъ не существовалъ на свѣтѣ и если бы вообще не было рѣчи о какомъ-либо твоёмъ замужествѣ, то я бы позволила тебѣ выйти за этого человѣка? Развѣ ты знаешь, развѣ ты можешь знать и представить себѣ, что значитъ быть

женой художника? Ты не обдумала этого, дитя мое. Миѣ рассказывали о женѣ одного нотаріуса въ Варшавѣ, дочь котораго влюбилась въ какого-то поэта; мать ей сказала, что предпочитаетъ видѣть ее въ гробу, чѣмъ его женой. Миѣ это казалось тогда преувеличеніемъ, а теперь я вижу, что это не преувеличеніе. Боже мой! ты — жена художника! Я уже умолчу о семейныхъ условіяхъ, но развѣ ты знаешь, что такое художники? Это все красные, нищіе, развратники, пьяницы, всѣ въ долгахъ, безъ всякой нравственности, безъ всякихъ убѣжденій, чаще всего безъ религіи. Сегодня здѣсь, завтра тамъ, сегодня въ Варшавѣ, завтра въ Римѣ, послѣ завтра въ Парижѣ.

— Но, мама, — прервала ее Тереза, — вѣдь всѣ наши родные и знакомые дѣлаютъ то же самое.

— Это другое дѣло. Въ обществѣ принято много путешествовать, а такой Рдзавичъ — это бродяга.

Лицо Терезы искривилось отъ боли.

— А потомъ, какой была бы твоя жизнь? Всякая натурщица, всякая... ну, ужъ не скажу. Каждый изъ этихъ господъ подвергается тысячѣ искушеній. Правда, и у насъ тоже не всѣ мужья вѣрны, но это нѣчто другое, у богатыхъ людей бываютъ свои фантазіи! Впрочемъ, я этого совсѣмъ не оправдываю, — но чтобы такой господинъ тебѣ измѣнилъ! Нѣтъ! Только этого не доставало! Чтобы мою дочь, графиню Морскую, обманывалъ господинъ Рдзавичъ! Но это еще не все! Вѣдь онъ знаменитость! Ты была бы тѣнью своего мужа. Не для этого я тебя воспитывала. Никогда!

— Это было бы для меня величайшимъ счастьемъ, мама, — шепнула Тереза.

— Никогда! Если бы ты даже не вышла за Висновецкаго, знай, что пока отецъ и я живы, ты за Рдзавича не выйдешь! Да поможетъ миѣ Господь Богъ, святой Францискъ Ассизскій! Что же касается Висновецкаго, то подумай: неужели у тебя хватитъ мужества и сердца компрометировать насъ? Компрометировать слово, данное отцомъ, который за всю свою жизнь былъ образцомъ джентльмена, человѣка возвышенныхъ рыцарскихъ понятій; слово Здислава, идущаго по стопамъ отца. Ты вѣдь знаешь, что онъ передалъ Висновецкому твое согласіе.

Все это было сказано съ твердой рѣшимостью, — графиня Морская начала болѣе ласково:

— Я люблю тебя и хочу только твоего счастья. Если ты убѣдишься, что не можешь любить Висновецкаго, — что дѣлать, за руку я тебя не потащу. Въ настоящее же время я прошу тебя и требую отъ тебя, не компрометируй насъ! Ты должна согласиться на формальное обрученіе и быть, по крайней мѣрѣ, невѣстой князя до тѣхъ поръ, пока дѣло между Здиславомъ и Ольгой не выяснится. Потомъ посмотримъ. Обѣщаешь ли ты миѣ это?

Тереза молчала.

— Ты обѣщаешь? — повторила графиня.

— Не могу, — стонала Тереза. — Мама! Мама!

Вдругъ графиню Морскую молніей поразилъ одна мысль, — она задыхалась.

— Но, несчастная! — крикнула она. — Подумай только! Что же Висновецкій подумаетъ? Что мы издѣвались надъ нимъ? Ты думаешь, онъ это такъ оставить, махнетъ рукой? Что онъ перенесетъ такой позоръ?! Что онъ позволить свѣтскимъ людямъ сказать ему ночью — да, а утромъ — нѣтъ?! Онъ?! Первый магнатъ въ Польшѣ?! Что ты думаешь?! Онъ вызоветъ на дуэль Здислава, вызоветъ Стефана, вызоветъ отца! Ты видѣла, какъ онъ стрѣляетъ? Онъ ихъ всѣхъ убьетъ!

Графиня вѣрила въ то, что говорила, и тѣмъ легче было ей усилить впечатлѣніе.

— Ты хочешь, чтобы на твоей совѣсти была смерть отца и обоихъ братьевъ? Онъ никого не пощадитъ. Ты хочешь видѣть меня вдовой, Целинку и Игнася сиротами?! О!..

Она безпомощно опустилась въ кресло, на которомъ сидѣла. Тереза сѣла на кровать, чувствуя, что весь міръ вмѣстѣ съ ней рушится.

— Ничего, ничего, даже этой минутной, можетъ быть, жертвы, уже не ради счастья, а ради чести и жизни твоего отца, ради чести и жизни твоихъ братьевъ, ради меня, ради Целинки, ради Игнася — ты и этой жертвы не принесешь?

— О, мама! — Тереза опустила голову въ отчаянной покорности.

— Ты это сдѣлаешь? — крикнула графиня Морская.

— Сдѣлаю, — глухо отвѣтила Тереза.

Тереза проснулась. Солнце свѣтило уже черезъ окон-

ныя стекла, ясное, золотое. Тереза проснулась точно послѣ тяжелаго сна. Но это не былъ сонъ.

Теперь только одна мысль царила въ ея головѣ: до сихъ поръ говорили они, но что скажетъ онъ: онъ, этотъ человекъ, который самъ о себѣ говорить, что мраморъ гнется и дробится въ его рукахъ?

Что онъ скажетъ?

Онъ ворвется сюда, разобьетъ все, вырветъ ее, спасетъ для себя и для нея...

Богатырь!

Вдругъ она задрожала. Куда же онъ ворвется, откуда вырветъ ее, отъ кого освободить? Изъ дому, отъ родителей.

А все-таки, все-таки онъ что-нибудь сдѣлаетъ, что-нибудь придумаетъ, онъ мужчина, онъ гений...

Вдругъ она представила себѣ дуло револьвера, направленное рукой Висновецкаго въ голову Рдзавича.

Нѣтъ, Висновецкій не посмѣлъ бы...

И она разсмѣялась въ душѣ отъ этой мысли... Онъ не посмѣлъ бы... Неужели бы они съ этимъ человекомъ чего-нибудь не посмѣли... Нищій, каналья, бродяга...

И опять ее охватило отчаяніе.

А все-таки, все-таки... Она женщина, она безсильна, она связана такъ, что не можетъ двинуться съ мѣста, — онъ долженъ, онъ долженъ освободить ее ради нея, ради себя, — онъ долженъ, онъ долженъ знать, какъ это сдѣлать!..

Если бы онъ зналъ, какъ она позволила оскорблять его, какъ позволила порочить его, плевать на него...

Онъ простилъ бы, простилъ бы!.. Онъ умный, онъ мудрый, онъ опытный... Она будетъ лежать у ногъ его... Она сознается во всемъ, сама, сама все скажетъ... Сознается и умолитъ. Онъ пойметъ, онъ проститъ... Она напишетъ ему... Пусть онъ совѣтуетъ, пусть придумаетъ способъ спасенія!..

У нея столько вѣры въ благоразуміе, энергію, въ силу и мужество, въ геній Рдзавича. Мраморъ гнется и дробится въ его рукахъ; онъ удивляетъ людей, онъ можетъ удивлять весь міръ!..

Правда! Но какъ отправить письмо?.. Отецъ самъ передаетъ всѣ письма посыльному... Ну, такъ она сама поѣдетъ въ городъ.

Ахъ! Но раньше Рдзавичъ прочтетъ газету съ объявленіемъ о ея обрученіи...

О, Господи! Что дѣлать?

Она ночью сегодня пойдетъ, уйдетъ тайкомъ, ускользнетъ и пошлетъ телеграмму.

Баронесса Леветцау прошла пѣшкомъ за своимъ возлюбленнымъ полъ-Европы, питаясь милостыней — она пройдетъ только двѣ мили...

Она такъ сдѣлаетъ... Протелеграфируетъ ему коротко: «не вѣрь газетамъ, будь спокоенъ, письмо все разъяснитъ». Письмо какъ-нибудь будетъ отправлено, а въ письмѣ она все напишетъ. И онъ пойметъ все и проститъ, и посовѣтуетъ. Онъ долженъ посовѣтовать. Они должны выйти изъ этого омута!.. Должны! должны!..

Господь Богъ поможетъ! Господь Богъ не допуститъ, чтобы она нарушила свою клятву, и не допуститъ ихъ до несчастья...

Богъ милостивъ...

Она начала молиться искренно, горячо. Вдругъ вошла въ комнату тетка Вычевская, а за ней появился отецъ викарій Стшалковскій.

— Отецъ викарій узналъ, что тебѣ нездоровится, и пришелъ навѣстить тебя, — сказала графиня Вычевская.

— Да святится имя Господне! Здравствуйте, графиня.

— Во вѣки вѣковъ. Аминь, — отвѣтила Тереза, кутаясь въ одѣяло.

Отецъ викарій сѣлъ около кровати, графиня Вычевская бросила на него многозначительный взглядъ и вышла.

Значить такъ?! Значить, такая клятва не имѣетъ значенія, это только обмолвка... опрометчивость и горячность молодости... Козни соблазнителя... Темные духи, отравленные ядомъ городовъ... Декадентство, вредное для людей и богопротивное... Церковь имѣетъ право все развязать, разрѣшать отъ всѣхъ грѣховъ... Надо господствовать надъ тѣломъ. Не надо юбольшаться собственнымъ воображеніемъ... Первый долгъ дѣтей — покорность родителямъ... Нельзя сдѣлать ни шагу, нельзя ничего предпринять по собственной волѣ, вопреки волѣ, намѣренію, запрету родительскому подъ угрозой лишенія Божьяго благословенія... Сегодня просьба дру-

га, завтра запрещенія духовника. Одно, что подобааетъ молодой дѣвушкѣ, это отдать свою судьбу въ руки земныхъ родителей и духовнаго отца. Богъ далъ устами Моисеевыми родителямъ власть надъ дѣтьми, Христосъ установилъ абсолютную и безпредѣльную духовную власть надъ совѣстью вѣрныхъ сыновъ и вѣрныхъ дочерей Церкви. Святой Духъ даетъ священникамъ свѣтъ прямо съ неба. Выступить противъ одной, либо противъ другой власти, это значитъ выступить противъ Бога Отца, Сына и Святого Духа. Значитъ, Самъ Богъ даже противъ нея?

Послѣ обѣда пріѣхала княгиня Висновецкая съ сыномъ.

Она вошла въ комнату Терезы въ сопровожденіи графинь Морской и Вычевской, улыбаясь ласково и покровительственно, и изволила быть довольной. Она поцѣловала Терезу въ лобъ около волосъ нѣсколько разъ и посоветовала принять кастороваго масла. Ничто такъ не успокаиваетъ нервовъ. Она просидѣла съ четверть часа, шуршала шелками и турецкой шалью, сверкала драгоценными камнями и маленькой, узенькой ножкой въ лакированныхъ ботинкахъ и сказала:

— Благодарю тебя, моя дорогая; Самуиль очень счастливъ.

Она посоветовала еще разъ кастороваго масла, или даже клистиръ, опять поцѣловала Терезу въ лобъ около самыхъ волосъ и вышла, шелестя шелками и турецкой шалью.

Изъ всего поведенія княгини Тереза убѣдилась, что

князь, должно быть, ничего ей не сказалъ, кромѣ того, что сдѣлалъ предложеніе и былъ принятъ. Морская и Вычевская выручали ее въ отвѣтахъ княгинѣ, усердно и ясно подчеркивая, что ея нездоровье минутное и что въ общемъ Тереза образчикъ здоровья и силъ, несмотря на свою блѣдность. Такая же блѣдная была ея бабушка, у которой было четверо дѣтей, и такія же блѣдныя были двѣ покойныя тетушки, изъ которыхъ каждая имѣла по три сына и двѣ дочери и, вдобавокъ, раньше сыновей, а потомъ дочерей.

Княгиня казалась спокойной. Она приложила лорнетку къ глазамъ и зорко присматривалась къ Терезѣ, точно измѣряя ея фигуру и ростъ подъ одѣяломъ.

Она уѣхала довольно поздно, такъ какъ Самуилъ заигрался въ карты съ домашними и отцомъ Стшалковскимъ.

Было около одиннадцати часовъ ночи. Луна ярко свѣтила.

Тереза встала съ кровати. Она чувствовала странную слабость, но одѣлась и остановилась у окна.

Паркъ благоухалъ, и въ воздухѣ было тихо.

Изъ груди Терезы вырвался необыкновенно глубокой, безгранично грустный вздохъ: Боже мой!... Боже мой! Не можетъ быть, чтобы Ты былъ противъ меня!.. Ты со страждущими, Ты видишь, какъ я страдаю!.. Боже! Боже! Нѣтъ! нѣтъ! Ты не могъ говорить устами Стшалковскаго... нѣтъ! Твоя правда иная, иная Твоя воля!

И Тереза ясно увидѣла передъ собой баронессу Ле-

ветцау, какъ она семнадцатилѣтнимъ ребенкомъ идетъ, собирая милостыню, изъ Румыніи въ Англію, за своимъ возлюбленнымъ Гунеску...

Нѣтъ! Нѣтъ! Не можетъ быть! Одинъ папа непогрѣшимъ! Всѣ остальные люди ошибаются! Она умолитъ архіепископа, чтобы онъ спросилъ Святого Отца въ Римѣ, можетъ ли отецъ Стшалковскій разрѣшить ее отъ клятвы... Ахъ! по любовь въ ея сердцѣ могъ бы вырвать только Богъ смертью!..

Что будетъ? Послѣ завтра, пожалуй, даже завтра, Рдзавичъ прочтетъ извѣстіе о ея обрученіи... Что онъ подумаетъ о ней?.. Что съ нимъ будетъ?.. Нѣтъ! Нѣтъ!. Онъ долженъ знать, что это неправда, неправда!..

Она пойдетъ — пошлетъ телеграмму... Она побѣдитъ своей волей слабость и безсиліе.

Лошадей нельзя взять — пойду пѣшкомъ!.. Одна?

Ее охватываетъ страхъ. За паркомъ пустыя поля, потомъ лѣсъ...

Вдругъ ей приходитъ въ голову — взять Игнатія.

На цыпочкахъ прокрадывается она въ комнату, въ которой спитъ Игнатій, и будитъ его. Игнатій протираетъ глаза.

— Что?

— Вставай, одѣвайся.

— А что? что?

— Тихонько! Одѣвайся скорѣе. Пойдемъ.

— Куда?

— Одѣвайся. Только тихонько.

Игнатій одѣлся.

— Куда мы идемъ?

— На телеграфъ.

— На телеграфъ? Двѣ мили?

— Да. Не спрашивай, я все тебѣ скажу.

— Взять стрѣлу или копье?

— Бери хлысть и дай мнѣ другой.

Они вышли. Никто не замѣтилъ. Вылѣзли изъ парка черезъ отверстіе въ оградѣ, которое зналъ Игнатій.

— Что ты хочешь телеграфировать?—шепнулъ онъ.

— Я должна...

Игнатій обнялъ ее.

— Ты очень несчастная, Тереза? Правда?

— Очень...

— Зачѣмъ я такой маленькій? Я вызвалъ бы Висновецкаго на утоптанную землю, на сабли или на пистолеты, какъ Збышко Ротгера, и убилъ бы его! Впрочемъ, вѣдь Здись, Стефанъ....

Игнатій нѣкоторое время молчитъ, затѣмъ говоритъ:

— Знаешь что?

— Ну?

— Убѣжимъ!

Тереза улыбнулась.

— Куда -нибудь, на какой -нибудь необитаемый островъ. Построимъ себѣ избу изъ вѣтвей; я умѣю дѣлать луки...

Они идутъ полемъ, въ которомъ съ краю, подъ лѣсомъ, стоитъ каменная часовня, а въ часовнѣ Богъ

Отецъ, Спаситель и Духъ Святой въ видѣ голубя.
Часовня св. Троицы.

На нее падаетъ лунный свѣтъ и серебрить всю ее, образуя большой столбъ свѣта подъ лѣсомъ. А свѣтъ этотъ, этотъ блескъ падаетъ прямо въ глаза Терезы, прямо въ глаза...

И душа Терезы начинаетъ дрожать...

Богъ устами Моисея далъ родителямъ власть надъ дѣтьми; Христосъ установилъ абсолютную и неограниченную власть духовную надъ совѣстью вѣрныхъ сыновъ и вѣрныхъ дочерей Церкви; Духъ Святой даетъ священникамъ свѣтъ прямо съ небесъ... Выступить противъ одной или противъ другой власти, это значитъ выступить противъ Бога, Христа и Духа Святого!.. Завтра, завтра, отецъ Стшалковскій будетъ ее ждать къ исповѣди...

Она скажетъ ему, что она ночью выходила, что она задумала самовольный шагъ вопреки запрету, волѣ и намѣреніямъ родителей, что она осмѣлилась на что-то такое, что онъ воспретилъ ей подъ угрозой лишенія Божьяго благословенія... А если бы она теперь умерла?

Страшная холодная дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Ей показалось, что сатана хватается ее тутъ же, хватается за волосы. Навѣки въ адъ, навѣки!..

И она не только сама бунтуетъ противъ власти родителей и своего духовника, она и маленькаго брата дѣлаетъ своимъ соучастникомъ.

Скажетъ ли она это завтра отцу Стшалковскому во время исповѣди? Скажетъ ли она? Нѣтъ, скорѣе

она умереть отъ стыда, отъ страха, отъ ужаса передъ нимъ и передъ тѣмъ, что онъ ей скажетъ, когда услышитъ это?.. Онъ не разрѣшитъ ей грѣховъ — никогда! никогда!.. А если она потомъ умретъ...

Холодный потъ выступаетъ на лбу у Терезы; она шатается. Они уже подъ бѣлыми стѣнами часовни Святой Троицы.

— Тереза! Что съ тобой? — кричитъ испуганный Игнатій.

Тереза опирается о часовню, у нея рябитъ въ глазахъ; глаза ея закрываются, она опускается на землю у стѣны.

— Игнатій... пичего... ни единого слова... скажи — прогулка... пройтись...

VII.

Быль чудный сентябрьскій волшебный день. Небо, голубое небо, сіяя солнцемъ, безъ единого облака, простиралось надъ темнозелеными, полными блеска взгорьями. Солнце проникало въ темнозеленую чащу лѣсныхъ сосенъ. Луга блестѣли передъ глазами до восторга и опьянѣнія. По Гевонтовой скалѣ струился голубой и золотистый воздухъ. Солнце шло съ юга, изъ какого-то волшебнаго міра, и казалось, что оно несетъ сюда только часть своего очарованія, и тѣмъ не менѣе было ужъ такъ необычайно прекрасно на свѣтѣ; что же послѣ этого должно быть тамъ, за горами?..

Какія-то безмѣрныя, бирюзовыя, шумящія свѣтомъ моря, какое-то необъятное чудо міра, которое и выразить нельзя. То, что видятъ глаза, не можетъ быть самымъ прекраснымъ, — самое прекрасное то, что грежится — оно еще прекраснѣе...

Ахъ, тамъ! за Татрами... Развѣ тамъ не волнуется земля, упоенная своей собственной красотой, опьяненная счастьемъ своей красоты....

Развѣ она не колышется отъ избытка чудесъ, которыя, восторгаясь сами собой, хотятъ проникнуть другъ въ друга, сплестись, спутаться въ одну огромную гармонию, вѣчно юныя и вѣчно прекрасныя, кружить въ голубой пустынѣ, какъ райскія птицы въ пространствѣ, видя блескъ своихъ перьевъ, отраженныхъ въ водѣ.

Въ такое утро Лановскій сидѣлъ передъ избами Скибовки на узкой заваленкѣ у стѣны съ Элей Росенской. Онъ сидѣлъ, понуривъ голову; она опиралась теменемъ о стѣнное, полукруглое, красное бревно и глядѣла на небо.

Они молчали, пока Лановскій не сказалъ:

— Что дѣлать человѣку, который проклять?

— Искать утѣшенія, — отвѣтила Росенская.

Лановскій векочилъ.

— Но если онъ проклять такъ, какъ я? Въ чемъ могу я найти утѣшеніе! Только въ одномъ: пустить себѣ пулю въ лобъ!

Эля Росенская, которая знала, что Лановскій ее любитъ и которой все на свѣтѣ было безразлично, ко-

торая сѣяла своими руками вокругъ только добро, какъ наемный земледѣлецъ сѣетъ въ землю обильное зерно, ибо руки его полны имъ, — протянула свою бѣлую; холодную, худую руку и положила Лановскому на руки, говоря:

— Если вы хотите, чтобы я стала вашей женой, то я согласна.

Лановскій вскочилъ, — отъ счастья, отъ удивленія онъ произнести ни слова не могъ; смотрѣлъ только на Элю, точно не зная, не ослѣпило ли его солнце избыткомъ свѣта.

— Вы хотите? — повторила Эля Росенская.

— Эля! — воскликнулъ Лановскій, — стараясь убѣдиться, что онъ не спитъ, что онъ въ своемъ умѣ.

Эля! — и больше ничего не могъ сказать.

Тогда Эля Росенская наклонилась и спокойно, серьезно, какъ сестра, поцѣловала его въ лобъ.

Лановскій упалъ къ ея ногамъ и съ громкимъ рыданіемъ сталъ цѣловать ихъ. А она положила свои худыя, холодныя ладони на его голову, смотрѣла на него спокойно и серьезно, какъ врачъ, принимающій благодарность отъ того, кому онъ спасъ жизнь.

Лановскій не спрашивалъ, любитъ ли его Эля, зачѣмъ она дѣлаетъ это. Онъ утопалъ въ счастьѣ, какъ мѣръ вокругъ него — въ солнцѣ. Наконецъ, онъ не выдержалъ, оторвался отъ колѣнъ Эли Росенской, поднялъ руки и воскликнулъ:

— Боже! Ты на небесахъ! Вотъ первый прекрасный Твой день въ моей жизни!

И снова сталъ плакать и смѣяться, стоя на колѣняхъ у ногъ Эли Росенской; такъ молодое животное, спасенное изъ воды, которая ужъ душила его, помня боль и страхъ, плачетъ, порывисто дышитъ и безумствуетъ отъ радости.

Эля Росенская, загорѣвшая отъ солнца, которое жгло ее въ продолженіе лѣта, сидѣла, улыбаясь, какъ тотъ, чья душа не имѣетъ ужъ ничего общаго съ земной скорбью и радостями, и слегка проводила пальцами по волосамъ Лановскаго.

— Эля! — вскрикнулъ, наконецъ, Лановскій, — вы знаете, что я боленъ, что мои десны гниютъ и это неизлѣчимо!

— Знаю, — отвѣтила Эля Росенская.

Лановскій не смѣлъ продолжать; онъ смотрѣлъ на нее, и невыразимый ужасъ блеснулъ въ его глазахъ.

— Знаю, — повторила Эля Росенская, опуская свою руку съ его волосъ на лобъ.

— Святая, — шепнулъ Лановскій.

— Встань, — отвѣтила Эля Росенская, подымая его съ земли и чувствуя, что теперь дѣйствительно подымаетъ, дѣйствительно спасаетъ человѣка.

Но тогда... тогда сердце ея переполняла безмѣрная любовь... теперь только состраданіе.

Лановскій поднялся, дрожащій и безпомощный; Эля посадила его рядомъ съ собою, и они сидѣли такъ нѣкоторое время, молча.

— Боже! какъ прекрасенъ міръ! — громко вздохнулъ Лановскій и взглянулъ въ лицо Эли.

Она глядѣла на небо, какъ тотъ, кого ничто больше не связываетъ съ землею, чья обѣтованная земля тамъ.

Лановскій отодвинулся слегка съ какимъ-то торжественнымъ уваженіемъ.

— Эля! — шепнулъ онъ, понуривъ голову.

Эля Росенская улыбнулась ему, какъ духъ, который сошелъ на время на землю, чтобы людямъ, съ которыми его ничто не связываетъ, оказывать добро.

Въ своей мастерской въ Скибовкѣ, недалеко отъ дома, гдѣ жила Лаура съ Элей Росенской и ребенкомъ, и недалеко отъ дома, гдѣ жили Тенжелди, Рдзавичъ стоялъ передъ громадной глыбой мрамора и отесывалъ ее молоткомъ.

Это былъ свадебный подарокъ для Терезы: «Тишина».

Должна была быть изображена фигура женщины, сидящей на камнѣ у дерева съ арфой въ рукахъ, на которой безвольно лежатъ ея пальцы; она вслушивается. Лицо должно было быть лицомъ Терезы, ея волосы, ея фигура.

И мраморъ гнулъся и дробился въ рукахъ Рдзавича. Съ мраморной глыбы по наведеннымъ линіямъ, подъ долотомъ и молоткомъ отпадали обломки, какъ изъ-подъ рукъ атлета. Огонь, который горѣлъ въ стальныхъ глазахъ Рдзавича, казалось, расплавлялъ твердый камень. Бѣшеная, дикая энергія творца расширяла грудь художника, вихремъ вздымала его руку. Онъ ковалъ, какъ

Титанъ. Его опьяняло чувство сознанія этой силы, этого мужества, этой богатырской энергiи.

Онъ рѣшилъ все исполнить одинъ, одинъ. Никто не дотронется до мраморнаго тѣла Терезы, какъ никто, кромѣ него, не прикоснется къ ней живой.

На часахъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, медленно пробило четыре часа пополудни.

Душу Рдзавича наполняли радостныя мысли. Если Лановскій безумствуетъ отъ счастья, значитъ счастье возможно... Сомнѣнiя, страхъ, дурныя предчувствiя, печальный опытъ — исчезли.

Рдзавичъ отложилъ въ сторону молотокъ и долото, вынулъ изъ портфеля на столѣ письмо Терезы, сталъ его перечитывать, и глаза его засіяли.

Это писала она, она...

Вся душа, все бытiе, весь смыслъ его жизни стояли передъ глазами Рдзавича.

Что значитъ все, все въ сравненiи съ ней?

Развѣ это не волшебство, что женщина, которую любишь, можетъ стать всѣмъ? Какъ источникъ въ пустынѣ — все для томимаго жаждой странника. А жизнь развѣ не песчаная пустыня для человѣка? Развѣ существовалъ когда-нибудь какой-нибудь высшiй творческiй умъ, который бы не чувствовалъ этого до глубины, до дна души? Рдзавичъ всегда, думая о будущности, ощущалъ прежде чувство безпокойства и страха. Его нервная робость содрогалась въ болѣзненной дрожи, когда онъ представлялъ себѣ то, что, такъ или иначе, сдѣлать необходимо, — его напряженная гордость и са-

молюбіе трепетали въ предчувствіи всевозможныхъ не-
пріятностей. А теперь, глядя на свою скульптуру, онъ
набирался мужества и бодрости. Нервы его, напряга-
ясь при творческой работѣ, успокаивались и, преодолю-
вая трудности творчества, набирались мощи и крѣпо-
сти. Происходило то свойственное именно первымъ
моментамъ творчества торжество личныхъ, индивиду-
альныхъ силъ, ощущеніе своего «я» и идущее вслѣдъ
за нимъ презрѣніе ко всему, что ниже творчества. Го-
споди! Да кто же онъ такой? Развѣ онъ не великій ху-
дожникъ, великій творецъ, имя котораго произносится
все съ большимъ уваженіемъ. Развѣ его не посѣщаетъ
какая-то невѣдомая творческая сила, которая создаетъ
въ его головѣ видѣнія, поднимаетъ его руки, такъ
что онѣ работаютъ, какъ машина, не зная, какую ра-
боту онѣ должны исполнять? Развѣ онъ не одинъ изъ
тѣхъ избранныхъ, которые стоятъ выше толпы, имѣ-
ютъ право чувствовать это, и имѣютъ право требовать,
чтобъ и другіе люди чувствовали это? Развѣ есть что-
нибудь въ мірѣ, что не должно, не должно уступить
передъ творческимъ духомъ?

И бѣшеная, дикая, гордая энергія художника-творца
начала разрывать ему голову, грудь, все существо его,
и ему казалось, что онъ бросится съ голыми руками на
мраморъ и вырветъ изъ этой мертвой, глухой глыбы
драгоценный образъ своей души и сердца, а испуганный
камень задрожитъ, согнется и раздробится подъ его
рукой.

Какъ Богъ!... Какъ Богъ!...

И все это къ ея ногамъ, къ маленькимъ, дорогимъ ногамъ все, все!... Какъ Богъ, который творить міры и свою безсмертную жизнь влагаетъ въ любовь къ одной дѣвушкѣ...

Постучались въ дверь. Рдзавичъ подошелъ нетерпѣливо и открылъ дверь ключомъ, взялъ изъ рукъ почтальона газеты и снова закрылъ дверь. Онъ небрежно бросилъ газеты на столъ и вернулся къ мраморному блоку. Но что-то вдругъ обезпокоило его, какое-то странное чувство, точно внезапное опасеніе.

Онъ подошелъ къ столу и началъ просматривать газеты, и глаза его упали на извѣстіе о томъ, что графиня Тереза Морская, дочь графа Болеслава и Евгении, урожденной графини Вычевской, обручена съ владѣтельнымъ княземъ Самуиломъ Висновецкимъ. Официальное обрученіе состоится вскорѣ, а вслѣдъ за нимъ и бракосочетаніе.

Рдзавичъ пробѣгалъ газету, опираясь обѣими руками на столъ; онъ прочелъ, пошатнулся отъ недостатка воздуха и словно замеръ.

На часахъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, пробилъ седьмой часъ. Рдзавичъ очнулся и первымъ его впечатлѣніемъ было то, что онъ не слышалъ ни пятого, ни шестого часа.

Потомъ онъ вспомнилъ, что дверь заперта на ключъ, что онъ одинъ...

Одинъ... одинъ...

Кругомъ четыре стѣны, плотныя, непронускающія свѣта, четыре стѣны и закрытая дверь. Потомъ онъ

медленно, медленно попробовалъ снять руки со стола, но не могъ.

И опять стоялъ такъ, опираясь руками о столъ надъ газетой.

Было уже темно...

Онъ вдругъ убѣдился, что глаза его открыты.

Онъ читалъ, читалъ въ продолженіе трехъ часовъ.

Еще одно сверхчеловѣческое усиленіе, страшное напряженіе энергій. Отнялъ руки, выпрямился, двинулся впередъ медленно, медленно и остановился передъ мраморнымъ блокомъ. Коснулся его рукой: онъ былъ холодный и мертвый.

Боязливо отдернулъ руку, какъ отъ трупа.

Потомъ ему стало казаться, что онъ весь стягивается, уменьшается. Ему казалось, что онъ становится все ниже и все тоньше. Все, что было вокругъ, начало его давить.

Я такой маленькій, — это была первая, ясная, сознательная мысль.

И все время это чувство, что онъ одинъ, и удовольствіе отъ этого.

Все вниманіе его сосредоточилось на ключѣ, на замочной скважинѣ въ двери.

Никто не откроетъ...

Потомъ какой-то токъ сталъ струиться по всему его тѣлу, по груди, отъ лѣвой стороны къ правой, изъ-подъ сердца, низомъ, прошелъ по правой сторонѣ черезъ дыхательное горло, вернулся къ сердцу и черезъ него сталъ стекать внизъ, туда, откуда вышелъ.

Затѣмъ сердце начало болѣть, ныть, сжималось, ушло куда-то въ сторону, вглубь; ребра согнулись надъ нимъ и придавили его.

Вдругъ онъ пошатнулся, подпялъ немного руки и оперся о мраморный блокъ.

Почувствовалъ боль въ головѣ, въ вискахъ, по срединѣ лба. Невозможность понять то, что случилось и что происходитъ. Страшное затменіе мозга, изъ котораго нельзя выжать ни одной ясной мысли. Нельзя освѣтить мозгъ, чтобы посмотрѣть, что въ немъ дрожитъ. Нельзя думать ни о чемъ, ни о собственнаго мозга, ни о своемъ мозгѣ.

И единственная ясная работа мозга это то, что нельзя видѣть его внутренней работы; единственная сознательная работа его — только ясное сознаніе этого.

Усилія тщетны...

Затѣмъ чувство абсолютной, совершенной тишины и мрака. Нужно измѣнить положеніе.

Рдзавичъ оперся лбомъ на мраморъ.

Наконецъ, совершенно ясное, полное, страшное сознаніе, что этотъ мраморъ — она.

И передъ глазами Рдзавича — громадный крылатый рыцарь въ золотомъ шлемѣ, въ золотой бронѣ, съ золотымъ мечомъ въ рукѣ, съ лицомъ, полнымъ красоты, могущества и силы, сходить къ нему съ высоты, и въ глазахъ его свѣтится пламя, что говорить: смерть...

Ангель смерти...

Онъ задрожалъ и попятился.

А призракъ подходитъ ближе, ближе... Онъ уже

туть надъ нимъ... Золотой мечъ уже направленъ въ грудь Рдзавича...

Закрыль глаза...

Темная, черная фигура съ опущенными крыльями обхватываетъ Рдзавича сзади...

Ангель смерти...

Сознаніе, что творческая энергія не перестала работать. Но призракъ могущественнѣе, чѣмъ его сознаніе.

Ангель смерти! Ангель смерти!

Рдзавичъ хочетъ вырваться, бѣжать, онъ рвется впередъ и не двигается съ мѣста. Призракъ обхватываетъ его плечи.

Ангель смерти!... Опять!... Опять!...

Пусти!...

Послѣднимъ, смертельнымъ усилениемъ рвется Рдзавичъ впередъ и падаетъ на полъ, лицомъ къ землѣ.

Минутныя судороги, — тѣмъ страшнѣе, что онъ безъ единого стога, — и опять омертвѣніе.

На часахъ, висящихъ на стѣнѣ, пробило восемь часовъ. Рдзавичъ пришелъ въ себя. Луна уже свѣтила черезъ окно мастерской.

Онъ поднялся съ земли и пошелъ, шатаясь, къ дивану.

Тереза...

Первая, первая ясная мысль...

Боль не уходитъ въ звукъ, въ стонъ, она кружить тѣло Рдзавича, какъ на оси, онъ словно кружится вокругъ нея всею корпусомъ.

О!... О!... — стонуть его губы.

Постучались въ дверь. Не отвѣчаетъ. Опять радостное сознаніе, что онъ одинъ, что онъ запертъ.

Слышитъ голоса Тенжеля и Лановскаго.

Тенжель говоритъ:

— Ты знаешь, что онъ не уходилъ?

— Знаю, — отвѣчаетъ Лановскій.

— Ну, тогда онъ, вѣрно, спитъ. Романъ! Ужинъ готовъ! — зоветъ онъ черезъ дверь.

Онъ одинъ, одинъ, запертъ... притаился на диванѣ.

— Ужинъ! Ждемъ! — зоветъ Тенжель.

— Моя невѣста проситъ тебя, — зоветъ Лановскій.

Рдзавичъ чуть не умираетъ отъ боли.

— Романъ! — и Тенжель стучитъ въ дверь кулакомъ.

— Его, вѣрно, нѣтъ; иначе онъ бы проснулся, — говоритъ онъ. — Погоди! Ключъ тамъ, стало быть, спитъ. Романъ!

Нѣтъ! Нѣтъ! Ты меня уже не будешь утѣшать такъ, какъ тогда, ни ты, ни Юрій... впрочемъ, Юрія уже нѣтъ..

— Романъ! Что же это, чортъ возьми! Посмотри въ окно, Стась.

Окна не завѣшаны, но ширмы закрываютъ диванъ. Рдзавичъ притаился, какъ дикій звѣрь въ берлогѣ. Да! у него есть берлога, бездна боли, есть гдѣ спрятаться...

Рдзавичъ чувствуетъ, какъ Лановскій заглядываетъ, и слышитъ, какъ онъ говоритъ:

— Темно, не видно.

Тогда Тенжель, который очень силенъ, пробуетъ силой открыть дверь. Рвануль ее.

Ахъ, если она поддастся!

Изъ мастерской нѣтъ другого выхода.

— Если я не открою, то придется послать за хозяиномъ, пусть онъ ее топоромъ приподыметъ. Это странно, — говоритъ Тенжель тревожно. — Или погоди, принеси-ка мою палку, я самъ это сдѣлаю.

Рдзавичъ чуть ли не бѣгомъ бросается къ столу, хватаетъ газету, мнетъ ее и бросаетъ подъ диванъ. Потомъ онъ ложится опять на диванъ и притворяется спящимъ.

Тѣмъ временемъ, раньше чѣмъ Лановскій успѣлъ принести палку, Тенжель рвануль дверь такъ сильно, что замокъ лопнулъ. Онъ вошелъ.

— Романъ! — позвалъ онъ.

Рдзавичъ молчитъ. Знаетъ, что никто ни о чемъ не догадывается, ни Тенжель, ни кто-либо другой, такъ какъ онъ никому не сказалъ ни слова. Какъ онъ радъ...

Тенжель зажигаетъ спичку, находитъ свѣчку, зажигаетъ ее.

— Гдѣ же ты? А! — онъ замѣчаетъ Рдзавича на диванѣ за ширмами. — Ты спишь?

Рдзавичъ не шевелится; онъ отвернулся къ стѣнѣ и закрылъ лицо рукою. Тенжель подходитъ, нагибается надъ нимъ со свѣчой и осторожно снимаетъ руку съ лица.

— Ты спишь? — повторяетъ онъ.

Рдзавичъ притворяется спящимъ.

Тенжель сильно встряхиваетъ его. Рдзавичъ не открываетъ глазъ. Тенжель беретъ его подъ руки, поднимаетъ, чуть не сажаетъ. У Рдзавича глаза закрыты.

— Романъ! Ради Бога! Что съ тобой?! — кричитъ испуганный Тенжель.

Въ эту минуту входитъ Лановскій.

— Смотри! — кричитъ Тенжель.

— Онъ умеръ?!

— Нѣтъ, онъ теплый.

— Ударъ?

— Нѣтъ, что-то странное. Смотри, какое у него страшное лицо, точно онъ умираетъ отъ боли...

Рдзавичъ былъ увѣренъ, что у него естественное выраженіе лица.

— Романъ! Романъ! — зоветъ испуганный Лановскій.

— Дай воды.

Тенжель плещетъ цѣлый стаканъ въ лицо Рдзавичу, тотъ не открываетъ глазъ.

— Это что-то странное, — кричитъ Тенжель. — Надо послать за докторомъ.

Лановскій выбѣгаетъ въ ужасѣ. Въ мастерскую вбѣгаютъ Лаура и Эля Росенская.

— Что? Что? — спрашиваютъ всѣ.

Эля Росенская бросаетъ быстрый взглядъ на Рдзавича, смотритъ нѣкоторое время и говоритъ:

— Уйдите всѣ!

Всѣ слушаются ея и уходятъ.

— Закройте дверь!

Закрыли.

Эля Росенская садится на диванъ, кладетъ обѣ руки Рдзавичу на сердце и говоритъ:

— Живи!

Въ голосѣ этомъ магическая сила. Рдзавичъ открываетъ глаза. Глаза его встрѣчаются съ глазами Эли Росенской.

Ея сила переливается въ него. Онъ начинаетъ въ ея рукахъ чувствовать себя больнымъ.

— Ты страдаешь?

Грудь Рдзавича подымается, словно для стога.

— Страшно? — повторяетъ она.

Въ головѣ Рдзавича начинаетъ гудѣть Шопеновскій маршъ.

— Что съ тобою?

Рдзавича трясетъ дрожь.

— Ты несчастенъ?

Эля Росенская хочетъ довести его до возможности плакать, какъ она довела до нея Лауру передъ смертью мужа ея.

— Что съ тобою?

Эля Росенская догадывается, что случилось съ Рдзавичемъ. До сихъ поръ она ни на что не обращала вниманія и не думала о дѣлахъ Рдзавича; вся она была занята Лаурой и судьбой Лановскаго. Но та же магическая сила, которая привела ее къ дверямъ Рдзавича восемь лѣтъ тому назадъ, когда онъ сидѣлъ съ револьверомъ въ рукѣ, та же самая сила открываетъ ей все, какъ въ ясновидѣннн. Эля Росенская не спра-

шиваетъ, такъ какъ хочетъ, чтобы онъ заговорилъ. Она знаетъ, что Рдзавичъ страдаетъ изъ-за женщины.

— Говори! — повторяетъ она.

Рдзавичъ не хочетъ говорить, но чувствуетъ, что воля Эли ломаетъ его и заставляетъ. Но онъ одержитъ хоть какую-нибудь побѣду, если никому ничего не скажетъ.

— Не скажешь?... И тебѣ отъ меня ничего не надо?... И все-таки ты не можешь остаться одинъ, — говоритъ Эля Росенская.

Наступаетъ темный вечеръ. Дверь осторожно открываетъ Роза Тенжель. Эля Росенская дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы она ушла. Она держитъ руки Рдзавича въ своихъ рукахъ, такъ какъ чувствуетъ, что онъ летитъ въ бездну!...

Въ бездну!... Въ бездну!...

Все темнѣе, все глубже раскрывается передъ ними бездна... Туда! на дно! на дно!... Рдзавичъ видитъ, что дно это бесконечно ниже, чѣмъ было до сихъ поръ въ жизни... Какъ глубоко онъ ни падаетъ, подъ нимъ еще огромное пространство... На дно!... На дно!... Къ гибели!... Сломаютъ тебя... растопчутъ... и пойдутъ дальше, спокойные, счастливые... Ему кажется, что онъ надъ самымъ ухомъ слышитъ голосъ Камиллы Наборовской...

Часы, висящіе на стѣнѣ, бьютъ часъ за часомъ. Неподвижно лежитъ Рдзавичъ и неподвижно сидитъ около него Эля Росенская, держа его за руки. Съ нимъ мертвая женщина, за нимъ мертвый мраморъ... Рдза-

вичъ трясется, какъ въ лихорадкѣ. Дрожь становится все сильнѣе и сильнѣе.

— Тебѣ холодно? — спрашиваетъ Эля Росенская...

Изъ устъ Рдзавича знопотомъ вырывается послѣ долгихъ часовъ первое слово:

— Холодно.

Эля встаетъ и покрываетъ его плащомъ.

Тянется ночь, длинная, безмолвная. Эля приноситъ изъ другой комнаты лампу и зажигаетъ ее. Когда она встаетъ, высокая и худая, она похожа на привидѣніе.

Вдругъ Рдзавича подбрасываетъ на диванѣ.

— Хо! хо! хо! Эротоманъ! — слышитъ онъ за окномъ.

— Что съ тобою? — спрашиваетъ Эля.

Тихо, никто не говоритъ.

Часы бьютъ часъ за часомъ, и начинается свѣтать.

— Что ты будешь дѣлать? — спрашиваетъ Эля.

— Уѣду, — шепчетъ Рдзавичъ.

— Куда?

— Не знаю.

— Ты хочешь ѣхать одинъ?

— Одинъ.

Эля Росенская знаетъ, что въ такой боли нѣтъ ранъ, — сердце одна сплошная рана, и спрашиваетъ, указывая на мраморный блокъ.

— А это?

Можетъ быть, это вернетъ его къ жизни...

Рдзавичъ поднимаетъ глаза къ глыбѣ мрамора и опускаетъ ихъ опять.

— Что съ этимъ дѣлать?

Рдзавичъ дѣлаетъ рукой легкій знакъ молчанія.

— Ты выйдешь утромъ?

— Утромъ.

— Что мнѣ сказать?

— Ничего.

— Никому ничего?

— Ничего.

Онъ медленно встаетъ и, не говоря ни слова, идетъ въ другую комнату. Эля слышитъ, какъ онъ укладываетъ вещи въ чемоданъ. Возвращается черезъ нѣкоторое время и говоритъ тихимъ голосомъ:

— Я ухожу, никого не хочу видѣть. Вещи пришли въ Вѣну, Erzherzog Karl. Эту газету сожги. Скажи, что ничего не знаешь, ничего, ничего. До свиданья!

— До свиданья!

Они пожали другъ другу руки.

— Я отвезу тебя на вокзалъ, — говоритъ Эля Росенская.

— Нѣтъ, я пойду одинъ.

— Ты не дойдешь, упадешь.

— Нѣтъ... Одинъ... Одинъ...

Рдзавичъ чувствуетъ въ этомъ словѣ и этомъ рѣшеніи какую-то побѣду надъ собой.

— Остайся! — говоритъ Эля Росенская.

— Нѣтъ... Одинъ... Одинъ...

Выходитъ, опираясь на палку. Ноги его шатаются

и гнутся. Ему кажется, что онъ согнутся и раздробится, какъ мраморъ въ его рукахъ. Его овѣваетъ восточный вѣтеръ, свѣжій и холодный. Красный свѣтъ лежитъ на сѣрыхъ скалахъ Гевонта, карпатскія сосны, ароматныя и свѣжія выдѣляются во мглѣ.

Пусто кругомъ.

Тамъ далеко, съ западной стороны Оравы, клубятся темно-фіолетовыя облака, и волнуется туманъ въ долинѣ и на Губаловскихъ утесахъ. Кое-гдѣ виднѣется въ туманѣ одинокій домъ, кое-гдѣ встаютъ отдѣльныя деревья, встаютъ, какъ угрюмые призраки, и исчезаютъ опять въ туманѣ, точно тонуть. Безграничная, спокойная, тяжелая, лѣнивая осенняя скорбь колышется въ туманѣ и на пустыхъ и сонныхъ поляхъ. Гдѣ-то далеко, въ долинѣ, идутъ коровы, медленно и лѣниво, и исчезаютъ въ туманѣ одна за другой, погружаясь въ него, точно пропадая въ пустотѣ. За ними исчезаетъ и пастушка.

Рдзавичъ идетъ одинъ по сырой землѣ, не видя передъ собой дороги, не чувствуя ея подъ ногами. Погружается въ туманъ своихъ мыслей и самъ исчезаетъ изъ своихъ глазъ...

Иногда онъ точно вспоминаетъ вдругъ, что существуетъ, точно призываетъ къ сознанію свое собственное существованіе. Идетъ по направленію къ вокзалу.

Прижался въ уголъ вагона. Вдали маячитъ Mont-Blanc.

Растоптали, сломали!... идутъ дальше, счастливые, спокойные... Ахъ! Вернуться! Ворваться туда!...

И встрѣтитъ холодную, спокойную улыбку, полную любезнаго, презрительнаго вопроса! Зачѣмъ?

Ея улыбку! Ея улыбку!... Полную презрительнаго вопроса, который можетъ перейти въ чистое, сухое презрѣніе!...

Ея, ея улыбка...

Поѣздъ мчится, и каждый его толчокъ ранить и заливать кровью сердце.

Женева. Рдзавичъ выходитъ. Зачѣмъ сюда? Великая, спокойная вода, — можетъ быть, поэтому.

Помѣщается въ гостиницѣ, изъ которой видитъ озеро, а за нимъ Альпы.

Начинается одиночество глухое, страшное, отчаянное. Онъ одинъ, одинъ, — такъ, какъ хотѣлъ. Одинъ.

VIII.

И ничего? Ничего?

Ни одного слова, ни одного звука? Ни одного признака жизни?

Ничего!

Уже прошла недѣля, и не можетъ быть, чтобы онъ не зналъ...

Тереза заболѣла; ночная прогулка съ Игнатіемъ къ часовнѣ Святой Троицы вызвала сильную простуду.

Отецъ Стшалковскій исповѣдалъ ее; она сама его объ этомъ просила; созналась во всемъ.

Онъ разобралъ ее, отказалъ въ разрѣшеніи грѣ-

ховъ, ради болѣе чувствительнаго раскаянія, и велѣлъ черезъ недѣлю опять исповѣдываться, а пока — молиться, скорбѣть и каяться.

Затѣмъ, снявъ епитрахиль, онъ началъ говорить съ ней частнымъ образомъ. Какъ?! Барышня изъ барскаго дома, барышня изъ аристократіи позволяетъ себѣ такія продѣлки?! Въ каждой сферѣ это было бы достойно осужденія, но барышня изъ барскаго дома?!... Аристократія должна вести себя съ достоинствомъ, такъ какъ онъ является, съ Божьяго соизволенія, привилегированнымъ сословіемъ. Какъ мы выражаемся въ молитвѣ: «Отче нашъ, да будетъ воля Твоя, какъ въ Небесахъ, такъ и на землѣ», — такъ и порядокъ земной похожъ на порядокъ небесный. Какъ тамъ есть іерархія болѣе и менѣе значительныхъ святыхъ, архангеловъ и ангеловъ, первостепенныхъ и второстепенныхъ архангельскихъ хоровъ, какъ тамъ каждый низшій разрядъ обязанъ воздавать честь и почтеніе высшему, такъ и аристократія должна въ себѣ цѣнить то, что, по извѣстному порядку вещей и до нѣкоторой степени по Божьему предрѣшенію, она — недоступная, священная вершина, и не должна ни унижаться, ни допускать къ себѣ чужіе элементы. Церковь хочетъ и жаждетъ чистоты и нераздѣльности аристократическаго слоя въ обществѣ, такъ какъ она во многихъ отношеніяхъ на него опирается, какъ на оплотъ противъ гнилыхъ масонскихъ принциповъ и гнилости лозунговъ такъ называемаго прогресса и такъ называемаго вольнодумства.

— Интересно знать, — говорилъ отецъ Стшалковскій, между прочимъ, — гдѣ больше свободы мысли, чѣмъ въ церкви, гдѣ больше свободы духа? Кто можетъ думать свободнѣе, чѣмъ тотъ, кто, опираясь на догматы, мыслить правильно и обезпеченъ отъ всѣхъ колебаній и сомнѣній? Кто же свободнѣе? Тотъ, кто блуждаетъ по степи или тотъ, кто идетъ по вѣрно проведенному мощеному шоссе, гдѣ онъ не можетъ ни сбиться съ пути, ни заблудиться.

— О! — кончилъ отецъ Стшалковскій, — уже одинъ вашъ этотъ шагъ, графиня, эта дерзкая выходка противъ родительской власти, это уже несомнѣнно плодъ соприкосновенія, слава Богу, непродолжительнаго, съ этимъ художникомъ.

— Несомнѣнно, онъ своимъ масонскимъ духомъ осквернилъ вашу душу. Развѣ бы вамъ что-нибудь подобное пришло въ голову?! Аристократія, предметъ низкой, подлой и достойной презрѣнія зависти толпы, должна заботиться о своемъ достоинствѣ и не допускать, — повторилъ онъ, — къ себѣ чужихъ элементовъ.

Отецъ Стшалковскій говорилъ съ большою убѣжденностью, — о чужихъ же элементахъ и недопущеніи ихъ въ аренду аристократіи, — съ изступленіемъ.

Тереза слушала его въ смиреніи и раскаяніи, невольно и какъ будто помимо себя, до того она была поражена, ошеломлена отказомъ въ разрѣшеніи грѣховъ. И удивлялась: отецъ Стшалковскій даже не былъ дворяниномъ, а у родителей его была маленькая лавочка въ провинціальномъ городкѣ.

Разгромлённая и наказанная отцомъ Стшалковскімъ, Тереза каялась и молилась днемъ и ночью и, хотя не хотѣла жить, но боялась смерти и мучилась этимъ страхомъ. Она умерла бы, не получивъ разрѣшенія грѣховъ.

Но несмотря на то, что отецъ Стшалковскій воспретилъ ей думать о Рдзавичѣ, она не могла не думать о немъ, не могла.

Хоть одно слово, одинъ звукъ, одинъ признакъ жизни — ничего, ничего!...

Тереза понимала его: онъ возмутился, презираетъ ее...

О, какая боль — въ этихъ стальныхъ глазахъ, которые смотрѣли на нее съ такой любовью, — почувствовать взглядъ гордаго, уничтожающаго презрѣнія!...

Что же другое онъ можетъ подумать? Она промѣняла славу его таланта на блескъ княжеской короны и на миллионы лакеевъ.

Конюхъ — вотъ кличка, которую она дала Висповецкому, хотя знаетъ, что эта кличка совсѣмъ несправедлива.

Тереза дрожить... Каждый грохотъ пугаетъ ее и въ то же время наполняетъ радостью... Онъ... онъ...

Но это не онъ.

Онъ не ѣдетъ освободить ее, спасти ее ради себя.

Умный, опытный человекъ не приходитъ, не летитъ крылатый геній, не является богатырь.

Мраморъ гнется и дробится въ его рукѣ, но онъ не слышитъ сюда, чтобы спасти ее ради нея, ради себя.

Онъ презираетъ ее.

Тереза мечется въ кровати.

И идетъ день за днемъ. Ее навѣщаетъ князь Висновецкій, привозитъ подарки, присматривается къ ней пытливо и тревожно и, видно, выведенъ изъ терпѣнія ея болѣзнию. Изъ домашнихъ никто ни о чемъ съ ней не говоритъ. Впрочемъ, весь домъ счастливъ, такъ какъ Ольга Кмита уѣхала изъ Ополя, почти навѣрное давъ слово Здиславу.

Тереза чувствуетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ она стала невѣстой Висновецкаго, она стала какъ бы вещью въ домѣ, у которой уже нѣтъ своей мысли и воли, какъ у яблони, за которой всѣ ухаживаютъ взапуски, чтобы она созрѣла и стала приносить плоды, изъ которыхъ каждый возьметъ свою часть. Иногда у нея являлась даже мысль, что она мошка, о которой заботятся муравьи.

Особенно Стефанъ и Целинка сулятъ себѣ въ будущемъ золотыя горы отъ ея замужества съ княземъ.

Графиня Морская постепенно забыла о всѣхъ трудностяхъ взять Терезу въ руки и считала ее невѣстой безъ всякихъ *arrière-pensées*; и уже купила обручальное кольцо съ прекраснымъ бриллиантомъ.

Говорили уже о приданомъ, которое должно быть чрезвычайно блестящимъ. Княгиня Висновецкая очень тонко, но прямо, дала понять, что ей важнѣе, чтобы у Терезы были роскошныя рубашки, чѣмъ какія-нибудь деньги.

И графъ Морскій взялъ для этой цѣли значительныя

суммы изъ банка, рассчитывая частью отыграться въ клубѣ въ Берлинѣ, гдѣ онъ состоялъ членомъ вмѣстѣ съ сыновьями, частью отъ самого Висновецкаго, который уже признался, что онъ проигрываетъ нарочно, но дѣлалъ это такъ ловко и остроумно, что для выигрывающаго это ничуть не было стѣснительно и ничѣмъ не оскорбляло высокихъ понятій знатныхъ людей. Графъ Стефанъ основалъ уже много плановъ на будущихъ выигрышкахъ отъ миллионнаго зятя, который плохо смотрѣлъ въ карты и часто ротозѣйничалъ, а потомъ старался, сломя голову, отыграться и въ этой горячкѣ терялъ еще столько же. Графъ Здиславъ и Стефанъ отлично поняли этотъ методъ, полный въ данномъ случаѣ остроумія и чрезвычайно милой любезности.

Наступило время отъѣзда въ Висновець. Тереза чувствовала себя лучше, но была настолько слаба, удручена и разбита, что почти не отдавала себѣ отчета въ томъ, что происходитъ. Ее удручала и убивала царившая вокругъ нея радость, причины и поводы которой она невольно должна была видѣть. Ее прямо душила эта атмосфера, которой ей приказывали дышать. Она защищалась, защищалась противъ собственныхъ мыслей, однако, защититься не могла. Все это она видѣла такъ ясно, такъ поразительно ясно. Прежде всего поводъ радости ея семьи — суетность. Какое было выраженіе лица у всѣхъ, когда проѣзжавшій черезъ Ополь инспекторъ памятниковъ древности въ Галиціи, человекъ остроумный и пріятный, съ улыбкой заявилъ за

ужиномъ, что въ Галиціи передъ Висновецкимъ, какъ передъ Господомъ Богомъ, всѣ равные!...

Тереза отлично видитъ, какую важную роль въ счастіѣ «отъ ея счастія» играетъ надежда на будущее униженіе соперниковъ и соперницъ, возмездіе за какія-то незабытыя оскорбленія и месть за какія-то обиды... На ея замужествѣ строятъ попросту цѣлое зданіе жадности, пустота, цинизмъ, расчетъ, злоба, бездонное «ragvenci» духа и бездонное «ragvenci» сердца.

Тереза въ ужасѣ. Остроумныя замѣчанія, которыми отецъ и Стефанъ клеймили выскочекъ, — вѣдь это ихъ черты. Вѣдь «ragvenci» ихъ семьи отличается только формой отъ «ragvenci» какихъ-нибудь господъ Куфкэ, торгующихъ перцемъ и изюмомъ, или какихъ-нибудь господъ Бухгольцовъ, оперирующихъ банковыми акціями.

Можно надорваться отъ смѣха, когда тетка Вычевская смѣшитъ разсказами объ извѣстной графинѣ Мэри Чорштынской, а между тѣмъ сама она точно такая же, какъ и та, напыщенная, надутая и смѣшная.

Здиславъ — развѣ это не самый обыкновенный, самый простой, самый дюжинный карьеристъ, какъ первый попавшійся чиновникъ? Мать, эта святая для Терезы мать, развѣ она не принуждаетъ ее къ замужеству съ Висновецкимъ изъ честолюбія, гордости, изъ уваженія къ деньгамъ? Развѣ она не первая произнесла бы свое «veto», если бы при всѣхъ качествахъ, которыми обладаетъ Висновецкій, онъ былъ бы бѣденъ? Развѣ бы она принуждала ее такъ, если бы вмѣсто ста

милліоновъ — или сколько ихъ тамъ — у него было бы скромное состояніе? Тереза не хочетъ этого видѣть, но видѣть должна. Она страдаетъ, приходитъ въ отчаяніе, но не можетъ закрыть глазъ, хотя сама хочетъ ихъ прямо-таки зажать руками. Вѣдь это ея семья, — дорогая, самая дорогая семья, — вѣдь это самые близкіе ей и самые любимые ею въ мірѣ люди... И она боится, что грѣшить, осуждая ихъ, она не хочетъ осуждать родителей, такъ какъ отецъ Стшалковскій сказалъ, что она не должна даже допускать въ голову мысли критиковать ихъ поступки; она не хочетъ осуждать своихъ братьевъ, такъ какъ тотъ, кто скажетъ ближнему своему «ракà», подлежитъ гееннѣ огненной. Она заглушаетъ все это и скорбитъ, и чувствуетъ униженіе, и доходитъ до отчаянія, но не хочетъ сознаться передъ собой въ томъ, что въ ея семьѣ, считающейся съ 1552 года семьей рыцарской и сенаторской, истинное свойство высшей расы заключается только въ тонкихъ носахъ, стройныхъ фигурахъ, маленькихъ ногахъ и чрезвычайной ловкости въ lawn-tennis'ѣ.

Въ Висновцѣ должно было также состояться обрученіе Здислава съ Ольгой Кмита, семья которой, узнавъ о Висновецкомъ, охотно согласилась на этотъ бракъ. И тамъ ожидали большихъ празднествъ, развлеченій, баловъ, охотъ, кавалькадъ, если только ноябрь мѣсяць будетъ хорошъ.

Князь и княгиня не дождались выздоровленія Терезы, а уѣхали въ Висновець сдѣлать кое-какія приготовленія. Князь Самуиль, впрочемъ, рассчитывалъ на

эффектъ при появленіи его, послѣ долгой разлуки, въ роли, въ которой Тереза его никогда не видала: въ роли хозяина висновецкаго замка, которымъ онъ надѣялся ослѣпить ее и отуманить. Въ то же время онъ обдумывалъ также, какъ поступить Висновецкому, который снисходитъ до брака съ графиней Морской.

Подошелъ срокъ выѣзда изъ Ополя. Тереза сѣла въ карету, потомъ въ вагонъ, какъ автоматъ. Она не вѣрила въ свой бракъ, иногда ни во что не вѣрила. Она получала отъ князя письма, полныя учтивости и нѣжности, на которыя отвѣчала совершенно пассивно подъ диктовку матери.

Разъ случилось, что, когда надо было отвѣчать, вдругъ явился отецъ, пока было нужно — вѣжливый, но въ случаѣ необходимости — грозный и рѣшительный.

Тереза робѣла и писала, что ей велѣли. Къ счастью, письма были короткія, вѣдь они, дѣйствительно, такъ мало другъ друга знали. Это скорѣе было безотчетное чувство. Сколько разъ Тереза ни хотѣла написать правду, она боялась матери, боялась отца, боялась братьевъ, боялась тетки Вычевской, боялась княгини Висновецкой, а больше всего боялась отца Стшалковскаго. Письма, написанныя князю ночью, она утромъ рвала и бросала въ огонь.

Рдзавичъ же не подавалъ признаковъ жизни.

Передъ глазами Терезы замелькали вдали стѣны висновецкаго замка, и въ ту же минуту на англійскомъ, каштановаго цвѣта жеребцѣ изъ лѣса выскочилъ князь

Самуиль въ тулупѣ и мѣховой шапкѣ, такъ какъ день былъ холодный, привсталъ на лошади съ шапкой въ рукѣ, кланяясь съ сѣдла до земли, повернулъ лошадь, перескочилъ черезъ ровъ и влетѣлъ на боковую дорогу среди лѣса.

Когда черезъ нѣкоторое время они подъѣзжали къ дворцу, онъ стоялъ уже переодѣтый вмѣстѣ съ матерью на лѣстницѣ, а рядомъ съ нимъ Ольга Кмита и множество гостей.

— Наконецъ-то! — воскликнулъ Висновецкій, поднося руку Терезы къ своимъ губамъ.

Тереза почувствовала на себѣ глаза отца и отдала князю легкое пожатіе руки.

Она была такъ блѣдна и такъ утомлена недавней болѣзнію и продолжительнымъ путешествіемъ, что ее отвели въ ея комнату и позволили лечь въ постель.

— Тереза! я прошу тебя! — сказалъ отецъ, выходя изъ комнаты.

— И я тебя прошу! — повторилъ графъ Здиславъ, слѣдуя за нимъ.

Эти просьбы шипѣли въ ушахъ Терезы, какъ раскаленное желѣзо. Но вечеромъ Терезѣ было велѣно одѣться и выйти къ обществу. Князь водилъ новыхъ гостей по замку. Онъ показалъ залъ съ куполомъ, высотой въ четыре этажа, и съ балкона этого зала показалъ имъ террасы, гдѣ въ трехъ спускахъ видѣлись три пруда, одинъ ниже другого, соединенные между собой водопадами, изъ которыхъ послѣдніе впадали прямо въ рѣку. Онъ показалъ портретную залу, гдѣ висѣли

посерединѣ портреты короля Михаила и его жены изъ дома Габсбурговъ, рядомъ Дмитрій Висновецкій, который погибъ въ XVI вѣкѣ въ Царьградѣ на колу, князь Іеремія, Дмитрій, полевой гетманъ XVIII столѣтія, и цѣлый рядъ князей Висновецкихъ и родственныхъ имъ семей и среди нихъ портретъ князя Самуила Корецкаго, имя котораго онъ носилъ. Онъ показывалъ самую богатую въ странѣ коллекцію рѣзныхъ работъ и оружія, наконецъ, не желая навести скуки, но въ то же время и не исчерпать своего богатства, онъ повелъ гостей въ зимній, пальмовый садъ, громадную постройку со стеклянной - крышей, полную коридоровъ, уединенныхъ уголковъ, прудовъ, мостиковъ, фонтановъ, статуй и экзотическихъ растеній. Сосѣдняя шляхта называла его восьмымъ чудомъ міра, и дѣйствительно, это былъ великолѣпный и изящный садъ. Князь съ саблей Гетмана Дмитрія, которую онъ будто бы случайно взялъ изъ оружейной, съ золотой рукоятью и съ ипписаннымъ золотымъ клинкомъ, выбиралъ группы пальмъ и становился на ихъ фонѣ въ позѣ, въ которой было столько граціи и столько картинности, что, когда онъ, показывая что-то, поднималъ саблю и сверкнулъ надъ собою золотомъ, графиня Вычевская шепнула княгинѣ Маргаритѣ:

— Архангелъ Михаилъ!...

Въ этомъ пальмовомъ саду всѣ разсыпались, какъ въ пустынь, несмотря на то, что было много гостей.

— Это стоитъ три деревни! — шепнулъ графъ Стефанъ Морскій графу Здиславу.

— Я предчувствую, что зять будетъ сегодня разсѣяннымъ во время игры; я наиграю на кольцо Олѣ, — отвѣтилъ графъ Здиславъ, съ улыбкой ударяя себя по карману. Никто не препятствовалъ князю Самуилу очутиться наединѣ съ Терезой въ совершенно укромномъ уголкѣ.

— Вы не считаете меня безумнымъ, — началъ смѣло князь, — послѣ Ополя?

— Нѣтъ, — почти шопотомъ отвѣтила Тереза.

Князь принялъ это смущеніе за хорошее предзнаменованіе. Она поняла, за кого выходить замужъ.

— Вы меня любить не можете, я знаю, вы меня не знаете, письма ваши были просто игрой словъ, точно подѣ диктовку, но все-таки вы меня полюбите!

Раскаленные, желѣзные прутья зашипѣли въ ушахъ Терезы.

— Да? — шепнулъ князь нѣжно.

Тереза ничего не отвѣтила, но не сказала — нѣтъ. Князь былъ слишкомъ проникателенъ, чтобы не догадаться, что за ослѣпленіемъ и смущеніемъ можетъ скрываться еще что-то другое.

Но страсть къ этой прелестной, блѣдной дѣвушкѣ жгла его кровь, и онъ ничего не хотѣлъ провѣрять, ничего не хотѣлъ узнавать. Онъ хотѣлъ только обладать ею, обладать, какъ можно скорѣе! И чувствовать, что держитъ ее и никогда больше не выпустить.

— Я васъ такъ люблю! — шепнулъ онъ мягкимъ и страстнымъ голосомъ.

Онъ схватилъ ее за руки, онѣ недвижно лежали въ

его рукахъ. Прижалъ ихъ къ своимъ губамъ. Горячая и холодная дрожь пробѣжала по спинѣ Терезы.

— Въ первый разъ я могу говорить съ вами... Я думалъ, что съума сойду... Я хотѣлъ пустить себѣ пулю въ лобъ... А вы испугались... Вы были недобрая, простудились, заболѣли; хотѣли умереть...

Отрывистый шопотъ князя превратился почти въ лепетъ ребенка.

— Хотѣли умереть, — повторилъ онъ, точно не зная, что говорить.

И снова начала цѣловать ея руки. Затѣмъ взглянулъ ей въ глаза.

— Вы боитесь меня?

Глаза его блестѣли дикой страстью и энергіей.

— Боюсь, — задрожали губы Терезы.

Князя охватило безуміе, и онъ уже хотѣлъ было обнять Терезу и поцѣловать ее въ губы, но онъ испугался и удержался отъ такого рискованнаго шага.

Тереза поблѣднѣла еще больше.

Князь понялъ, что онъ хорошо сдѣлалъ, удержавшись.

— Я у вашихъ ногъ, — сказалъ онъ.

И съ рыцарскимъ почтеніемъ онъ наклонилъ голову. Этими словами и этимъ жестомъ онъ тронулъ Терезу.

— Сегодня вечеромъ мы обручимся, — сказалъ онъ. — Хорошо?

Тереза молчала.

— Отчего вы не отвѣчаете? Хорошо?

Раскаленные желѣзные прутья шипѣли въ ушахъ Терезы, но не могли изъ нея вырвать ни слова.

— Ну, хорошо? — настаивалъ князь, немного тревожно.

— Князь, позвольте мнѣ уйти, я не умѣю такъ разговаривать, — сказала Тереза.

Князь вздрогнулъ отъ неудовольствія, но моментально овладѣлъ собой.

— Я у вашихъ ногъ, — повторилъ онъ и вывелъ ее коридоромъ къ обществу.

Тереза почувствовала благодарность къ нему. Она встрѣтила глаза отца, вопросительные и строгіе. Испугалась.

Черезъ нѣкоторое время графиня Морская сунула ей кольцо въ руки, сказавъ потихоньку:

— Передъ ужиномъ обмѣняйтесь потихоньку кольцами; то же самое сдѣлаютъ Здиславъ и Ольга. За ужиномъ вы сядете всѣ четверо рядомъ, напротивъ княгини и насъ. Князь Сигизмундъ Корецкій будетъ рядомъ съ княземъ, каноникъ Петръ Кмита рядомъ съ Ольгой, папа будетъ говорить за васъ обоихъ. Вотъ прекраснѣйшій день моей жизни!..

— Мама! — простонала Тереза.

Лицо графини Морской стало тонкимъ и сухимъ, а голосъ шипѣлъ отъ негодованія:

— Моя дорогая! Прошу тебя! Было время! Теперь уже кончено! У тебя было довольно времени для протеста передъ нашимъ пріѣздомъ сюда.

И ихъ опять оставили вдвоемъ въ большой гости-

ной пейзажей, но на этотъ разъ князю не надо было удаляться отъ общества. Общество само удалилось.

— Это будетъ для меня самой дорогой комнатою навсегда, — сказалъ онъ, взявъ руку Терезы и собираясь надѣть ей кольцо на палецъ.

А онъ ничего, ничего... прошли почти мѣсяцы — хоть одно слово, одинъ звукъ, какой-нибудь признакъ жизни отъ Рдзавича...

Но въ замужество свое Тереза не вѣрила.

Видно, такъ и нужно, такъ и должно быть... Можетъ быть, это и хорошо... Здиславъ женится, родители будутъ счастливы, а она вырвется и пойдетъ пѣшкомъ, питаясь милостыней, за нимъ — и отыщетъ его — и опять другъ около друга...

— Я жду, — сказалъ князь.

Тереза протянула палецъ.

Князь надѣлъ ей кольцо и поднялъ въ свою очередь руку.

Бриллиантъ вышаль изъ рукъ Терезы и покатилося по ковру. У князя сверкнули глаза. Онъ нагнулся и сталъ искать. Нашелъ. Кровь отхлынула отъ его лица, онъ взглянулъ на Терезу, но, видя ея почти бѣлое лицо, видя эту дрожащую дѣвушку, онъ всталъ на колѣни и на колѣняхъ подалъ ей кольцо. Она безъ словъ, почти не дыша, надѣла ему кольцо на палецъ.

Князь все еще стоялъ на колѣняхъ.

Въ головѣ его пролетѣла мысль быстро, мгновенно.

— Вы, — сказалъ онъ, — вы дрожите... вы...

Нѣтъ, нѣтъ! Если даже это противъ ея воли, такъ

не все ли равно! Она должна, должна быть его! И будет!

Она встала энергично и плавно.

— Теперь мы обручены, — сказалъ онъ, и, не спрашивая Терезу ни о чемъ, взявъ ее подъ руку и увелъ изъ гостиной пейзажей въ сосѣднюю гостиную, гдѣ находились оба графа Морскіе, каноникъ Петръ Кмита, княгиня Висновецкая и Ольга Кмита со Здиславомъ. Морскіе увидѣли кольцо на пальцѣ Терезы, и глаза ихъ буквально запылали.

И шелъ день за днемъ, — охоты, развлечения, балы, прогулки. Тереза все считалась не особенно здоровой и очень взволнованной. Она всегда была очень здорова, но легко изъ-за всего волновалась, а тѣмъ болѣе теперь... Вѣдь ей всего двадцатый годъ...

Свадьба была назначена въ первыхъ числахъ января.

Висновецкій выставялъ напоказъ свое великолѣпіе, свое богатство, свое значеніе, но со скромностью настоящаго вельможи, въ которомъ нѣтъ ни одной капли посторонней крови, и обнаруживалъ свои личные качества, моментально угадывая, что Терезѣ можетъ нравиться, что не нравится.

Ни одного конюха онъ не ударилъ по лицу за все время, но зато, если какая-нибудь лошадь была дурно осѣдлана, князь, закусывая губы и откладывая расчетъ на будущее, ударялъ лошадь въ брюхо собственнымъ колѣномъ и собственной рукой подтягивалъ подпруги. Несмотря на наступающую зиму, начали при-

готовлять матеріалъ для постройки за паркомъ часовни святой Терезы — весной, чтобы Господь благословилъ ихъ.

Онъ былъ вѣжливъ, плѣнителенъ; арендатору, который пострадалъ отъ пожара, онъ подарилъ свою арендную плату и велѣлъ выплатить ему три тысячи гульденовъ безпроцентнаго и безсрочнаго пособія. А сколько рогачамъ онъ во время охоты даровалъ жизнь! Но зато закалывалъ кабановъ между псами и медвѣдя допустилъ къ себѣ на десять шаговъ, хотя могъ стрѣлять на большомъ разстояніи, и тогда только выстрѣлилъ въ него! Медвѣдь упалъ у самыхъ его ногъ.

— Онъ зналъ, что очень огорчилъ бы меня, если бы поцарапалъ теперь, — шутилъ онъ хвастливо.

Онъ бралъ самыхъ дурныхъ лошадей, лучшихъ предоставляя гостямъ, и умѣлъ на нихъ ѣздить лучше всѣхъ, и лошади даже словно росли подъ нимъ въ цѣнѣ.

Онъ весь блестѣлъ и ослѣплялъ и былъ «von prinse» въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ такъ боялся Терезы, графини Морской, графини Вычевской. Изъ-за всякаго пустяка онъ бессильно опускалъ руки. Вспомнилъ, что въ Опольѣ боялся лягушекъ. И вотъ лягушки, которыя съ тѣхъ поръ, какъ существовали, никогда еще не прыгали безнаказанно по висновецкому парку, стали вдругъ скакать въ немъ свободно; узкіе, продолговатые ботинки или сапоги убѣгали передъ ними, какъ передъ змѣями, красивыми балетными «pas».

Онъ блестѣлъ и ослѣплялъ и не отпускалъ отъ себя

графовъ Морскихъ. Чувствовалъ, что онъ не любимъ и что тутъ принужденіе.

Но этого вопроса онъ не касался даже вскользь, такъ какъ боялся его, а впрочемъ, лично о немъ не заботился.

Въ томъ, что онъ завоюетъ сердце Терезы, если не до свадьбы, такъ послѣ свадьбы, онъ не сомнѣвался.

Онъ отлично зналъ свои преимущества и слишкомъ много слышалъ о нихъ отъ людей съ самаго рожденія.

Ему даже правилось, что это идетъ не такъ легко, какъ шло до сихъ поръ все въ его жизни. Онъ былъ Висновецкимъ и любилъ завоевывать.

Но иногда ему приходило въ голову, что если до сихъ поръ Тереза не влюбилась въ него, то, значитъ, есть какое-то серьезное и большое препятствіе, иначе онъ не пожималъ, какъ она можетъ не влюбиться?

— Неужели кто-то есть?

При этой мысли онъ сжималъ хлысть и былъ готовъ бить, но не было кого. Всѣ представляли прошлое Терезы, какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ не было ни одной буквы. Съ ней самой онъ никогда не пробовалъ говорить о чемъ-нибудь подобномъ, хотя и не давалъ себѣ въ этомъ отчета, но не смѣлъ.

Но Ольга Кмита, живая и вѣтрена, сказала ему однажды:

— Мой будущій зять, мнѣ кажется, что у моей будущей золовки что-то неладно въ желудкѣ.

Висновецкій улыбнулся, выплюнулъ откусанный кусокъ мундштука папирасы и сказалъ отчетливо:

— Не знаю, но если бы это такъ и было, то желудокъ я выполощу, а если найду что-нибудь лишнее — тогда вотъ какъ!

И онъ придавилъ подошвой полъ.

— А если бы это было твердое?

— Тогда вотъ какъ! — и онъ ударилъ каблукомъ.

— Князь, желудокъ барышни не тараканъ. А, впрочемъ, если бы тамъ была лягушка? — шутила Кмита.

— Графиня, — отвѣтилъ Висновецкій, — если бы въ желудкѣ моей будущей жены была лягушка, — тогда вотъ какъ!

Онъ говорилъ съ улыбкой, но губы его дрожали; онъ взялъ со стола фарфоровый флакончикъ и сдѣлалъ движеніе, точно хотѣлъ сбросить его на полъ.

— Наполеонъ, — воскликнула Кмита. — Вскройте мнѣ животъ и стащите у меня табакерку, какъ онъ у своихъ генераловъ.

Она размѣшила его; размѣялся.

— Будете зондировать, будущій зять?

— Нѣтъ!

— Бойтесь? Лягушка — не флакончикъ!

— Не боюсь, а не хочу. Зачѣмъ портить себѣ предсвадебное время. На все свое время.

— А между тѣмъ, вы сами чувствуете, что не все ладно, не правда ли, и что въ желудокъ Терезы попала какая-то лягушка? Я тоже даже очень опредѣленно чувствую, хотя и не знаю, что бы это могло быть... Только видите ли, я настолько счастливѣе васъ, что если захочу, — воскликнула она, выбѣгая изъ комна-

ты, — то могу ее выстучать, а вы еще не можете этого себѣ позволить, — кончила она изъ другой комнаты.

— Каналья! — пробормоталъ Висновецкій, чувствуя желаніе пойти къ Терезѣ, схватить ее за руку, прижать къ стѣнѣ и спросить :

— Говори! Отчего ты меня не любишь? — Но вмѣсто того, чтобы идти, онъ плавно перегибался съ ноги на ногу, ворча :

— На все свое время, — и тонулъ своимъ чувственнымъ воображеніемъ въ прелестномъ тѣлѣ Терезы.

Такъ какъ чувство вспыхнуло такъ быстро, такъ какъ нужно было, чтобы молодые познакомились до свадьбы, а нигдѣ лучше знакомиться нельзя, чѣмъ здѣсь, — то княгиня не отпускала отъ себя графовъ Морскихъ. Игнатія отдали въ пансіонъ. Целинка будетъ въ состояніи продолжать свои уроки, когда все уже будетъ кончено, послѣ свадьбы. Тетка Вычевская уѣхала въ Вѣну заказывать приданое.

Тереза любила Рдзавича попрежнему — постоянно, неизмѣнно, горячо и глубоко, — но Висновецкій замокъ, тѣмъ не менѣе, дѣйствовалъ на нее. Дѣвушка изъ богатаго дома, изъ богатой семьи, она не имѣла понятія о такомъ магнатствѣ. Иной разъ ей казалось, что она въ Люблинѣ у князя Іереміи, что въ любую минуту на замковый дворъ вѣдутъ крылатые гусары со Скшету-скимъ во главѣ, съ нимъ гигантскій панъ Лонгинусъ Подбипента съ Сорви-шанкой, смѣющійся панъ Заглоба, за нимъ маленькій панъ Володыевскій съ драгунами

въ желтыхъ колетахъ, за нимъ рыжій Вершуллъ съ татарами...

Князь Самуиль любилъ провожать ее на балконъ подъ куполомъ, откуда виднѣлся огромный густой лѣсъ и поля, горы и долины, словно онъ хотѣлъ ей сказать: все это мое — и твое... Сотни чудесныхъ лошадей выгоняли на увядшіе луга, сотни головъ великолѣпнаго скота жевали кормъ въ хлѣвахъ. Своры собакъ, толпы охотниковъ ждали приказа и воли князя. Къ ногамъ Терезы подносили чудесныхъ карпатскихъ кабановъ и громадныхъ карпатскихъ оленей, князь подарилъ ей попону, чапракъ для верховой ѣзды и колпачокъ изъ шкуры убитыхъ для нея рысей, а комната ея цвѣла поздней осенью оранжерейными, всегда свѣжими, прекрасными цвѣтами. Она ходила по коврамъ баснословной цѣнности въ залахъ, гдѣ висѣли безцѣнные гобелены и картины. Весь замокъ, начиная отъ послѣдняго изъ лакеевъ и кончая самой княгиней, согласно волѣ князя, жилъ и существовалъ для нея.

У нея была уже своя арабская верховая лошадь, которую графъ Морскій, хорошій знатокъ, одѣнилъ въ двадцать тысячъ гульденовъ, и пара упряжныхъ юккеревъ огромной стоимости. На сбруѣ были уже княжескія короны, на дверцахъ ея кареты ея графскій гербъ и гербъ князя. Графы Морскіе пьянѣли, и Тереза чувствовала на себѣ ихъ взгляды, острые, повелительные, испытующіе, рѣшительные и быстрые, похожіе на взгляды директора цирка, выводящаго коня, который тащитъ у него носовой платокъ изъ кармана

фрака, зарываетъ его въ песокъ и затѣмъ подаетъ опять.

А Рдзавичъ не подавалъ ни одинаго признака жизни.

Тереза усердно просматривала газеты, которыя получались тутъ, мѣстные и заграничныя, но ни въ одной не встрѣчала имени Рдзавича. Единственный человекъ, который могъ бы о немъ что-нибудь знать, это былъ дядя Левъ Морскій, но дядя Левъ отправился вмѣстѣ со Стшыжецкимъ путешествовать.

Было рѣшено, что въ концѣ декабря Морскіе вернутся къ себѣ, а пятаго января должна состояться свадьба въ Краковѣ въ церкви Дѣвы Маріи.

Въ настроеніи Терезы начала совершаться перемѣна. Послѣ страшнаго отчаянія въ ней укрѣплялась съ каждымъ днемъ все болѣе сильная оптимистическая увѣренность въ томъ, что все это непременно поведетъ къ лучшему, что Богъ ее испытываетъ и напоилъ ее горечью, чтобы она тѣмъ болѣе оцѣнила сладость той жизни, которая наступитъ потомъ. И она стала благодарить его за это, такъ какъ вѣрила, что у Бога нѣтъ причинъ дѣлать несчастными двухъ людей, которые не сдѣлали ничего особенно дурного въ жизни.

Эта убѣжденность и эта вѣра постепенно возвращали ей хорошее настроеніе и свободу. Висновецкій объяснилъ себѣ это тѣмъ, что Тереза начинаетъ осваиваться, — Ольга Кмита, — что желудокъ Терезы выполосканъ, а Морскіе искренно радовались, такъ какъ они по своему любили дочь «отъ всего сердца».

И мало-по-малу она начала интересоваться жизнью

въ замѣ и развлекаться ею. Висновецкаго она перестала мысленно называть конюхомъ, ей даже неприятно было, что она его такъ называла.

Сначала она замѣтила, что онъ можетъ нравиться, а затѣмъ, что онъ даже довольно симпатичный, наконецъ, что не будь ея любви къ Рдзавичу, то онъ бы даже понравился ей.

Онъ былъ всегда одинаково рыцарски преданъ, ласковъ, любезенъ и все больше, все нѣжнѣе и сильнѣе влюбленъ. Что-то трогательное было въ любви этого знатнѣйшаго вельможи въ странѣ къ дѣвушкѣ, которая по своему происхожденію и средствамъ стояла гораздо ниже его, — въ любви, исполненной искренней покорности. Но когда ей приходила въ голову мысль, что Висновецкому придется сказать всю правду и вернуть ему кольцо, душа Терезы становилась твердой и безжалостной, а князь падалъ въ прахъ передъ ея любовью къ Рдзавичу. А такъ и будетъ...

И все будетъ хорошо... Ольга уже не откажетъ... Родители поймутъ...

Молодая, здоровая натура Терезы бунтовалась противъ постоянной скорби, постояннаго горя и тоски; неизрасходованныя силы вѣры брали верхъ надъ безпомощнымъ отчаяніемъ; энергія юной жизни не хотѣла быть убитой, — новая, юношеская жажда чувствъ требовала своихъ правъ.

Тереза начала воображать, что Рдзавичъ умный, опытный и энергичный, приготовляетъ какой-то внезапный и неожиданный, но рѣшительный шагъ. Онъ

понялъ... Человѣкъ такой исключительный, такой необыкновенный, онъ какимъ-то шестымъ чувствомъ угадалъ всю правду. Онъ умный, онъ навѣрное понялъ, что сперва лучше оставить все такъ, какъ оно сложилось, а въ извѣстный моментъ явиться и спасти Терезу ради нея и ради себя...

Нѣтъ! Неправда! Онъ не презираетъ ее!

Что онъ не подаль признака жизни? Какъ же его подать? Письмо бы ей не отдали, посредника не было. Своимъ сильнымъ умомъ онъ въ первую же секунду оцѣнилъ положеніе и въ мигъ рѣшилъ что-то такое, что онъ исполнитъ, когда наступитъ подходящій моментъ. А она, глупая, думала, что онъ ее презираетъ, терзалась, проливала горькія слезы!.. Ахъ, какія горькія слезы!..

Однажды Рдзавичъ въ женевской польской читальнѣ наткнулся въ одномъ изъ иллюстрированныхъ журналовъ на описаніе охоты на медвѣдя въ висновецкихъ имѣніяхъ, при чемъ былъ приложенъ фотографическій снимокъ, на которомъ рядомъ съ княземъ, опиравшимся ногой на убитаго медвѣдя, Рдзавичъ узналъ Терезу. Князь смотрѣлъ на нее, а она уставилась глазами на убитаго звѣря. «Владѣтельный князь свою великолѣпную добычу, — писалъ корреспондентъ, — повергъ къ стопамъ своей прекрасной невѣсты, сердце которой, несомнѣнно, возсылало горячія мольбы святому Губерту, когда тронулись на охоту».

Рдзавичъ всматривался въ миниатюрное лицо Терезы на фотографіи. Это она...

И страшная боль тупымъ винтомъ стала ввинчиваться въ его сердце, потомъ выпустила когти и рванула. Рдзавичъ застоналъ и упалъ въ кресло у стѣны. Онъ былъ одинъ въ читальнѣ.

Боль выступила передъ его глазами въ видѣ карикатурной маски и стала издѣваться надъ нимъ. Какъ остроумно, должно быть, рисуетъ она теперь передъ своимъ женихомъ карикатуру на свой романъ съ Рдзавичемъ...

А этотъ князь вѣрно ерошитъ свои волосы и представляетъ отчаяніе Рдзавича или говоритъ: «Мы устроимъ балъ, а я ему прикажу пріѣхать и сдѣлать вашъ бюстъ. Я предложу ему слишкомъ малую сумму и вы увидите, что этотъ романтическій герой будетъ торговаться со мной изъ-за пятидесяти гульденовъ... Черезъ три дня начатый бюстъ миѣ не нравится, и я прикажу заплатить всѣ причитающіяся ему деньги, и маршъ домой... и онъ возьметъ... А не пригласить ли его на свадьбу ради большей торжественности?..» И они съ Терезой надрываются отъ смѣха.

Рдзавичъ чуть-чуть не шатается отъ безсильнаго отчаянія, боли, гнѣва и скорби...

И въ скорби этой онъ вырываетъ изъ бумажника ея письмо.

Онъ ничего уже не хочетъ, нѣтъ ничего общаго между нимъ и ею. Пусть она не думаетъ, пусть она не думаетъ, что онъ не можетъ разстаться съ этимъ

письмомъ!.. Она не потребовала назадъ письма, не позаботилась объ этомъ, или даже забыла... Или съ улыбкой думаетъ объ этомъ «документѣ», который въ рукахъ у Рдзавича... Нѣтъ! нѣтъ! Пусть она не думаетъ, что онъ не можетъ разстаться съ этимъ письмомъ!... Онъ разорветъ его и отошлетъ разорваннымъ... Нѣтъ!

Напротивъ! Да! Если бы это была бѣдная дѣвушка, бѣдная барышня, если бы она потребовала возвращенія письма, если было бы одно хоть слово прощенія, хоть одно слово объясненія... «Сердце не слуга»... А тутъ — ничего, графиня Морская даже не изволила взглянуть въ его сторону. — Да, разорветъ и отошлетъ разорваннымъ! Вотъ единственный отвѣтъ на все это молчаніе... Ха! Что же ты, и кто я! — Развѣ я не великій художникъ, развѣ я не знаменитость, развѣ у меня нѣтъ гордаго права смотрѣть съ высоты на тебя и весь твой свѣтъ? Онъ разорвалъ письмо.

И цѣловалъ маленькія буквы Т. М., цѣловалъ безъ конца...

— Самуилъ вручилъ мнѣ какое-то письмо, отправленное сюда изъ Ополя, — сказала графиня Морская, входя въ комнату Терезы въ висновецкомъ замкѣ.

— Письмо? Ко мнѣ?..

Тереза быстро схватила конвертъ — не онъ ли? Можетъ быть, онъ уже откликнулся — спасеть ее ради нея и ради себя.

Она разорвала конвертъ.

— Боже мой!

Ея собственное письмо разорвано!

Руки съ конвертомъ и съ письмомъ опустились.

— Что это? — спросила графиня Морская.

— Ничего, — отвѣтила глухо Тереза. — Я буду женой князя Висновецкаго, если вамъ угодно.

— Покажи, — что это за письмо? Разорванное?

— Это мое письмо, которое я ему писала...

— Когда? Отсюда? — вскрикиваетъ, волнуясь, графиня Морская.

— Нѣтъ, изъ Кракова.

— Онъ вернулъ его тебѣ? Разорваннымъ?

— Да.

— Какой нахаль!

— Онъ имѣлъ право.

— Во всякомъ случаѣ, онъ хорошо сдѣлалъ. Но онъ долженъ былъ сдѣлать это давно. Однако, какъ ты могла ему писать?... Эхъ ты!

Графиня Морская чувствуетъ совершенно искреннюю потребность посердиться, но, по мѣрѣ того, какъ приближается день свадьбы, она не только противъ собственной воли, но даже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ начинаетъ чувствовать какую-то робость по отношенію къ будущей владѣтельной княгинѣ.

— Ну, значить съ этой глупостью окончательно покончено!

— Теперь мнѣ уже совершенно безразлично, Висновецкій ли, или кто-нибудь другой, — отвѣтила Тереза совсѣмъ беззвучнымъ голосомъ.

— Ты бредишь или позируешь сама передъ собой. — Я отлично вижу огромную перемену въ тебѣ. Висновецкій тебѣ нравится, и не скрывай этого отъ меня, не позируй.

— Дѣйствительно, мама, я была веселѣе, такъ какъ была увѣрена, что онъ меня вырветъ...

— Молчи! Въ самомъ дѣлѣ, можно потерять всякое терпѣніе — графиня Морская даже топнула ногой о коверъ. — А объ этомъ письмѣ ни слова! Отъ твоей подруги въ Швейцаріи. И никакихъ минъ, никакихъ гримасъ, никакихъ глупостей, а то я скажу отцу, что ты писала.

Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу Терезы.

Онъ, значить, ни въ чемъ не попробовалъ убѣдиться или узнать, — разорвалъ письмо, отправилъ назадъ и плюнулъ на нее, на ея любовь, на ея клятвы, на все... Значить, — кончено... Все кончено... И такъ... И такъ...

Зачѣмъ Богъ ее такъ наказываетъ и за что? Это было не испытаніе, значить, не проба, а такова была воля Божья.

Должно быть — она тяжело согрѣшила...

И она мысленно проходитъ всю свою жизнь, ищетъ грѣховъ и виновности, ищетъ какихъ-то преступленій и поступковъ и тѣхъ, которые она помнитъ, она усиливаетъ и уможаетъ.

Какъ бы то ни было, отослалъ ли Рдзавичъ письмо, получивъ извѣстіе объ ея обрученіи, или потому, что онъ самъ по себѣ хотѣлъ такъ поступить — фактъ остается фактомъ: онъ отвергъ ее самымъ мучитель-

нымъ, самымъ унижительнымъ образомъ и отнял всякую надежду. Но если онъ только теперь узналъ о случившемся, то онъ совершенно оправданъ. Какъ?! Она дала ему клятвенное обѣщаніе и дѣлается невѣстой другого?..

А что же она могла сдѣлать противъ мольбы матери, противъ Висновецкаго, грозившаго пулей и отцу и братьямъ?!

Въ головѣ Терезы темный хаосъ.

Она не допускала, не представляла себѣ, что жизнь такъ убійственно тяжела, что въ ней такія трудности, что хоть головой бейся о стѣну.

Все кончено...

Тѣ, что она до сихъ поръ испытала, — ничто. Только теперь отъ нея отвернулось солнце, отошелъ отъ нея день. До сихъ поръ все было ясно, прекрасно и спокойно.

Бѣжать, бѣжать въ монастырь, туда, гдѣ заперлась старшая сестра...

И Терезу сразу охватилъ ужасъ.

Опять борьба, опять трудности, опять столкновенія съ родителями, которые тогда окажутъ непреодолимое сопротивленіе, столкновенія съ братьями, съ теткой Вычевской...

Тогда, конечно, семья ея все скажетъ Висновецкому.

Какъ же это? Она стала невѣстой, любя другого, обманывала его со скрытой мыслью, весь планъ былъ рассчитанъ на то, чтобы облегчить бракъ Здислава съ

Кмитой — значитъ она позволила своимъ родителямъ воспользоваться ею какъ орудіемъ въ такомъ планѣ?

Тогда и выяснится, что ее принудили дать слово князю. Въ какомъ же свѣтѣ выставить она своихъ родителей, чему ихъ подвергнуть?..

И того человѣка теперь нѣтъ съ ней, онъ не поможетъ ей, не заслонитъ, не защититъ. Да, вѣдь это онъ толкнулъ ее въ эту пропасть...

Нѣтъ! она сама открыла ее у ногъ своихъ...

Нѣтъ! Что она сдѣлала? Что она могла сдѣлать?! Такъ что же? Кто виноватъ?!

Темный хаосъ, водоворотъ...

Но въ этомъ водоворотѣ Тереза начинаетъ какъ бы открывать глаза, которые были до сихъ поръ закрыты. Какъ бы бѣльмо, лежавшее на зрачкахъ, стало сходить.

Какая-то ясность разливается передъ нею.

Она чувствуетъ, точно въ ней что-то сосредоточивается, точно какой-то плодъ въ ея головѣ, что дожидался момента зрѣлости, лопнулъ и вскрылся, чтобы имъ можно было пользоваться. Чувствуетъ, что ея больные грустные и отчаянные глаза начинаютъ глядѣть въ пространства, которыхъ она раньше не предчувствовала. Передъ нею открывается чужой міръ, невѣдомый міръ какихъ-то страданій ужасныхъ, зловѣщихъ, но въ то же время какихъ-то глубокихъ мыслей широкихъ и далеко идущихъ. И великій, угрюмый, бьющійся изъ какой-то пропасти колокольный звонъ гудитъ въ

туманъ, который клубится передъ ея глазами: это — Жизнь.

И у нея такое чувство, точно она начала жить только теперь — точно все, что было раньше, былъ какой-то дѣтскій сонъ, сидѣніе гусеницы въ коконѣ, внѣ котораго глаза ея ничего не видѣли, уши ничего не слышали, сердце ни къ чему не притрогивалось. Она чувствуетъ, что беретъ на себя крестъ жизни, открывшей передъ ней двери и показавшей свои тайны.

Такъ вотъ, что такое жизнь — хаосъ, вихрь, чувства, мысли, факты, дѣйствія, которыя клубятся и бросаются другъ на друга и другъ черезъ друга, какая-то метель, среди которой не видно никакой дороги, пространство, гдѣ можно итти налѣво, направо, впередъ и назадъ, пространство полное тернистыхъ стѣнъ, ямъ, непрочныхъ мостовъ, предательскихъ бродовъ, гдѣ ничего нельзя узнать впередъ, никогда нельзя предвидѣть, гдѣ удастся пройти благополучно или погибнуть, запутаться, пропасть, потеряться до послѣдней безпомощности и послѣдняго безсилія...

Бездна!..

Когда ее пронзила настоящая, страшная, неотвратимая, мучительная боль — ей открылся міръ жизни.

И она чувствуетъ, что въ этотъ міръ она шла и что онъ ее ждалъ, что раньше или позже она должна была проснуться, что она перестала быть ребенкомъ и становится членомъ общества, человекомъ среди людей, становится сподвижникомъ жизни и начинаетъ создавать жизнь, начинаетъ скатываться въ какую-то не-

предвидѣнную глубь и даль, вмѣстѣ съ гигантскимъ колесомъ, которое охватываетъ все, что живетъ на землѣ.

Она чувствуетъ, что мало поручить себя опека Божіей, мало довѣриться ребяческой, довѣрчивой, бессмысленной утренней и вечерней молитвѣ «Отче нашъ»... что лопнулъ поясъ, который удерживалъ ее до сихъ поръ на тихой водѣ; вода стала вдругъ мутной, глубокой и бурливой, а она движеніемъ собственныхъ рукъ и ногъ должна удерживаться на поверхности, что веревка, которая вела ее, лопнула, а она должна собственными глазами опредѣлить путь, сама должна взять направленіе и собственной волей сообщать тѣлу движеніе.

Она чувствуетъ, что теперь все противъ нея, что нѣтъ ни одного атома воздуха или земли, который не возсталъ бы противъ нея, и вспоминаетъ изреченіе Священнаго писанія: «Проклята земля въ дѣлахъ твоихъ; трудясь питаться будешь отъ нея во вся дни жизни твоей. Тернія и волчцы произрастятъ она тебѣ, и будешь питаться полевой травой. Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой взятъ».

Тереза чувствуетъ, что она вышла изъ какого-то заколдованнаго сада, изъ какого-то замороженнаго рая.

И та любимая рука открыла ей врата и изгнала изъ него... То, что казалось ей самымъ прекраснымъ, самымъ цѣннымъ, самымъ благословеннымъ и святымъ,

открыло ей врата борьбы, страданій, до умопомраченія запутанныхъ трудностей жизни.

Бездна!

Такъ какъ же? Каждая ея любовь превращается во зло противъ нея: любовь родителей, любовь братьевъ, любовь того человѣка, котораго она любитъ сердцемъ женщины. Такъ какъ же? То, что должно быть счастьемъ, даетъ боль; что должно быть радостью — даетъ горе; что должно быть упоеніемъ — ввергаетъ въ отчаяніе.

Тереза хватается обѣими руками за голову, такъ какъ мозгъ ея кружить страшный, уничтожающій вихрь.

Такъ какъ же? Гдѣ ищешь добра, тамъ вырастаетъ зло; значить надо убить одного, чтобы жилъ другой, отравить одного, чтобы вылѣчить другого, проклинать самыхъ дорогихъ ради самаго дорогого! И значить это составляетъ трудъ и дѣло психической жизни человѣка?

— Боже! Боже!

Тереза обращается къ образу, нарисованному на стѣнѣ, но, несмотря на глубокую и искреннюю вѣру, какая-то мертвенность поражаетъ ее въ полотиѣ образа, въ стеклѣ, въ деревянной рамѣ, въ линіяхъ и краскахъ. Въ первый разъ она чувствуетъ потребность подняться выше того, что стоитъ у нея передъ глазами. Она хочетъ Бога, а не образа. И въ первый разъ глаза ея утопаютъ въ безпредѣльной, безконечной, бездонной глубинѣ, полной тумана и темноты. Безсильная, безпомощная душа ея падаетъ на землю.

— Боже!

Въ первый разъ кажется Терезѣ, что голосъ души ея летитъ куда-то въ туманъ и мракъ далеко, далеко, далеко...

И она стоитъ безпомощная, безъ словъ, безъ слезъ, безъ движенія, безъ воли, не зная ничего другого кромѣ того, что даетъ ей сознаніе этого я предъ лицомъ земли и неба, полныхъ грознаго величія, тревоги и мрака.

Бездна.

Страшная мигрень продержала Терезу въ кровати дня два. На третій день, утромъ, когда князь вертѣлся въ сосѣднихъ комнатахъ, Тереза, поблѣднѣвшая, похудѣвшая, со страшной синевой подъ глазами, вышла изъ своей спальни и въ первый разъ улыбнулась ему, по крайней мѣрѣ, силилась улыбнуться и въ первый разъ сама протянула ему руку для поцѣлуя. Она такая несчастная... Ей нужно, чтобы кто-нибудь ее любилъ, кто-нибудь, кто бы онъ ни былъ — ей нужно, чтобы ее кто-нибудь защитилъ отъ презрѣнія Рдзавича, отъ плевковъ въ ея лицо, въ душу, честь, вѣру, сердце, во все ея существо, всю ея жизнь.

Князь Самуиль прижалъ ея руку къ губамъ, прижалъ другую, всталъ передъ ней на колѣни, обнялъ колѣни, цѣловалъ ихъ.

Онъ любитъ ее, дѣйствительно любитъ, — Тереза это чувствуетъ. А въ немъ клокочетъ и кипитъ страсть, и слабость этой дѣвушки только разжигаетъ ее, какъ огонь. Тереза чувствуетъ желаніе опереться на плечо

Висновецкаго. Она такъ страшно, страшно, страшно несчастна...

Графиня Вычевская объясняетъ княгинѣ Висновецкой, немного обезпокоенной видомъ Терезы, что Тереза до безумія влюблена въ князя, не спитъ по цѣлымъ ночамъ, а если и спитъ, то повторяетъ поминутно его имя; что при ея скромномъ воспитаніи, то, что она теперь чувствуетъ, ее пугаетъ и, разумѣется, выводитъ ее изъ равновѣсія, что, наконецъ, имѣть такого жениха и ждать такого мужа... Княгиня начала улыбаться, гордая и довольная. Затѣмъ княгиня повела графиню Вычевскую въ свой кабинетъ и, спустя нѣкоторое время, княгиня съ душистой египетской папиросой, а графиня Вычевская съ рюмочкой сладкаго, нѣжнаго, французскаго ликера стали перелистывать старые альбомы съ фотографическими карточками, отыскивать старыхъ знакомыхъ, изъ которыхъ многіе уже отошли въ вѣчность, — вспоминать свою минувшую молодость и чувства, въ родѣ тѣхъ, которыя теперь лишаютъ Терезу сна и заставляютъ дрожать молодое, свѣжее тѣло...

Графиня Вычевская, навравши про Терезу, не врала о самой себѣ, княгиня тоже погрузилась въ воспоминанія о своемъ прекрасномъ прошломъ.

И еще одну новость узналъ Рдзавичъ въ женевской польской читальнѣ: что свадьба Терезы состоится пятого января въ Краковѣ, въ церкви Дѣвы Маріи.

До дна!.. До дна!..

И поѣздъ везъ его по великимъ снѣжнымъ Альпамъ, по пустымъ снѣжнымъ моравскимъ полямъ.

Въ маленькой второстепенной гостиницѣ въ Краковѣ Рдзавичъ записался подъ фамиліей Якова Страценскаго, купца изъ Бжезанъ.

Быль вечеръ четвертаго января. Рдзавичъ стоялъ передъ зеркаломъ, криво отразившимъ лицо, и смотрѣлъ въ него въ черныхъ очкахъ, примѣряя купленную въ Вѣнѣ черную, длинную бороду. Купецъ увѣрялъ, что на «Maskenball'ѣ» его никто не узнаеть. Было время карнавала, «Maskenball» — дѣйствительно!..

Онъ вышелъ изъ гостиницы; липкій снѣгъ шелъ крупными клочьями, было темно и безлюдно.

Рдзавичъ шелъ изъ улицы въ улицу, закрываясь зонтикомъ, впрочѣмъ, у него тутъ было мало знакомыхъ, почти никого.

Вышелъ на рыночную площадь. Часы пробили девять часовъ, били медленно, какъ его стѣнные часы въ мастерской въ Скибовкѣ.

На Шевской улицѣ онъ замѣтилъ передъ собой женщину, худую, тонкую, въ чемъ-то въ родѣ шляпы, въ лѣтней, коротенькой кофточкѣ, прихрамывавшую на лѣвую ногу. Отъ нея вѣяло нищетой, но можно было сразу узнать, кто она такая.

Онъ шелъ за ней; дѣвушка замѣтила это и оглянулась подъ фонаремъ.

Она не пробовала даже улыбаться. Въ выраженіи

ея некрасиваго, худого, блѣднаго лица была безнадежность.

И она продолжала идти, спотыкаясь. На улицѣ ихъ было только двое.

Что-то тянуло Рдзавича къ этой нищенкѣ.

Они опять шли изъ улицы въ улицу, въ переулки.

Дѣвушка оглянулась вторично и спросила:

— Вы за мной идете?

— Да, — отвѣтилъ Рдзавичъ.

— Сейчасъ. Вотъ, на углу тутъ же.

И лицомъ старалась выразить удовольствіе.

Вошли въ темныя сѣни маленькаго одноэтажнаго дома.

Дѣвушка подошла къ дверямъ, открыла ихъ и зажгла въ комнатѣ лампу. Комната была маленькая, низенькая, можно было головой почти коснуться потолка. Въ ней была грязная кровать, маленькій столикъ, сундучокъ, два стула, и на третьемъ мѣдный тазъ съ перевѣшанными черезъ спинку двумя полотенцами, надъ кроватью двѣ фотографическія карточки. Въ углу желѣзная печка.

Дѣвушка взглянула вопросительно на Рдзавича, стоявшаго около печки.

— Она топится? — спросилъ Рдзавичъ.

— Нѣтъ. Третьяго дня топилась.

— Тутъ холодно.

— Да, холодно. Ну, да что жъ дѣлать?..

— У тебя есть деньги?

— Нѣтъ.

Рдзавичъ далъ ей гульденъ.

Она взяла, не поблагодаривъ.

— Садись.

Она сѣла и стала разстегивать воротникъ? Рдзавичъ сдѣлалъ ей знакъ рукой, чтобъ она оставила его.

— Что, ты всегда находишь заработокъ?

— Иногда ничего.

Дѣвушка взглянула на него, какъ будто удивилась, что онъ не видитъ ея безобразія, ея худощавости, ея нищеты.

Рдзавичъ вынулъ папиросу и далъ дѣвушкѣ; она стала жадно курить.

— Это убиваетъ голодъ, — сказала она.

— Тебѣ хочется ѣсть?

— Вчера ѣла!

Рдзавичъ снова далъ ей немного денегъ.

Дѣвушка взглянула на него, какъ на безумнаго.

— За что вы мнѣ даете?

— Ты вѣдь бѣдная.

— О, это правда! Я бѣдная!..

— Отчего ты ничего не дѣлаешь?

— Не умѣю. И кто же меня возьметъ? Впрочемъ, мнѣ такъ и надо.

— Такъ и надо?

— Я некрасивая, худая, — а все-таки надо такъ... Я какъ нищая, ей-ей...

Рдзавичъ посмотрѣлъ на эту нищету и погрузился въ нее мыслями. Гдѣ-то въ краковскомъ переулкѣ, въ норѣ у нищенки, наканунѣ свадьбы любимой женщи-

ны... Миѣ хорошо здѣсь, — я принесъ нищету къ нищетѣ, смерть къ смерти...

— И я долженъ такъ, — говорилъ онъ про себя.

— Послушай, — сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время. — Сюда никто не придетъ?

Дѣвушка махнула рукой.

— Кому бы сюда притти!

— Такъ ложись и спи.

— А что же вы будете дѣлать? Развѣ у васъ нѣтъ квартиры?

— Есть, но я не хочу туда возвращаться. Вотъ тебѣ еще.

И онъ снова далъ ей немного денегъ.

Дѣвушка раздѣлась и легла спать. Вскорѣ она стала храпѣть.

Рдзавичъ сидѣлъ за столомъ, опираясь головой на руку.

Теперь въ Грандъ-Отелѣ, въ томъ же самомъ, изъ котораго онъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ получилъ письмо, вѣроятно большой пріемъ. Тереза, гордая, счастливая, сіяющая, въ драгоценныхъ камняхъ, полученныхъ отъ жениха, въ бѣломъ платьѣ ослѣпляетъ и очаровываетъ своей красотой и привлекательностью. Она улыбается прекраснѣйшей въ мірѣ улыбкой, улыбается такъ, какъ улыбалась ему...

Шли они тамъ — щека къ щекѣ, — въ черную, темную пропасть...

Охъ! Отчего не пришла смерть!?!.. Развѣ то не

должно было быть все?!.. Вмѣсто смерти явилось это смертельное признаніе: я люблю!..

Гости разъѣзжаются. Сіяющая радостная Тереза ложится спать. Въ послѣдній разъ въ свою дѣвичью постель. Сердце, полное счастья и тревоги, бьется въ ея груди... Она ждетъ, жаждетъ, требуетъ и боится... Завтра...

Нищенка храпитъ, тревожно переворачивается на грязной постели, стонетъ, ее, видно, моритъ голодный сонъ. Было уже слишкомъ поздно, чтобъ она могла вытти и купить себѣ поѣсть.

Смрадъ, спертый воздухъ просто одуряетъ. Но Рдзавичъ находитъ какое-то удовлетвореніе въ сліяніи съ этой нищетой. Какое-то удовлетвореніе въ горѣ: онъ со своей нравственной нищетой среди такой физической нищеты является чѣмъ-то гармоническимъ. Произведеніемъ искусства. Ему хочется встать и крикнуть дѣвушкѣ:

— Смотри! Я великій художникъ, великій скульпторъ и живописецъ, я получалъ конкурсныя награды на всемірныхъ выставкахъ, имя мое извѣстно и переживаетъ меня надолго, надолго...

И голова его падаетъ на край отвратительнаго, испачканнаго керосиномъ и жиромъ стола.

Со своимъ разорваннымъ письмомъ въ рукѣ Тереза сидитъ на кровати. Уже начинается свѣтать. Еще, еще есть время... Еще есть время итти, искать его,

броситься къ его ногамъ, умолять его... Гдѣ искать? И ничего, ничего, ничего, ни одинаго слова, ни одинаго звука, ни одинаго признака жизни, только это разорванное письмо!.. И за что? За то, что она бѣдная, слабая, безсильная дѣвушка, ждала спасенія, освобожденія отъ него, отъ мужчины... Онъ игралъ ею, игралъ своей любовью, а потомъ бросилъ ее...

Ахъ, если бы была, по крайней мѣрѣ, вѣра, что онъ тогда былъ искрененъ, что онъ любилъ, что онъ не обманывалъ себя и ее, когда они шли, прижавшись другъ къ другу, въ эту темную бездну, а онъ шепталъ: «Теперь пусть придетъ смерть»... И пришло слово жизни: «люблю»... Пусть же совершится воля судьбы. Висновецкій ее любить, такъ пусть беретъ ее. Будь вмѣсто него другой, она тоже отдалась бы ему, — все равно... Пусть беретъ ее кто хочетъ, лишь бы у нея было на кого опереться, лишь бы она знала куда скрыться отъ своего отчаянія и отъ презрѣнія человѣка, котораго она такъ любила!.. такъ любить!.. Пожалуй больше, чѣмъ когда-либо, несмотря на все... Видно, Богъ такъ хотѣлъ и такъ предрѣшилъ. Видно, это та чаша горечи, предназначенная ей Богомъ, которую надо выпить до дна. Да будетъ твоя воля, какъ на небесахъ, такъ и на землѣ... И пусть это страшное страданіе искупитъ хоть одинъ день его счастья..

И наступило утро, полдень пятого января.

До дна... До дна...

Рдзавичъ надѣлъ черные очки и приклеилъ передъ кривымъ зеркаломъ длинную черную бороду, купленную въ Вѣнѣ.

Никто его не узнаетъ на «Maskenball'ѣ»...

Комедія!

До дна!

Надо выпить до дна этотъ бокалъ горечи, чтобы ни въ чемъ не упрекать себя, чтобы нельзя было и предполагать, будто онъ оставилъ каплю этой боли, будто ею не воспользовался, не насладился до послѣдней капли.

Рдзавичъ положилъ руку на револьверъ.

Застрѣлиться тамъ?.. Нѣтъ. — Такъ зачѣмъ же его брать? Чтобы явиться передъ самимъ собою въ еще болѣе трагическомъ видѣ? На свадьбѣ своей бывшей невѣсты въ черныхъ очкахъ, съ бородой изъ вѣнскаго магазина и съ револьверомъ въ карманѣ? Продолженіе комедіи? Рдзавичъ сѣлъ въ церкви сбоку такъ, чтобы могъ все видѣть. Онъ не хотѣлъ ничего пропустить, ничего не хотѣлъ потерять.

Въ толпѣ поднялось движеніе, и вскорѣ послѣ этого сталъ подвигаться къ главному алтарю бестящій кортежъ, высококомѣрный, надменный, полный театральности, аффектированной свободы и искусственно выдрессированной небрежности.

Двое мужчинъ высокаго роста въ польскомъ платьѣ вели подъ руку Терезу.

Онъ увидѣлъ ее!

Судорожно схватился за попитръ скамейки, у которой онъ стоялъ.

Она шла блѣдная не обычной своей блѣдностью, а какой-то синей, мѣловой. Глаза съ синими кругами, немного раскрытый ротъ точно ловилъ дыханіе. Кавалеры, которые ее вели, очевидно, поддерживали ее.

— Невѣста должно быть больна, — долетѣло до ушей Рдзавича. Броситься туда! Разогнать всѣхъ!.. И почувствовать ея взглядъ, какъ плевокъ въ лицо.

Она стала на колѣни рядомъ съ будущимъ мужемъ, священникъ молился, соединилъ имъ руки эпитрахилью, обмѣнилъ ихъ кольца. Князь Висновецкій отвѣчалъ взволнованнымъ, но сильнымъ голосомъ, шопота Терезы не было слышно вовсе.

Вдругъ она пошатнулась... падаетъ!.. Князь быстро поддержалъ ее рукой. Она видно сразу овладѣла собой. Опять стоитъ неподвижно на колѣняхъ. Священникъ произноситъ надъ ними молитву, и гремитъ органъ. Они уже жена и мужъ...

Вотъ они встали и отошли въ сторону, чтобы присутствовать при другомъ бракѣ—брата Терезы съ графиней Кмита. Рдзавичъ отлично видитъ лицо Терезы. Въ немъ нѣтъ ни одной кровинки, глаза, какъ въ лихорадкѣ, неподвижно смотрятъ въ пространство, точно они ничего не видятъ, не замѣчаютъ. Лицо ея не выражаетъ ничего, только грудь усиленно работаетъ, и это видно подъ бѣлымъ лифомъ. Открытый ротъ ловитъ воздухъ. Она не смотритъ на своего мужа, который стоитъ рядомъ сіяющій, гордый и торжествую-

щій — это поза, это маска!.. Въ его темно-сапфировыхъ глазахъ время отъ времени сверкаетъ молнія, а губы подъ черными усами иногда быстро, сильно, по еле замѣтно вздрагиваютъ. Сердце Рдзавича сжалось отъ тревоги, страшной, смертельной внезапной тревоги. Какой-то страшный, смертельный свѣтъ разорвалъ его душу, какъ тучу молнія!.. Мозгъ его запылалъ, какъ туча отъ молніи.

Боже! А если?!

Пальцы Рдзавича вцѣпились въ твердое дерево попитра церковной скамьи.

Если...

Кровь бросилась ему въ горло, къ затылку... душила его... Если?.. Если онъ не понимаетъ, что случилось, если она его любитъ, если онъ могъ бы...

Темно, темно... Нѣтъ церкви, нѣтъ кортежа, нѣтъ людей, — но Тереза не спѣшитъ къ нему, не вызываетъ его, не зоветъ... Черные очки и вѣнская борода дѣлаютъ его неузнаваемымъ. Никто не узнаетъ его на «Maskenball'ѣ»... Броситься къ ней, крикнуть, спросить ее...

Нѣтъ, нѣтъ, страшный свѣтъ погасъ въ мозгу Рдзавича... Нѣтъ, если бы она его любила, она не стояла бы здѣсь. Не было бы такой человѣческой силы, которая принудила бы ее стоять здѣсь, если бы она его любила. Она можетъ быть больна, можетъ быть очень взволнована, можетъ быть, она выходитъ замужъ безъ любви, только ради карьеры.

Вдругъ глаза Терезы повернулись къ толпѣ.

Какая-то жизнь проснулась въ нихъ, они начали смотрѣть, видѣть. И проскользнули по лицу Рдзавича, по его чернымъ очкамъ и черной длинной вѣнской бородѣ — и ушли дальше, точно искали чего-то широко раскрытые... Его не узнавали на «Maskenball'ѣ»...

Священникъ обратился съ рѣчью къ обѣимъ парамъ сразу. Онъ говорилъ долго, ясно и красиво. Онъ указывалъ на обязанности, которыя возлагаетъ именитый родъ и богатство. Загремѣлъ органъ. Кортель двинулся отъ алтаря къ дверямъ. Рдзавичъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ, опираясь на руку князя, который теперь велъ ее, Тереза съ опущенными глазами, похожая на статую смерти, а не на символъ радости, выходила изъ церкви, такъ близко, такъ близко отъ него... Органъ игралъ. Свадебный кортежъ вышелъ изъ церкви, и толпа вынесла изъ нея Рдзавича на проклятый, трижды проклятый воздухъ, къ проклятому, трижды проклятому солнцу, къ проклятой, трижды проклятой жизни.

Графиня Морская послѣ завтрака переодѣлась у себя, чтобы проводить князя и Терезу на вокзалъ.

— А! Миѣ все кажется какимъ-то сномъ! Наша дочь владѣтельница княгиня Висновецкая! Здѣлавъ мужъ Кмиты! Я не смѣю просить у Бога чего-либо подобнаго для нашихъ младшихъ дѣтей! — сказалъ графъ Морскій, завязывая галстукъ. — Въ этомъ было бы уже слишкомъ много милости Господней! Почему ты такая странная, вмѣсто того чтобы радоваться нашему счастью?

— Знаешь, — отвѣтила графиня, — я боюсь! Мы все-таки принудили Терезу къ этой партіи! Ты обратилъ вниманіе, на что она была похожа во время вѣнчанія?

— Это пустяки! Впрочемъ, если бы мы даже принудили ее немного, то вѣдь только ради ея блага. Неужели намъ нужно было ее выдать замужъ за этого Рдзавича, или какъ его тамъ? Позволить ей промѣнить князя Висновецкаго на какого-то бродягу? Ужъ если говорить правду, то и твои разсужденія не въ пору.

— Ну, конечно, лучше и не могло сложиться... Миѣ жаль только ее, все-таки она его не любитъ.

— Я предпочитаю, чтобы она была нелюбящей княгиней Висновецкой, чѣмъ любящей госпожей Рдзавичъ.

— А если это не дастъ ей счастья?

— То она будетъ дура. Впрочемъ, дастъ, будь спокойна. Жди ея писемъ изъ свадебнаго путешествія. Малый какъ огонь. Кровь Висновецкихъ!

Графиня Морская вздохнула, несмотря на увѣренія мужа. А Тереза тѣмъ временемъ, при помощи горничной, одѣла дорожный костюмъ. Они собирались ѣхать въ Грецію и Египеть, вернуться черезъ Италію. Терезу душили рыданія, и она глотала слезы, соленыя и горькія.

Графъ Морскій, уже одѣтый, постучался въ дверь Терезы.

— Ты готова, свѣтлѣйшая княгиня?

— Почти, папа.

— Черезъ четверть часа надо ѣхать на вокзалъ.

Вотъ самый счастливый день въ моей жизни! Но ты могла бы уже покончить съ этой меланхоліей. Чего тебѣ, Богъ тебя храни, нужно, милая? Красивый человекъ, горы золота, княжеская корона, — все это упало тебѣ въ руки, какъ съ неба, — чего ты хочешь?

— Папа, — порывисто сказала Тереза, — я сдѣлала все, что вы велѣли. Вы можете дѣлать со мной, что хотите, но не можете заставить меня лгать передъ собственной душой.

Графъ Морскій такъ возмутился, что повернулся спиной къ дочери, процѣживая сквозь зубы:

— Ослица!

Въ эту минуту, почти не постучавъ, ворвался князь:

— Уже?! Вы готовы, Тереза?

— Сейчасъ, — отвѣтила за дочь графиня Морская.

Князь смотрѣлъ на жену, словно колеблясь, потомъ подскочилъ къ ней, и поцѣлуи его стали сыпаться, какъ градъ, на поблѣднѣвшія губы и блѣдное лицо Терезы.

— Будь спокойна, — пробормоталъ графъ Морскій женѣ, осторожно выпроваживая ее за рукавъ изъ комнаты.

Теперь, значить, настанетъ этотъ день... Теперь, значить, настанетъ, этотъ часъ...

Двери вагона закрылись. Они остались одни, вдвоемъ. Князь стоялъ еще у окна. Поѣздъ тронулся.

— До свиданія! — крикнулъ князь и закрылъ окно вагона, такъ какъ день былъ холодный.

Затѣмъ онъ упалъ передъ Терезой на колѣни и сталъ цѣловать ея ноги, платье, руки, потомъ медленно всталъ, наклонился надъ ней и цѣловалъ губы, шею, лицо, глаза, волосы, — и его дрожащія руки стали обнимать ее нервно, страстно.

Тереза вырвалась и понялась въ уголъ дивана. Онъ снова кинулся къ ней и обнялъ ее.

Тереза оттолкнула его руки.

Онъ сталъ ласкаться, тереться своею курчавою головою о ея плечо, глядя на нее снизу покорно, умоляюще. И опять обнялъ ее, и опять она вырвалась изъ его объятій съ порывистымъ шопотомъ:

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Тогда его брови и губы скривились, и злые огни заблестѣли въ его глазахъ.

Онъ схватилъ обѣ руки Терезы выше ладони, сжалъ ихъ до боли и процѣдилъ сквозь блестящія стиснутые зубы:

— Нѣтъ?!...

IX.

Дикая, безумная, бѣшеная энергія творца разрывала мозгъ Рдзавича. У него было впечатлѣніе, словно голова его — слабая глиняная урна, въ которой клокочуть расплавленные металлы. Иногда онъ хватался рукой за голову и зажималъ глаза, словно боялся, что черепъ его не выдержитъ наплыва мыслей, что глаза потухнутъ отъ толпящихся передъ нимъ видѣній. Его

римская мастерская была завѣшана картонами, на которые онъ набрасывалъ свои эскизы, не имѣя времени ихъ окончить.

«Тишина», во второй разъ начатая въ Римѣ, второпяхъ исполненная только въ гипсѣ, стояла въ мастерской готовая.

«Наполеонъ на смертномъ одрѣ», модель котораго онъ уже выставялъ въ гипсѣ, онъ высѣкалъ изъ мрамора, желая также его отлить изъ бронзы.

Кромѣ того, онъ высѣкалъ новую скульптуру: «Ангела смерти»: на землѣ навзничъ лежитъ умершій человекъ, съ выраженіемъ мучительнаго утомленія въ застывшихъ чертахъ; надъ нимъ сидитъ на обрубленномъ пнѣ громадный духъ съ опущенными крыльями, съ злобѣщимъ, спокойнымъ и мрачнымъ лицомъ, лѣвой ногой опираясь на бокъ лежащаго. Это была холодная, твердая, равнодушная и безчувственная природа.

На мольбертѣ стоялъ собственный портретъ художника. Ехидно улыбающійся сатиръ показывалъ на немъ въ зеркалѣ лицо мертваго живописца. Рядомъ, на большомъ полотнѣ, въ безумныхъ прыжкахъ, съ искривленными отъ безумнаго смѣха лицами, группа голыхъ нимфъ танцевала вокругъ какого-то сумасшедшаго, который страстно обнималъ гордую, безрукую статую Венеры Милосской. Но лицо этой Венеры, такъ же какъ «Тишина», имѣло нѣкоторое сходство съ Терезой.

И затѣмъ онъ написалъ картину, гдѣ поэтъ, съ маленькой арфой въ рукѣ, прищиприваетъ бѣшенатаго боевого коня къ прыжку черезъ пропасть, откуда летитъ

вверхъ фигура женщины въ золотомъ шлемѣ и золотомъ панцырѣ, съ крыльями за плечами и съ золотымъ мечомъ въ рукѣ.

И была еще одна небольшая картина, гдѣ немолодой человекъ въ платьѣ рабочаго везетъ на тачкѣ въ гору по узкому мостику надъ пропастью разныя сокровища, золото и серебро, везетъ въ потѣ лица; вотъ онъ остановился, такъ какъ на противоположномъ концѣ мостика, вверху, увидѣлъ каменную фигуру сфинкса, а надъ нимъ сидящую на корточкахъ равнодушную смерть.

Когда Рдзавичъ оглядывался кругомъ въ своей мастерской, онъ думалъ: «вотъ плоды Терезы».

И его душилъ смѣхъ. Она исполнила свою задачу — оплодотворила его мозгъ и ушла.

Уже приближался конецъ апрѣля. Рдзавичъ послѣ свадьбы Терезы уѣхалъ въ Римъ, остался тамъ, уединился и замкнулся въ самомъ себѣ. Онъ ни съ кѣмъ не встрѣчался и жилъ одинъ. Единственные люди, имѣющіе доступъ къ нему, были натурщицы и его помощники.

Онъ работалъ.

Рѣшилъ отвѣтить Терезѣ. Отвѣтить достойно. Теперь наступила «минута Самсона».

Онъ лѣпилъ и писалъ. Безумная, дикая, бѣшенная энергія творца разрывала его мозгъ, а сердце ныло отъ боли, тоски и отчаянія.

Творя, онъ думалъ :

«Я кормлю другихъ, съѣдая собственный мозгъ, выпивая собственную кровь».

И неумолимая дьявольски-ехидная иронія шептала ему :

«Встать теперь въ позѣ провинціального Гамлета, лѣвую ногу впередъ, правую руку за жилетъ, съ гордо поднятой головой и съ меланхолически полузакрытыми глазами»...

Все ужъ было окончено, за исключеніемъ «Наполеона». Однажды, рано утромъ, Рдзавичъ утомленный вышелъ въ городъ и вошелъ на каменную террасу, откуда виднѣются древній римскій форумъ и дворцы цезарей. Было такъ рано, что никого не было. Только на каменной скамьѣ Рдзавичъ увидѣлъ сидѣвшую тамъ Терезу. Онъ остановился, и ему сдѣлалось дурно.

Онъ хотѣлъ отвернуться и уйти, но ноги отказались служить.

На ея лицѣ, загорѣвшемъ отъ южнаго солнца и прекрасномъ, отразился испугъ.

Нѣкоторое время они неподвижно смотрѣли другъ на друга. Вдругъ она, прижимая руки къ груди, какъ бы заглушая рыданія, встала и приблизилась къ нему на шагъ, съ выраженіемъ какой-то боли, вырывающейся изъ самыхъ сокровенныхъ глубинъ. Рдзавичъ, снявъ шляпу, подошелъ къ ней. Они пожали другъ другу руку. Крѣпко, глубоко до глубины сердца. И, держа

другъ друга за руки, безъ единого слова, глядѣли другъ другу въ глаза, словно души ихъ слились въ лобзаніи, и подошли къ каменной балюстрадѣ террасы.

И опять простояли нѣкоторое время молча, душу сливая съ душой.

Гдѣ-то, въ какой-то церкви началъ звонить колоколь.

— Колоколь, — шепнула Тереза.

— Смерти, — отвѣтилъ Рдзавичъ.

Тогда она поднесла его руку къ губамъ и начала ее цѣловать нѣжно, горячо, сладко и грустно, а изъ глазъ полились на руку слезы. Рдзавичъ вынулъ свою руку изъ ея рукъ, схватилъ обѣ ея руки въ свои, и только одно слово могло вырваться изъ сдавленнаго горла:

— Тереза...

Тереза разразилась громкимъ, неудержимымъ плачемъ. Она плакала долго, и этотъ плачь объяснилъ ему все. Каждое дрожаніе груди Терезы было новымъ объясненіемъ. Когда она перестала плакать, для него уже ничто не было тайной. Такъ хотѣлъ Рокъ.

— Отчего ты ничего не сдѣлалъ, ничего, ничего?...

— Я думалъ, что ты согласна...

— Я ждала тебя... Я думала, что ты вырвешь меня, что спасешь ради себя, что избавишь меня... Ничего, ничего... Ни одного слова, ни одного звука, ни одного признака жизни... Еще въ церкви, послѣ вѣчанія, мнѣ вдругъ показалось, что ты тамъ, что ты раздвинешь всю эту толпу, бросишься ко мнѣ и вскрикнешь: «я

здѣсь»!.. Я умираю тамъ передъ алтаремъ — вдругъ въ меня влилась струя жизни, я подняла глаза...

— Я былъ тамъ.

— Ты былъ тамъ?!

— Глаза твои скользнули по моему лицу и не узнали меня. Я былъ подъ маской.

— Ты былъ тамъ? О, Боже мой!...

Тереза зашаталась и упала на колѣни у балюстрады. Новая волна плача, такая страшная волна, что, казалось, сердце ея не вынесетъ, душила грудь Терезы...

— Значитъ, ты былъ тамъ... Отчего же ты не бросился ко мнѣ?

— Я боялся, что ты глазами плюнешь мнѣ въ лицо...

— А мнѣ казалось, что ты плюнулъ мнѣ въ глаза моимъ разорваннымъ письмомъ...

— Отчего ты мнѣ не написала?

— Развѣ я могла знать, гдѣ тебя искать? Да, впрочемъ, я и не могла знать. Ты не знаешь... Родители, братья, духовникъ... Сколько я перенесла... Я ждала тебя... Я такъ вѣрила... И ты это зналъ, — это доказало мнѣ мое разорванное письмо... И это было все съ твоей стороны, все, все! И ты, въ чьихъ рукахъ мраморъ дробится, не сдѣлалъ больше ничего, ты, передъ кѣмъ камень дрожить! Ты, который любилъ меня!

Она сгорбилась у балюстрады, согнувшись отъ боли. Рдзавичъ понялъ, что совершилъ преступленіе.

Страшное, багряное солнце совѣсти засверкало пе-

редъ нимъ на небѣ во сто разъ сильнѣе, во сто разъ ярче, чѣмъ то, что свѣтитъ ежедневно.

— Отчего?! Отчего?! — стонала, сжавъ лицо руками, Тереза.

— Отчего ты не пришелъ спасти меня?!...

— Я боялся твоего презрѣнія... ихъ...

— Значить, твое самолюбіе побѣдило нашу любовь... Значить, чтобы не подвергаться... чтобы не подвергать себя... Ты не хотѣлъ притти и убѣдиться... Ты сомнѣвался во мнѣ, но не сдѣлалъ ничего, ничего, чтобы удостовѣриться въ томъ, что не ошибаешься... ты, значить, хотѣлъ убить меня и себя... ты убилъ насъ ради своей гордости, ради самолюбія и ради своихъ предположеній...

— Я думалъ, что ты меня уже не любишь...

— Ты могъ сомнѣваться?! Ты въ этомъ могъ сомнѣваться?! А если и сомнѣвался, ты имѣлъ право притти и спросить меня! Я одна съ глазу на глазъ могла тебѣ отвѣтить, люблю ли я тебя еще! А ты отвернулся отъ меня, чтобы пощадить свое самолюбіе... И имѣлъ мужество притти на мою свадьбу... и стоять тамъ подъ маской... и смотрѣть, какъ я умираю, умираю отъ боли, тамъ, передъ этимъ алтаремъ... о!...

— Тереза!

— Преступленіе! Преступленіе совершилъ ты надо мною и надъ собою! Ты убилъ нашу жизнь, наше счастье, цѣль нашего существованія... Убилъ безъ милосердія, безъ милосердія, безъ спасенія!

Плачь Терезы перешелъ въ вопли, заглушаемые платкомъ.

Рдзавичъ чувствовалъ, что мозгъ его въ головѣ расплылся, а сердце превратилось въ твердый, горячій камень.

Вдругъ Тереза оперлась руками о балюстраду, подняла голову и, впиваясь глазами въ Рдзавича, сказала, улыбаясь смертельной улыбкой...

— Я вижу тебя... опять вижу тебя... ты мой... ты единственный... единственный, котораго я люблю, кого я буду любить до послѣдней минуты... Ты мой.

Смертельная улыбка блуждала на ея губахъ.

Рдзавичъ почувствовалъ, что черезъ его мозгъ, черезъ его спинной хребетъ до самаго сердца проходитъ раскаленный кривой, узкій и длинный мечъ.

Съ какой-то силой, какой-то сверхчеловѣческой волей Тереза встала и сказала глухимъ голосомъ, вырвавшимся изъ самыхъ сокровенныхъ глубинъ:

— Все кончено. Смотри, — черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у меня будетъ ребенокъ... Я чужая жена... Я буду матерью его ребенка... Все кончено... Я уйду. Не иди за мной. Живи, будь счастливъ, твори. Будь великимъ, извѣстнымъ. Найди счастье... Я живу тобою, чрезъ тебя. Когда я умру, приди на мою могилу въ такое же раннее, тихое, весенне утро, какъ сегодня, и положи мнѣ на могилу этотъ платочекъ, въ который я сегодня вливала свои слезы. Возьми... Приди.

И сила, которая была сильнѣе всего въ мірѣ, бро-

сила ея руки на шею Рдзавича и прижала ея губы къ его губамъ.

— Не иди за мной, нѣтъ, нѣтъ, никогда, — шептала она, держа его за руку. — Я христіанка, я вѣрую, я чужая жена, я буду матерью... Никогда, никогда... И я никогда не стану на твоей дорогѣ... Мы должны избѣгать другъ друга.. Ты можешь еще быть счастливъ... И думай, что и я также буду счастлива, — буду, буду въ моихъ дѣтяхъ.

Голосъ ея оборвался.

Рдзавичъ чувствовалъ, что мозгъ и сердце его слились въ раскаленный горячій шлакъ.

— Прощай, — сказала Тереза, пожимая ему руку. — Помнишь, какъ мы познакомились? Раугъ?.. Балъ?.. Аббація? Татры? Я не могу говорить... Этимъ я живу... Прощай! Прощай! Прощай!..

Она выпустила его руку и ушла быстро, быстро...

И прежде чѣмъ исчезла за стѣной, она оглянулась и послала ему воздушный поцѣлуй и слова, полныя смертельной любви, смертельной сладости и смертельной скорби.

— Прощай!..

Рдзавичъ остался одинъ. На мертвыя руины римскихъ развалинъ падало солнце, и онъ смотрѣлъ на эти памятники прежняго величія, смотрѣлъ, а въ душѣ его началъ распускаться на солнцѣ, зеленѣть, благоухать и сіять цвѣтокъ смерти.

Значить, такъ хотѣлъ Рокъ. Все было въ моихъ рукахъ, все могло быть...

Послѣ встрѣчи съ Терезой Рдзавичъ уже второй мѣсяцъ жилъ однимъ только словомъ: я могъ бы...

Это слово развѣдало его сердце и мозгъ, питалось его кровью, тѣломъ и нервами, его силой, энергіей, его творчествомъ и творческимъ гениемъ. Онъ пересталъ работать. По цѣлымъ днямъ и ночамъ онъ блуждалъ по Риму, надѣясь, что увидитъ еще Терезу, но больше ее не увидѣлъ. Она, должно быть, уѣхала въ тотъ же день. Онъ нигдѣ не справлялся о ней.

Онъ могъ... могъ...

Но онъ не хотѣлъ рисковать своей гордостью, своимъ самолюбіемъ, онъ больше любилъ свое самолюбіе, чѣмъ любовь Терезы. Но у него, однимъ взмахомъ набрасывавшаго громадные, смѣлыя композиціи, не хватило силы, смѣлости, самой обыкновенной энергіи и простой человѣческой храбрости для обыкновенной простой борьбы съ жизнью.

Полубогъ съ глиняной грудью, которую надо защищать отъ камешка ребенка, такъ какъ онъ можетъ разбить ее, богатырь воображенія, рыцарь собственнаго духа...

Онъ могъ... могъ... могъ все...

И убійственное, безобразное, совершенно нечеловѣческое отчаяніе свалило его съ ногъ.

И мозгъ его ясно объяснилъ ему все дѣло: такъ велико было напряженіе его воли, его энергіи въ творчествѣ, что ея для жизни не хватало. Все, что въ

нсмъ было мужественнаго, сильнаго, геройскаго, то-
нуло въ полотиѣ и мраморѣ. Энергія истратилась въ
трудѣ и творческомъ напряженіи, и ея не хватило для
жизни.

И вотъ запутанный узелъ: вѣдь страданіями под-
нималась и росла его творческая сила, и сама она
опять становилась причиной новыхъ страданій, — и такъ
далѣе, и далѣе.

И онъ, какъ тотъ рабочій, котораго онъ писалъ,
толкалъ въ гору по узкому мостику свою тачку зо-
лота и серебра, познаній, труда, опыта, оконченныхъ
дѣлъ, а на другомъ концѣ этого висящаго надъ про-
пастью мостика ждала сидящая на корточкахъ на мол-
чаливомъ сфинксѣ глухая и нѣмая смерть...

Вотъ результатъ жизни. Дѣйствительно, — кричалъ
голосъ въ его мозгу — ты питаешь другихъ, но самъ
ты живешь собственнымъ сердцемъ и собственной
кровью.

А мысль, что онъ могъ обладать Терезой, что она
долго ждала, надѣялась, вѣрила, что онъ избавитъ ее
спасетъ ее ради себя и ради нея, сверлила его душу
и тѣло, какъ тупой, страшный, доводящій до безумія
буравъ.

И его охватила какая-то странная, непреодолимая
жажда увидѣть еще разъ то мѣсто, гдѣ онъ, хоть на
мгновеніе, былъ счастливъ. Имъ овладѣло страстное
желаніе постоять еще разъ, въ послѣдній разъ на томъ
мѣстѣ, гдѣ на своей груди онъ чувствовалъ, какъ серд-

це билось какой-то повою жизнью, о которой онъ зналъ лишь, что она потеряна для него навсегда.

Тамъ передъ его глазами закатился день, который былъ послѣднимъ днемъ его земной жизни.

Тамъ, у Темнососенныхъ Прудовъ, около темныхъ, спокойныхъ прудовъ, онъ былъ любимъ и любилъ и въ послѣдній разъ передъ нимъ блеснула жизнь въ ея полнотѣ, дорогая, единственная, великая, любимая жизнь...

Тамъ, въ тѣхъ высокихъ, молчаливыхъ горахъ онъ бросилъ жизни послѣднее «Аве», послѣдній привѣтъ.

И не слышалъ, что горы отвѣтили ему протяжнымъ, мрачнымъ, вѣковѣчнымъ эхо:

«Привѣтъ тебѣ, умирающему!»

Былъ туманный, апрѣльскій полдень, но съ проблесками солнца, похожій на тотъ день, когда Рдзавичъ шелъ вмѣстѣ съ Терезой къ Темнососеннымъ Прудамъ.

Пріѣхавши рано утромъ къ Морскому Оку, Рдзавичъ, съ револьверомъ въ карманѣ, двинулся къ пруду, обошелъ его и сталъ карабкаться подъ Медяную гору къ Холубинскимъ воротамъ. Онъ ощущалъ легкость, трезвость, какую даютъ сильныя, смѣлыя рѣшенія.

Онъ рѣшилъ.

Станетъ еще разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Тереза поклялась ему быть его женой, пройдетъ еще разъ по

тому мѣсту, гдѣ они услышали другъ отъ друга слова: «люблю — люблю», — и покончить съ жизнью, которую сдѣлала совершенно невыносимой та мысль, что Тереза ждала отъ него спасенія, а онъ не сдѣлалъ ничего, чтобы спасти ее ради себя и ради нея.

Скорбь, отчаяніе и тоска сплелись съ этой мыслью въ одно неразрывное цѣлое, въ одну змѣю, которая смертельнымъ кольцомъ обвила грудь, ловила дыханіе его груди и пила кровь его сердца, самую глубокую кровь.

И въ пемъ была еще другая мысль: Тереза не найдетъ покоя, пока онъ живъ... Когда она узнаетъ, что онъ умеръ, то это препятствіе къ ея счастью или, по крайней мѣрѣ, къ примиренію съ жизнью, исчезнетъ. Но онъ пойдетъ весеннимъ раннимъ утромъ положить на ея могилу платокъ, пропитанный ея слезами... Быть можетъ, она сама пройдетъ тамъ, гдѣ какой-нибудь горный пастухъ найдетъ его кости, разнесенныя орлами и ястребами.

Ея улыбка... ея улыбка... Рдзавичъ старался вспомнить эту улыбку, хотѣлъ, чтобы она засіяла ему при смерти.

Странное чувство довольства и торжества охватило его. Вотъ, ни въ безуміи безпамятства, ни въ бессознательномъ нервномъ возбужденіи ни подъ непосредственнымъ вліяніемъ факта мучительнаго въ эту минуту, — а спокойно, трезво, по собственному рѣшенію перестаетъ онъ жить. Что страшно въ смерти? Ужасъ передъ Невѣдомымъ, сожалѣніе о жизни и отвращеніе

къ земному гніенію. Невѣдомое ему безразлично, гнить въ землѣ онъ не будетъ, только дикіе звѣри и птицы разорвутъ его тѣло на части, а съ жизнью какіе могутъ быть счеты? Онъ обанкротился на томъ, что было основой его привязанности къ жизни, къ міру, ко всему, что есть, обанкротился въ поискахъ за личнымъ счастьемъ и чувствовалъ, что навсегда.

Да, безъ сомнѣнія: эгоизмъ былъ содержаніемъ его жизни.

Онъ не жилъ ни для кого и ни для чего, не жилъ никѣмъ и ничѣмъ, жилъ только для себя, собою. Онъ зналъ только двѣ вещи: творить и жаждать, а въ остальномъ онъ былъ, какъ неплодная степь.

Теперь, въ эту минуту, Рдзавичъ чувствовалъ, до какой степени чуждо ему все человѣческое. Теперь, въ эту послѣднюю минуту жизни, въ немъ сосредоточились, громоздились и чудовищное равнодушіе къ человѣческому міру и безнадежное чувство, что до сихъ поръ онъ блуждалъ по чужбинѣ, съ которой у него нѣтъ ничего общаго, съ которой ничто его не связываетъ, съ которой у него нѣтъ никакого общаго міропониманія и мірочувствованія. Напрасно Камилла Наборовская хотѣла призвать его къ общей, общинной, общественной жизни — онъ не принадлежалъ ни къ какой общинѣ.

Рдзавичъ ясно теперь видѣлъ, что мозгъ его похожъ на рѣдкую сѣтку, гдѣ осѣдать можетъ только его собственная, болѣе густая кровь, но всякое вино, влитое въ нее извнѣ, вино, созданное человѣческой

культурой и заботами людей, протекает через нее безъ слѣда.

Впрочемъ, что такое жизнь? Принудительное повиновеніе законамъ, инстинктамъ, стремленіямъ, страстямъ, жаждѣ и желаніямъ, которыхъ не желаешь чувствовать въ себѣ, которымъ и не хочешь повиноваться, и ничтожность которыхъ въ сравненіи со смертію слишкомъ очевидна, и которые, благодаря этому, презираешь! Развѣ все человѣческое въ сравненіи съ той жизнью, которую воображаетъ себѣ душа, стоитъ чего-нибудь другого, кромѣ презрѣнія? Быть обреченнымъ на то, что ты человѣкъ, ничто другое, а только человѣкъ, хотя и не хочешь имъ быть, хотя у тебя есть жажда и понятіе о другой жизни, представленіе о томъ, какъ можно было бы жить — это мука.

Ахъ! Переносить эти чудовищные, эти глупые законы жизни, дѣлать шутовскія движенія въ трагедіяхъ или комедіяхъ, какъ паяцъ, котораго тянуть за веревку, безъ всякаго участія своей роли, а только потому, что такъ нужно.

Вотъ я ѣлъ, пилъ, спалъ, любилъ, былъ сыномъ, братомъ, человѣкомъ, членомъ общества, членомъ народа, думалъ, чувствовалъ, жаждалъ, ненавидѣлъ, потому что долженъ былъ, потому что былъ безвольнымъ предметомъ въ рукахъ жизненныхъ законовъ, которые дѣлали со мной все, что хотѣли и что было ихъ фабричнымъ предназначеніемъ!

Тереза, — что такое Тереза, что такое его чувство къ ней, ея страданіе, его боль, что такое онъ самъ

весь, какъ есть? — Теперь уже не иронія, какъ восемь лѣтъ тому назадъ, когда онъ съ револьверомъ въ рукѣ сидѣлъ подъ высѣченнымъ изъ мрамора «Ангеломъ смерти», а нигилизмъ, спокойный, нетронутый, холодный и абсолютный нигилизмъ раскрылъ передъ нимъ крылья гибели.

Напрасно его хотѣла изъ-подъ нихъ вырвать Набо- ровская, вѣрующая въ идеалы жизни.

Ничего... Ничего...

Никогда Рдзавичъ такъ не сознавалъ свое внутрен- нее существо, какъ въ этотъ послѣдній часъ жизни. Страшное, безповоротное банкротство единственнаго идеала, который у него былъ, идеала личного счастья, поставило передъ его глазами съ небывалой отчетли- востью сущность его души — нигилизмъ.

Онъ ускорилъ шаги и началъ быстро идти впередъ. Солнце молодое и свѣжее, полное весны, золотилось на карпатскихъ соснахъ. Онъ поднимался въ горы.

И взошелъ въ тѣ мѣста, гдѣ они стояли съ Терезой, прижавшись другъ къ другу, отыскалъ ихъ, и ему казалось, что ноги его стоятъ на тѣхъ же мѣстахъ, на травѣ, между обломками скалистыхъ камней.

Ея улыбка, ея улыбка...

Онъ отогналъ слово: «отчего», — безплодное, глу- пое слово «отчего». Отчего не случилось такъ, какъ оно могло бы, какъ должно было бы случиться...

Зачѣмъ думать объ этомъ? Онъ увидѣлъ бы только обанкротившееся уже чувство ироніи жизни отсюда съ высоты, гдѣ царствуетъ абсолютный нигилизмъ души.

Рвался выше, къ перевалу, гдѣ Тереза спросила:
— Вы сведете меня внизъ?

Ея улыбка, ея улыбка...

Онъ остановился на перевалѣ

Тучи перелетали надъ Среднимъ Верхомъ, гасили и зажигали солнце. Въ долину чернѣли и сверкали Темнососенные Пруды.

Вѣтеръ овѣялъ Рдзавича, сталъ холодить его лобъ, губы и грудь. Онъ передохнулъ.

И онъ началъ спускаться внизъ.

.

Нѣтъ! Прочь, иронія! Смерть выше тебя.

Это смерть человѣка, который не умѣлъ жить, но умѣетъ умереть. Это спокойное, благоразумное самоубійство человѣка, чья жизненная ошибка заключалась въ томъ, что онъ существовалъ, переходъ жизненнаго ничто въ свойственную ему сферу абсолютнаго Небытія.

Нѣтъ! Прочь, иронія! Эта смерть даже искупленіе по отношенію къ міру, къ Терезѣ, по отношенію къ самому себѣ — это прекрасная смерть.

Прочь, иронія! Ведетъ къ смерти не животное отчаяніе, не боль отъ внезапнаго удара, не рабство отъ какихъ-то комбинацій жизненныхъ функцій, принуждающихъ къ смерти, — къ ней ведетъ ясная, трезвая мысль, достойная свободнаго духа. Полное сознаніе вѣшнихъ условій и внутренняго положенія доводятъ до нея. Какова бы ни была первопричина, каковъ бы ни былъ импульсъ животной боли въ животной натурѣ,

разумный, сознающій себя духъ, не желая жить, перестаетъ жить.

И, опьяненный мыслью о красотѣ и независимости своей смерти, Рдзавичъ съ револьверомъ въ рукѣ оглянулся кругомъ. Онъ стоялъ надъ верхнимъ Темносо-сеннымъ Прудомъ.

Надъ его головой мчались облака, золотыя, бѣлыя и лазурныя, крутятся у вершины, или обнажая чистое, спокойное и солнечное небо.

Сильный вѣтеръ разбилъ стеклянную поверхность озера.

И на этой поверхности увидѣлъ Рдзавичъ свой обликъ, подвижной, странно искривленный на ряби воды. И совершенно сознательно, съ ужасомъ передъ мыслью, что онъ исполняетъ чью-то страшную волю, которая сильнѣе, чѣмъ его разумъ и воля, онъ началъ дѣлать странныя движенія, сначала медленно, потомъ все бы-стрѣе.

— Хо, хо, хо! Хо, хо, хо! Хо, хо, хо! Эрото-манъ! — загудѣло въ его головѣ.

Онъ отлично видитъ, что этими движеніями, прыж-ками и подскакиваніемъ онъ подражаетъ тому сумасшедшему, который подражалъ ему въ погонѣ за Марисей изъ Поронина.

Онъ видитъ это, отдаетъ себѣ отчетъ и не можетъ перестать.

— Хо, хо, хо! Эротоманъ! — гудитъ въ его головѣ. Рдзавичъ думаетъ очень ясно: его разумъ выше

того, что онъ ощущаетъ, но нервы подчинились внутреннему впечатлѣнію.

— Хо! хо! хо! — гудитъ въ его головѣ и подбрасываетъ его тѣло.

Душа осталась та же, но тѣло связано.

За Посреднимъ Верхомъ свѣтитъ солнце, громадное, неотразимое, страшное яркое солнце.

Изъ рукъ Рдзавича выпадаетъ револьверъ и падаетъ въ глубину водъ. Имъ овладѣваетъ бѣшенство, безуміе, онъ поднимаетъ руку къ солнцу, сжимаетъ кулакъ и, ломаясь, корчась подъ водой въ судорогахъ, кричитъ :

— Неужели я долженъ умереть, какъ шутъ?!

Отчаяніе! По такой причинѣ, на такомъ мѣстѣ, въ такомъ настроеніи души умереть такъ, что всякій, кто бы ни посмотрѣлъ на него, навѣрно бы расхохотался, — такъ умирать и видѣть собственный безобразный комизмъ...

Если онъ бросится въ бездну воды, то не въ силу собственной, независимой, царствующей воли, а какъ пассивный предметъ въ рукахъ извнѣшнихъ силъ, которыя будутъ исполнять свою задачу силъ жиненной «Судьбы».

Паяца дернули за веревку... О, отчаяніе!

Его ясный, трезвый, все видящій мозгъ напрасно старается все покорить, побѣдить нервныя судороги тѣла... Матерія возстаетъ противъ души, и душа чувствуетъ себя огнемъ, заключеннымъ въ стеклянную банку, который не перестаетъ свѣтить и пылать, но катится

туда, куда его тащить за собою круглая, безвольная, пассивная стеклянная банка, которую тоже кто-нибудь толкаетъ.

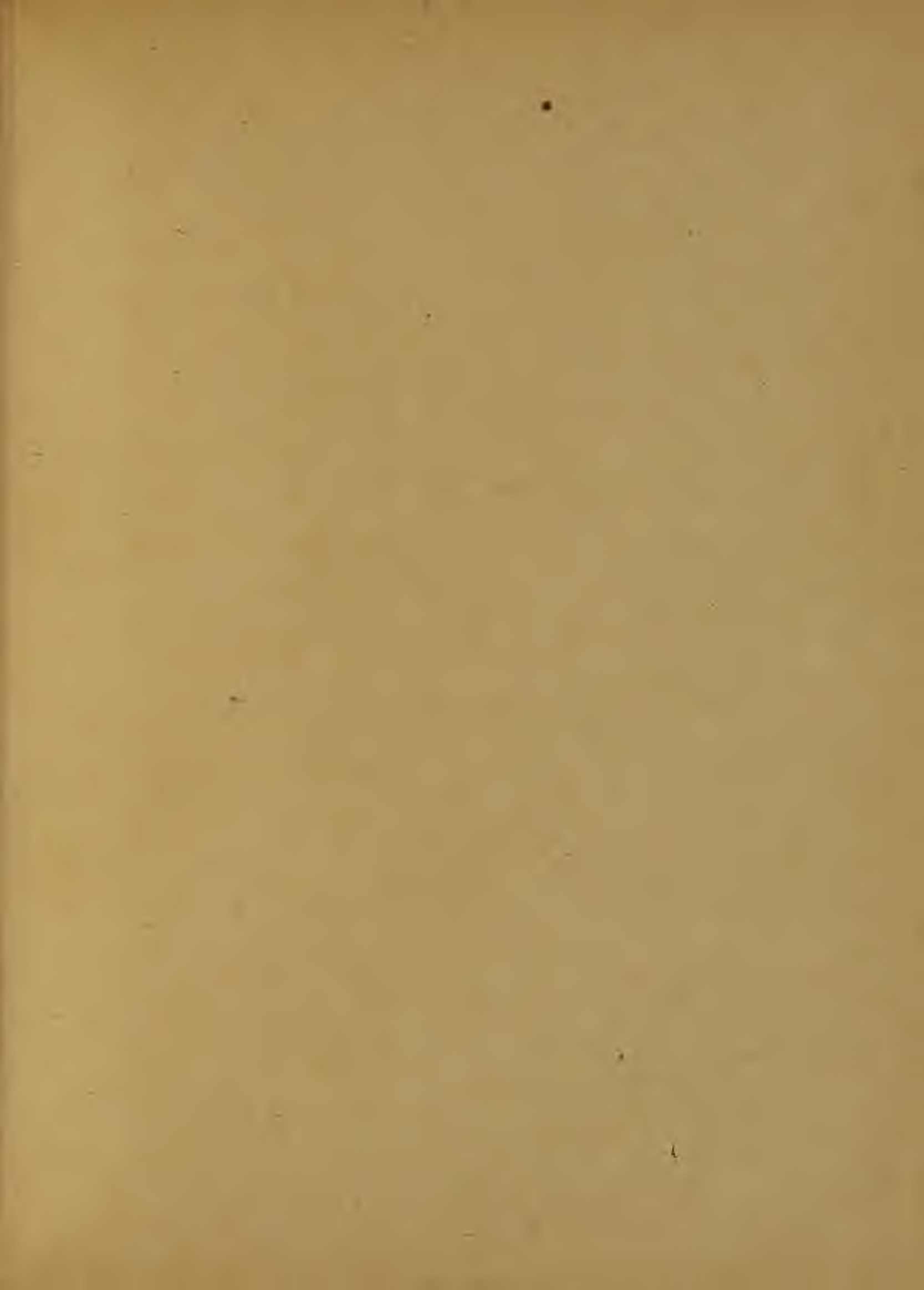
Течение вещей, которымъ на видъ управляетъ пропія, побѣждаетъ на видъ владѣющій собою нигилизмъ мозга Рдзавича.

И въ движеніи, о которомъ онъ сознаетъ, что хочетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и долженъ его исполнить, и которое является только трагическимъ скачкомъ къ смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ комическимъ подскакиваніемъ танцующаго тѣла, несчастный любовникъ Терезы и философствующій банкротъ вѣры въ единственную цѣнность своего существованія, сумасшедшій, одержимый безуміемъ подражанія сумасшедшему, который когда-то подражалъ ему самому, — Рдзавичъ отчасти по волѣ свободнаго, ни отъ кого независящаго человѣка, отчасти случайно, только потому, что очутился у глубокой и большой воды, — съ именемъ Терезы на губахъ, видя свой собственный скорбно комическій образъ, бросился въ Темнососенный прудъ.

— Смотри, отецъ викарій, что тутъ пишутъ, — говорилъ отецъ Грымайтисъ отцу Стшалковскому, положивъ газету на столъ и поднимая очки съ носа на лобъ, — будто этотъ Рдзавичъ, художникъ, который пропалъ гдѣ-то въ горахъ, не окончилъ Наполеона... жаль, что не окончилъ!.. охъ!..

Обложка и титуль печатаны въ типографіи Саблина, въ Москвѣ.

Текстъ печатанъ въ типографіи «Энергія». Сиб., Загородный 17.

E. 90657/0786

5-52

